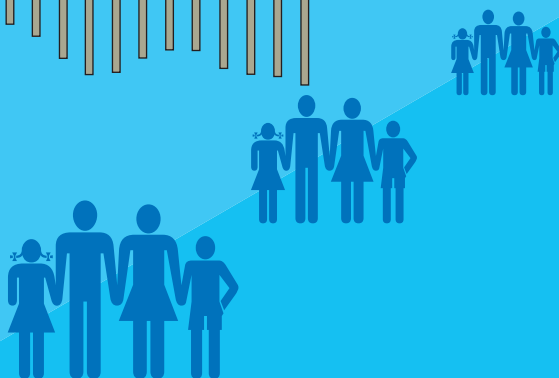
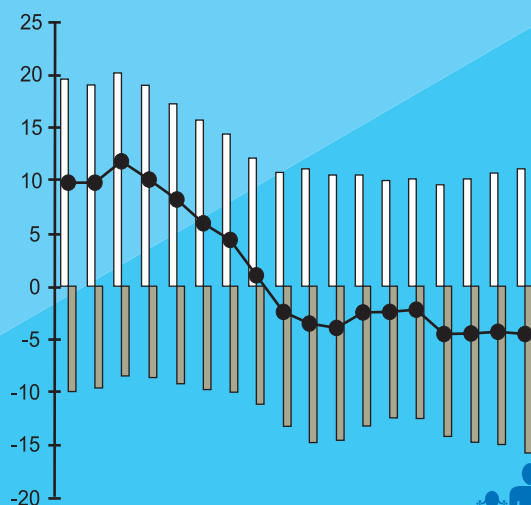

Я.А. Лещенко

КРИЗИС В ОБЩЕСТВЕННОМ ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:

**ГЛАВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ,
УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Иркутск - 2006

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ, ДЕМОГРАФИИ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

**RUSSIAN ACADEMY OF MEDICAL SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
EASTERN-SIBERIAN SCIENTIFIC CENTER
SCIENTIFIC CENTER OF MEDICAL ECOLOGY
SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF LABOUR MEDICINE
AND HUMAN ECOLOGY**

Ya.A. LESHCHENKO

**CRISIS
IN PUBLIC HEALTH
AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT:
MAIN MANIFESTATIONS, CAUSES,
CONDITIONS OF SOLVING PROBLEMS**

Second edition, reconsidered and supplemented

Irkutsk – 2006

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР МЕДИЦИНСКОЙ ЭКОЛОГИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МЕДИЦИНЫ
ТРУДА И ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА**

Я.А. ЛЕЩЕНКО

**КРИЗИС
В ОБЩЕСТВЕННОМ ЗДОРОВЬЕ
И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ:
ГЛАВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ,
ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

2-е издание переработанное и дополненное

Иркутск – 2006

УДК 361/362:616-058 (571.5)

ББК 51.1(2)0

Л 53

Лещенко Я.Л. Кризис в общественном здоровье и социально-демографическом развитии: главные проявления, причины, условия преодоления: 2-е изд., перераб. и доп. / Я.А. Лещенко. — Иркутск: РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2006. — 276 с.

ISBN 5-98277-034-5

Рецензенты:

доктор медицинских наук, профессор **С.И. Кицул**

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ **В.И. Самаруха**

В монографии на основании обобщения многочисленных материалов проанализированы в общенациональном и региональном (Сибирь, Иркутская область) разрезе основные закономерности и особенности изменений в здоровье и воспроизводстве населения, происходящие в конце XX и начале XXI века в российском обществе. Рассмотрены в экономическом, политическом, медицинском, демографическом, социальном, психологическом, философском аспектах сущность, детерминированность и направленность процессов, произошедших в общественном здоровье и социально-демографическом развитии в стране вследствие проведенных в 90-е гг. XX века либеральных экономических реформ, и происходящих в условиях созданной в результате этих реформ социально-экономической системы.

Книга предназначена для административных органов, депутатов всех уровней, организаторов здравоохранения, специалистов по проблемам социальной экологии и медицины, демографии и всех, кто интересуется вопросами общественного здоровья и социально-экономического развития.

В монографии использованы результаты исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 05-06-97202.

Табл. 36. Илл. 41. Библиогр.: 229 назв.

Утверждено к печати Ученым советом НИИ медицины труда и экологии человека — филиала Научного центра медицинской экологии ВСНЦ СО РАМН

Без объявления

ISBN 5-98277-034-5

9 785982 770349

© Я.А. Лещенко, 2006
© РИО ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2006

Leshchenko Ya.A. Crisis in public health and social-demographic development: main manifestations, causes, conditions of solving problems. Second edition, reconsidered and supplemented. – Irkutsk: Publishing House of Scientific Centre of Reconstructive and Restorative Surgery ESSC SB RAMS, 2006. – 276 p.

ISBN 5-98277-036-1

Readers:

Doctor of medical sciences, professor **I.S. Kitsul**

Doctor of economical sciences, professor,

Honored worker of science of Russian Federation **V.I. Samarukha**

In this monograph based on the generalization of numerous materials the main regularities and peculiarities in population health alterations and reproduction occurred at the end of 20th and the beginning of 21st centuries in the Russian society have been analysed from the point of national and regional view (Siberia, Irkutsk Region). The nature, determination and process trends occurred in public health and social-demographic development in the country because of liberal economical reforms in 90s and a social-economical system associated with these reforms have been considered based on economical, political, medical, demographic, social, psychological and philosophical aspects.

The book intended for administrative organs, deputies of all levels, public health organizers, the specialists on the problems of social ecology and medicine as well as demography and those who is interested in the issues of public health and social-economical development.

Tabl. 36. Fig. 41. Ref.: 229.

ISBN 5-98277-034-5

9 785982 177034

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АиФ	– Аргументы и факты
ВВП	– Валовой внутренний продукт
ВОЗ	– Всемирная организация здравоохранения
ВПК	– Военно-промышленный комплекс
ВСНЦ	– Восточно-Сибирский научный центр
ИМИ	– Институт макроэкономических исследований
ИНП	– Институт народнохозяйственного прогнозирования
ИСПИ	– Институт социально-политических исследований
ИСЭПН	– Институт социально-экономических проблем народонаселения
ИРЧП	– Индекс развития человеческого потенциала
ИЧР	– Индекс человеческого развития
КНБ РФ	– Концепция национальной безопасности РФ
КОЗ ГД РФ	– Комитет по охране здоровья Государственной Думы РФ
КП	– Комсомольская правда
ЛГ	– Литературная газета
МВФ	– Международный валютный фонд
НГ	– Новая газета
ППС	– Паритет покупательной способности
РАЕН	– Российская академия естественных наук
РАМН	– Российская академия медицинских наук
РАН	– Российская академия наук
СОПЖ	– Средняя ожидаемая продолжительность жизни
СО РАМН	– Сибирское отделение РАМН
СФО	– Сибирский федеральный округ
ЦСИ	– Центр стратегических исследований
ЦНС	– Центральная нервная система
ЦЭМИ	– Центральный экономико-математический институт
JRL	– Jonson's Russia List
NYT	– New York Times
RFE/RL	– Radio Free Europe/Radio Liberty
RLMS	– Russian Longitudinal Monitoring Survey

В монографии приняты условные обозначения табличных данных:

— — явление отсутствует;

... — данных не имеется.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	13
Глава 1. Основные виды потерь общественного здоровья и демографического потенциала в период структурных реформ конца XX – начала XXI веков (на примере Иркутской области)	15
1.1. Потери репродуктивного потенциала и здоровья	15
1.2. Смертность	26
1.3. Общая заболеваемость	38
1.4. Основные социально зависимые заболевания	42
Глава 2. Итоговые показатели демографического статуса и общественного здоровья в регионах Сибири. Оценки и тенденции	50
2.1. Изменения численности, состава и характера воспроизводства населения	50
2.2. Интегральные характеристики медико-демографических потерь	57
Глава 3. Власть, социально-экономическая политика и уровень жизни населения	69
3.1. Причины системного российского кризиса	69
3.2. Основные следствия неолиберальных реформ в экономике и социальной сфере	82
Глава 4. Закономерности, детерминанты и перспективы социально-демографического развития России и ее сибирских регионов	119
4.1. Точки зрения на демографические процессы в России и на их обусловленность	119
4.2. Причины ухудшения общественного здоровья, снижения жизненного и репродуктивного потенциалов населения	126

4.3. Проблемы развития человеческого потенциала	137
Глава 5. Неолиберальный проект в России – проверка временем и практикой	163
5.1. О географическом детерминизме	163
5.2. Сущность советского проекта и советского общественного строя. Кризис власти и идеологии	166
5.3. Неолиберальный проект: желаемое и действительное	173
Глава 6. В поисках выхода из кризиса	197
6.1. Какая социально-экономическая модель пригодна для России?	197
6.2. Что делать?	206
Глава 7. Вызовы времени и альтернативы будущего	221
7.1. Жизненно важные интересы общества и демографическая безопасность	221
7.2. О значении этнических особенностей и национальной психологии для общественного развития	226
7.3. Об ответственности власти перед обществом	238
7.4. О национальной идее	248
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	260
ПОСТСКРИПТУМ	271

ПРЕДИСЛОВИЕ

На глазах моего поколения произошли и происходят эпохальные и поистине драматические перемены в жизни российского общества. Начатые в начале 90-х гг. XX в. либеральные экономические реформы буквально потрясли все основы жизнедеятельности этноса — здоровье, воспроизводство, этнокультурные традиции, социальную психологию, менталитет и др.

В то же время поражает крайняя запутанность и противоречивость оценок этих реформ. Наверное, невозможно найти предмет, на который взгляды исследователей и экспертов расходились бы в большей степени, чем на социально-экономическую политику постсоветского периода. Вряд ли существует проблема, в отношении которой среди экономистов, историков, ученых-обществоведов, политологов, социологов, демографов существовали бы столь полярные мнения.

По выражению видного философа и социолога Александра Зиновьева, «наше время характеризуется поразительным стремлением уклониться от познания сущности социальных явлений и всеобъемлющим страхом перед истиной. Прилагаются колоссальные усилия к тому, чтобы создать извращенные представления о реальности, феномены которой и без того (т.е. сами по себе) принимают извращенные формы» [1].

Тем не менее многие ученые, государственные и общественные деятели ощутили серьезность угрозы самим основам существования российского этноса, угрозы, возникшей с самого начала реформ и с тех пор становящейся все более масштабной и осязаемой.

Мне, научному работнику, исследующему социально-экологические и медико-демографические проблемы, достаточно очевидна первостепенная значимость, ключевая роль демографического фактора в развитии социально-экономической системы как в относительно близкой, так и особенно в отдаленной перспективе. Медико-демографические показатели, по моему глубокому убеждению, являются наилучшими индикаторами и крите-

риями правильности, успешности социально-экономических преобразований, в том числе и тех, что происходят в последние годы в нашей стране.

При оценке любых политических и социально-экономических реформ основное внимание должно быть обращено не на цели, декларируемые реформаторами, которые у них всегда отличаются прогрессивностью, гуманностью и т.п. Например, в президентской программе Бориса Ельцина в качестве целей и главных принципов реформ провозглашались: консолидация общества на основе идеалов свободы и справедливости, уважение к традициям, равенство перед законом, сочетание в экономике частной инициативы и социальной защиты, создание сильного государства, обеспечение благосостояния народа. О том, как достигнуты эти цели за полтора десятилетия, всем хорошо известно.

Следовательно, главное внимание должно быть обращено на то, насколько создаваемая модель экономики и общества соответствует природно-географическим, геополитическим условиям жизнедеятельности этноса, его историческим этнокультуральным особенностям, и, самое главное, в какой степени она отвечает жизненно важным интересам нации. Кроме того, большое значение имеют парадигма и методология реформ и то, насколько адекватными и эффективными являются выбранные средства и механизм достижения поставленных целей.

Лучше всего понимание вышесказанного может быть достигнуто на каком-нибудь конкретном и живом историческом примере. И здесь нельзя найти более наглядного, более поучительного примера, чем гибель и распад Советского Союза. Это эпохальное событие, эта геополитическая катастрофа стала полной неожиданностью не только для советского народа, который поначалу даже не осознал случившегося, но и для внешних врагов и недругов СССР. А неожиданность состояла в том, что на самом деле до начала горбачевских реформ (1985) не существовало никаких серьезных предпосылок гибели сверхдержавы. Несмотря на все противоречия и недостатки, советская (экономическая, политическая, военная) система была мощной и весьма устойчивой. Она успешно противостояла внешним угрозам («холодная» война и т.п.), а реальные внутренние угрозы попросту не существовали. И эта система при сохранении главных скрепляющих ее основ могла существовать еще многие годы [2, 3, 5, 7, 8 и др.].

Американский социолог, бывший советский диссидент В.Э. Шляпентох, признававшийся в своем крайне негативном отношении к советской системе, предпринял тем не менее попытку спокойного и объективного анализа причин гибели советского государства [8]. Этот исследователь весьма аргументированно и убедительно показал, что гибель Советского Союза произошла не вследствие слабости советской политической системы; недовольства населения или угрозы массовых беспорядков; стремления партноменклатуры приватизировать государственную собственность; деятельности диссидентов; иностранной интервенции или ее угрозы.

Так какие же процессы, начавшиеся в 1985 г., за шесть лет привели к краху могущественное государство? По убеждению В.Э. Шляпентоха, причина лежит в неудачных попытках М. Горбачева реформировать советское общество. Принципиальные ошибки и просчеты в проведении сначала модернизации экономики, а затем радикального процесса демократизации привели к резкому ослаблению государственной машины. Когда же в сложившейся ситуации ослабевшее государство стало подвергаться атакам новых политических актеров (либералов, националистов в республиках, Ельцина с его конъюнктурной (как показало время), антибюрократической программой и идеей независимости России, имевшей деструктивный характер по отношению к Союзу, гибель и распад великой державы стали неминуемыми.

Все сказанное подтверждает огромную ответственность, которая лежит на представителях власти, принимающих судьбоносные для страны решения и проводящих эти решения в жизнь.

В предлагаемой вниманию читателей книге предпринята попытка рассмотреть с позиций системного подхода: в экономическом, политическом, медицинском, демографическом, социальном, психологическом, философском аспектах — глубинную сущность, взаимосвязь и направленность процессов, произошедших в общественном здоровье и социально-демографическом развитии страны, ее сибирских регионах вследствие проведенных в 90-е гг. неолиберальных экономических реформ и происходящих в условиях созданной в результате этих реформ социально-экономической системы.

В силу специфики системного подхода при обращении к информации и материалам экономических, социологических и особенно политологических исследований не представляется возможным и полезным ограничиться только рассмотрением сугубо академических изданий. Помимо обращения к этим источникам мною проведен анализ мнений и взглядов крупных специалистов: экономистов, политологов, социологов, историков, философов и др., представленных на страницах некоторых массовых периодических изданий, а также опубликованных в Интернете, что сейчас широко практикуется представителями этих научных направлений.

Заранее принимаю возможные упреки в излишне пространным цитировании различных авторов, главным образом, в заключительных главах. Последнее вызвано тем, что мне, как неспециалисту в целом ряде областей (экономика, социология, политология), пришлось в целях демонстрации доказательности правильных, на мой взгляд, мнений, подходов, оценок обращаться к авторитету высококомпетентных исследователей, признанных в научных и профессиональных кругах.

При исследовании, обобщении и анализе характеристик общественного здоровья, демографических процессов, экономических и социальных показателей использованы материалы Госкомстата России, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, группы экспертов Совета Федерации Федерального собрания РФ, Комитета здравоохранения Иркутской области, Иркутского областного комитета государственной статистики, Концепции развития и сохранения населения Сибири на долгосрочную перспективу, разработанной сотрудниками Сибирского отделения РАМН, а также результаты собственных исследований.

Выражаю благодарность сотрудникам лаборатории системных исследований общественного здоровья Института медицины труда и экологии человека О.Г. Батура, М.В. Сафоновой за помощь в оформлении книги и подготовке ее к публикации.

Выражаю благодарность руководству Иркутского филиала Внешторгбанка России и «Фонда развития города «Новый Ангарск» за финансовую помощь в издании монографии.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

При выборе путей экономического и социального развития страны и отдельных ее регионов существует настоятельная необходимость тщательного учета факторов, условий и характеристик развития населения. Управляющим решениям и действиям в экономике и социальной сфере, особенно имеющим радикальный характер, должны предшествовать всесторонние демографические, медико-социальные, социально-экономические проработки, а также основанные на них соответствующие прогнозы.

Чем более цивилизованно общество, тем больше внимания оно уделяет обеспечению высокого уровня жизни и социального благополучия своих граждан. Для того, чтобы адекватно и всесторонне оценить, насколько та или иная страна преуспела в этом отношении, в первую очередь обязательно рассматривают показатели общественного здоровья.

В настоящей работе автором на основании обобщения многочисленных материалов, в том числе, результатов собственных научных исследований проанализированы в общенациональном и региональном (Сибирь, Иркутская область) аспектах основные закономерности и особенности изменений здоровья и воспроизводства населения, происходящие в конце XX и начале XXI вв. в российском обществе. Рассмотрены с разных точек зрения предпосылки, условия и причины системного кризиса, охватившего все стороны жизни общества, в том числе социальное и экономическое развитие, здоровье населения и процесс его естественного движения.

Здоровье населения выступает в качестве показателя, который интегрирует демографические, социальные и биологические процессы, свойственные человеческому обществу; отражает уровень его экономического и культурного развития, состояние медицинской помощи; несет на себе отпечаток традиций, историко-этнических, природно-географических и антропогенных условий. Таким образом, здоровье населения — это интегральный индикатор качества жизни в самом широком его понимании и

уровня общественного развития в целом [1, 4, 6]. Именно поэтому здоровье населения рассматривается в качестве универсального и наиболее полного критерия правильности, успешности социально-экономической и социально-демографической политики государства.

Особое значение это обстоятельство имеет для субъектов государственной власти в периоды радикальных политико-экономических трансформаций, когда они стоят перед выбором моделей и концепций развития, предполагающих различные, порой альтернативные, векторы и механизмы достижения поставленных целей. По направленности изменений показателей здоровья разных групп населения, средней продолжительности жизни граждане могут достаточно наглядно и объективно оценивать успешность и направленность (социальную или наоборот) деятельности избираемых ими ветвей и уровней власти.

ЛИТЕРАТУРА К ПРЕДИСЛОВИЮ, ВВЕДЕНИЮ

1. *Зиновьев А.А.* Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, 2001. — 431 с.
2. *Кара-Мурза С.Г.* Потерянный разум / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2005. — 736 с.
3. Медико-социальные аспекты формирования здоровья в современных условиях / Н.К. Барсукова, Д.Н. Лоранский, Л.В. Водогреева и др. // *Здравоохран. Рос. Федерации*. — 1996. — № 1. — С. 30–33.
4. *Нестерова С.* Здоровье населения как социально-экономический индикатор качества окружающей среды / С. Нестерова // *Народонаселение и природа*. — М.: Финансы и статистика, 1984. — С. 3–12.
5. *Петров В.Л.* Геополитика России (Возрождение или гибель?) / В.Л. Петров. — М.: Вече, 2003. — 464 с.
6. *Прохоров Б.Б.* Понятие «уровень здоровья» в исследованиях по экологии человека / Б.Б. Прохоров // *Методологические проблемы экологии человека* // Под ред. В.П. Казначеева. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 70–76.
7. *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945–1991) / А.П. Шевякин. — М.: Вече, 2003. — 464 с.
8. *Шляпентох В.Э.* От чего рушатся колоссы. Попытка объективного анализа / В.Э. Шляпентох // *СОЦИС*. — 2000. — № 2.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПОТЕРЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПЕРИОД СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

1.1. ПОТЕРИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА И ЗДОРОВЬЯ

Рождаемость

Демографическая ситуация в Иркутской области, резко ухудшившаяся в первой половине 90-х гг. и все последующие годы остается весьма неблагоприятной. Общий показатель рождаемости снизился за 12-летний период – с 1987 по 1999 год – в 2 раза (с 20,2 до 9,8 ‰). В последующие 5 лет показатель несколько вырос (до 12,3–12,4 ‰ в 2003–2004 гг.), что, по мнению большинства демографов, объясняется главным образом вступлением в период наибольшей репродуктивной активности относительно многочисленных когорт женщин, родившихся в 80-е гг. (табл. 1.1). Это очень умеренное (и временное) возрастание уровня рождаемости практически никак не повлияло на характер воспроизводства населения в связи с тем, что одновременно вырос и без того очень высокий показатель общей смертности (см. ниже).

Сравнительный анализ показал, что динамика рождаемости в Иркутской области, в частности темпа ежегодного ее снижения (возрастания) очень сходна с общероссийскими характеристиками. Но при этом областной показатель постоянно превышал среднероссийский уровень на 14–17 %.

Важными показателями, характеризующими воспроизводство населения, являются: специальный коэффициент рождаемости,

рассчитываемый на 1 тыс. женщин фертильного возраста (15–49 лет), суммарный коэффициент рождаемости, представляющий собой среднее значение числа детей, рожденных одной женщиной в течение репродуктивного периода, а также нетто-коэффициент воспроизводства.

Таблица 1.1

Динамика показателя рождаемости в Российской Федерации и Иркутской области за период 1987–2004 гг.

Год	Российская Федерация		Иркутская область	
	Коэффициент рождаемости на 1 тыс. чел.	% к показателю предыдущего года	Коэффициент рождаемости на 1 тыс. чел.	% к показателю предыдущего года
1987	17,2	100,0	20,2	100,0
1988	16,0	93,0	19,0	95,5
1989	14,6	91,3	17,4	91,6
1990	13,4	91,8	15,8	90,8
1991	12,1	90,3	14,4	91,1
1992	10,7	88,4	12,2	84,7
1993	9,4	87,9	10,8	88,5
1994	9,6	102,1	11,2	103,7
1995	9,3	96,9	10,6	94,6
1996	8,9	95,7	10,5	99,1
1997	8,6	96,6	10,0	95,2
1998	8,8	102,3	10,2	102,0
1999	8,3	94,3	9,8	96,1
2000	8,7	104,8	10,2	104,1
2001	9,1	104,6	10,7	104,9
2002	9,8	107,7	11,2	104,7
2003	10,3	105,1	12,3	109,8
2004	10,4	101,0	12,4	100,8

Областной специальный коэффициент рождаемости в 1987–1988 гг. превышал 75 . В последующие годы происходило его снижение, которое оказалось особенно выраженным в 1991–1992 гг. (с 57,8 до 49,0 ‰).

В дальнейшем наблюдалось медленное снижение значений этого показателя до самого низкого уровня – 35,1 ‰ в 1999 г. Впоследствии (2001–2004 гг.) значения показателя возросли до 38,4–43,3 ‰, что объясняется главным образом численным пополнением возрастной группы 18–25 лет, характеризующейся наиболее интенсивной брачной плодовитостью.

Суммарный коэффициент рождаемости в 1989 г. составил 2,31, в последующем он существенно снизился, причем особенно сильно в период с 1991 по 1993 г. (с 1,98 до 1,49). Т.е. общее снижение значения данного показателя с 1989 по 1993 г. составило 35,5 %. Наиболее низкие значения показателя регистрировались в 1997–2001 гг. (1,23–1,26), и лишь к 2003 г. показатель немного увеличился (до 1,49) (рис. 1.1). Следовательно, за период наблюдения только в конце 80-х гг. суммарный коэффициент рождаемости немного превышал уровень простого воспроизводства населения. В дальнейшем, особенно с середины 90-х гг., воспроизводство населения является резко суженным.

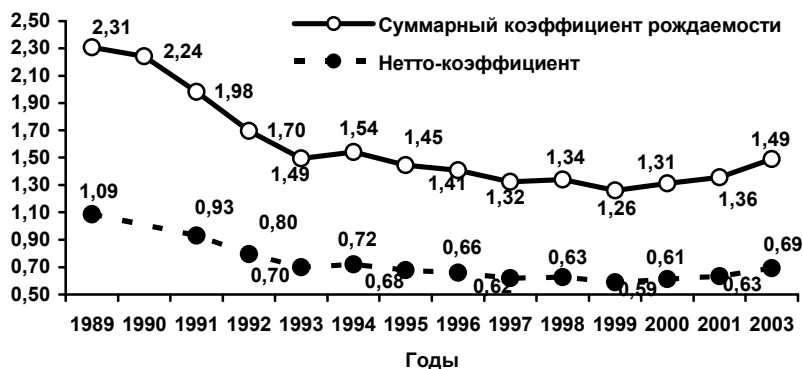

Рис. 1.1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости и нетто-коэффициента воспроизводства населения в Иркутской области.

Наиболее точно характеризует процесс воспроизводства населения его нетто-коэффициент. Значение данного показателя снизилось с 1,09 в 1989 г. до 0,59–0,69 в 1999–2003 гг. Эти данные лишь подтверждают уже отмеченную закономерность (рис. 1.1).

Приведенные материалы свидетельствуют о значительных переменах в репродуктивном поведении населения области, которое в последнее время ориентировано преимущественно на однодетную модель семьи.

Кризис в области воспроизводства не сводится к уменьшению количественных показателей рождаемости и растущей естественной убыли населения. Ухудшение соматического и реп-

репродуктивного здоровья населения также является его важным структурным (качественным) признаком. При этом особое значение имеют формы патологии, существенно влияющие на реализацию репродуктивной функции, например: морфофункциональные нарушения со стороны половой и эндокринной систем у подростков, свидетельствующие о сбоях в становлении репродуктивной функции; заболевания и расстройства, осложняющие течение беременности и родов; отклонения в развитии и заболевания новорожденных, обычно являющиеся отражением нарушений внутриутробного развития.

Заболеваемость (болезненность) населения формами патологии, существенно влияющими на репродуктивную функцию

Взрослое население. Показатель обращаемости взрослого населения (18 лет и старше) в связи с болезнями эндокринной системы и обмена веществ увеличился с 1992 по 2004 г. в 2,7 раза (с 21,5 до 58,0 %). Распространенность тиреотоксикоза и сахарного диабета к 2004 г. выросла соответственно в 2,5 и 1,5 раза по отношению к уровню базового 1991 г. (табл. 1.2). Значение показателя распространенности ожирения увеличилось в 4,4 раза.

По классу болезней мочеполовой системы в период с 1991 по 2004 г. отмечался рост показателя в 2,1 раза (с 62,4 до 128,2 %). Среди взрослого мужского населения показатель распространенности болезней предстательной железы увеличился в 6,8 раза (с 2,5 до 17,1 %). Среди женщин фертильного возраста распространенность воспалительных болезней женских тазовых органов (сальпингит, оофорит) выросла в 1,8 раза, расстройств менструаций — в 3,4 раза (рис. 1.2).

Подростковое население. Заболеваемость подросткового населения (15–17 лет) болезнями эндокринной системы увеличилась за период с 1991 по 2004 г. в 7,9 раза (с 21,2 до 167,9 %). Показатель распространенности тиреотоксикоза вырос в среднем в 2–2,5 раза. Уровни болезненности в связи с сахарным диабетом и ожирением увеличились соответственно в 2,1 и 2,4 раза (табл. 1.2).

По классу болезней мочеполовой системы показатель распространенности увеличился в 4,3 раза (с 30,0 до 129,1 %).

Среди девушек отмечался выраженный рост показателей распространенности воспалительных болезней женских тазовых органов (в 26,4 раза) и расстройств менструального цикла (в 12,3 раза) (рис. 1.2).

В условиях резкого снижения уровня рождаемости особую актуальность и медико-социальную значимость приобретает задача обеспечения благоприятного течения беременности и родов, сохранения жизни и здоровья новорожденных.

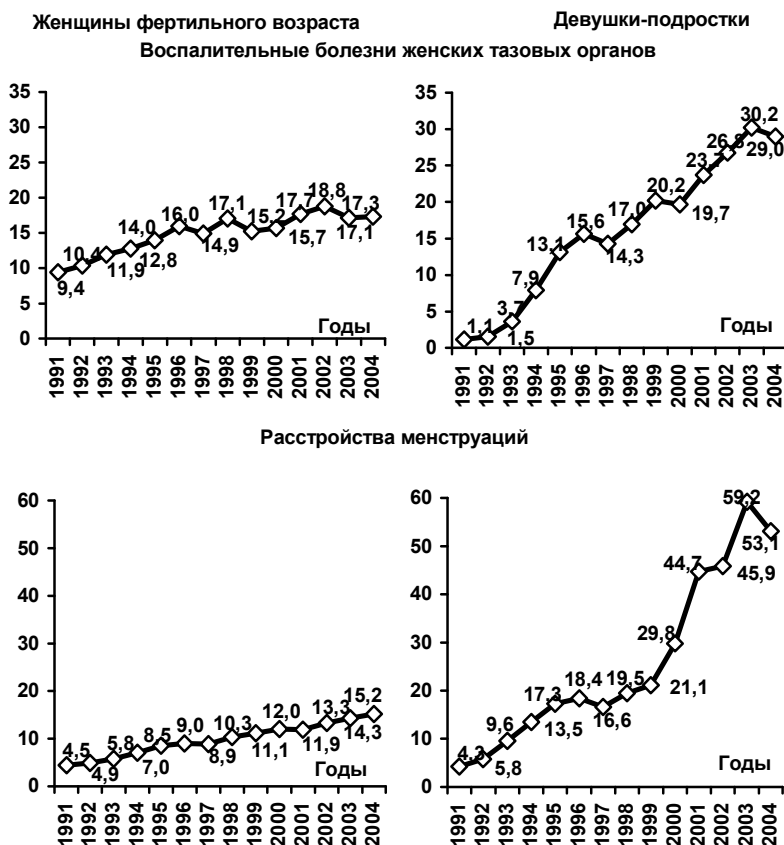

Рис. 1.2. Показатели распространенности некоторых форм болезней и морфофункциональных расстройств мочеполовой системы среди женщин фертильного возраста (15–49 лет) и девушек-подростков (15–17 лет) Иркутской области (на 1 тыс. лиц соответствующего контингента).

Таблица 1.2
**Динамика показателей распространенности болезней эндокринной системы и обмена веществ
 среди взрослого населения и подростков Иркутской области
 (число зарегистрированных заболеваний на 1 тыс. лиц соответствующего контингента)**

Годы	Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ		В том числе					
			тиреотоксикоз		сахарный диабет		ожирение	
			Взрослые	Подростки	Взрослые	Подростки	Взрослые	Подростки
1991	30,4	21,2	0,57	0,20	11,63	0,61	1,48	3,69
1992	21,5	31,3	0,55	0,10	11,29	0,58	1,84	4,37
1993	22,2	34,7	0,55	0,19	11,50	0,53	2,28	4,88
1994	24,2	47,1	0,56	0,29	11,81	0,64	2,95	6,04
1995	26,0	56,4	0,46	0,30	11,78	0,75	2,76	6,82
1996	28,9	64,7	0,53	0,45	12,06	0,79	2,91	6,84
1997	29,0	70,3	0,43	0,30	11,85	0,76	3,45	6,47
1998	32,6	93,0	0,51	0,34	12,17	0,81	3,73	6,28
1999	37,5	112,7	0,66	0,40	12,63	0,68	2,53	7,18
2000	42,0	133,5	0,78	0,41	13,25	0,74	3,96	7,98
2001	45,3	140,5	0,97	0,52	13,52	0,94	3,11	7,35
2002	51,1	162,8	1,14	0,33	15,08	1,15	6,27	8,51
2003	53,8	154,4	1,33	0,53	16,20	1,27	6,05	7,84
2004	58,0	167,9	1,42	0,28	17,02	1,27	6,61	8,93

Характеристики состояния здоровья беременных и рожениц

В 90-е гг. в Иркутской области состояние здоровья беременных женщин постоянно ухудшалось, рост частоты некоторых заболеваний шел очень высокими темпами. Так, в период с 1991 по 2004 г. распространенность болезней мочеполовой системы увеличилась с 64,76 до 208,76 на 1 тыс. женщин, закончивших беременность (рост в 3,2 раза), болезней системы кровообращения — с 29,25 до 79,59 (в 2,7 раза), дисфункций щитовидной железы — с 8,18 до 163,71 (в 20,0 раз), анемий — с 86,14 до 347,56 (в 4,0 раза), гестоза — с 66,23 до 135,33 (в 2,0 раза), в том числе эклампсий и преэклампсий — с 1,10 до 33,60 (в 30,5 раза) (рис. 1.3).

Рис. 1.3. Динамика показателей распространенности наиболее массовых заболеваний, осложнявших течение беременности, в Иркутской области (на 1 тыс. женщин, закончивших беременность).

Очень серьезной проблемой является невынашивание беременности, которое во многих случаях служит причиной перинатальной заболеваемости и смертности. Невынашивание беременности в настоящее время рассматривают в качестве интегрального показателя реакции на любое выраженное неблагополучие в организме матери, плода, неблагоприятное воздействие различных факторов окружающей среды на систему «мать-плод». Показатели частоты недонашиваемости по Иркутской области представлены в таблице 1.3.

Таблица 1.3

**Показатели частоты недонашиваемости в Иркутской области
(на 100 родившихся живыми)**

1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
6,1	6,6	7,6	7,4	7,2	7,4	7,1	7,2	7,9	7,7	7,3	7,7	6,8	6,9

В конце 90-х — начале 2000-х гг. в Иркутской области (а также по России в целом) нормальное течение родов наблюдалось в среднем лишь у 1/3 беременных (табл. 1.4). Доля нормальных родов в 1991 г. составила 44,2 %, в последующем она снизилась, составляя в 1992–1998 гг. 30,6–38,6 %, в 1999–2004 гг. — 32,5–34,1 %; эти значения были сходны со среднероссийскими показателями.

Таблица 1.4

Показатели частоты нормальных родов (%)

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
По Иркутской обл.	44,2	38,6	36,9	33,7	34,7	31,0	30,6	31,3	34,1	34,0	33,7	33,8	32,5	32,8
По РФ	...	45,3	...	...	36,0	...	...	...	31,1	31,1	31,2	31,7	32,2	32,9

Общий показатель распространенности осложнений родов с 1991 по 2004 г. увеличился в 2,6 раза — с 400,5 до 1049,4 ‰ (табл. 1.5). В частности, частота нарушений родовой деятельности увеличилась к 2004 г. на 67,2 %, ОПГ-гестоза — на 73 %.

Таблица 1.5

Показатели частоты осложнений при родах и болезнях, осложняющих течение родов
(на 1 тыс. родов) в Иркутской области

Наименование заболеваний	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего	400,5	588,3	706,5	778,1	854,5	968,1	1030,8	1011,4	1012,3	1049,4
в т.ч. с заболеваниями:										
отеки, протеинурия и гипертензивные расстройства	79,4	89,9	109,2	107,3	111,0	120,6	127,1	124,7	135,8	137,3
в т.ч. преэклампсия, эклампсия	1,91	1,79	5,17	9,37	32,07	40,00	45,30	33,18	45,22	48,95
Сахарный диабет	0,79	1,03	0,62	2,09	1,26	1,02	1,11	1,35	1,11	1,19
Кровотечение в связи с:										
а) отслойкой и предлежанием плаценты	8,90	10,37	10,45	10,05	10,99	9,47	9,12	10,78	9,67	8,83
б) нарушением свертываемости крови	0,51	0,56	0,73	0,87	1,26	0,47	0,45	0,53	0,41	0,69
Нарушение родовой деятельности	69,33	104,01	96,45	97,90	107,09	104,11	114,45	109,92	116,56	115,90
Затрудненные роды	80,32	141,76	164,05	138,26	98,35	108,63	98,36	89,53	90,40	104,43
Разрыв промежности III–IV степени	0,76	0,46	0,35	0,49	0,38	0,47	0,35	0,16	0,41	0,35
Разрыв матки – всего	0,18	0,10	0,21	0,15	0,11	0,11	0,24	0,13	0,13	0,19
в т.ч. вне стационара	0,03	0,00	0,10	0,04	0,04	0,04	0,21	0,00	0,03	0,06
Кровотечение в послеродовом и послеродовом периоде	32,20	31,42	31,80	25,98	22,45	24,62	20,26	19,38	23,21	15,88
Родовой сепсис, разлитая послеродовая инфекция	0,82	0,86	0,62	2,43	1,79	4,88	2,02	1,38	1,65	1,13
в т.ч. перитонит после операции кесарева сечения	0,56	0,50	0,28	0,23	0,08	0,15	0,38	0,16	0,10	0,06
Болезни мочеполовой системы	41,76	63,07	83,40	104,95	109,76	111,94	134,57	130,26	144,31	143,91
Венозные осложнения	3,49	7,09	7,99	7,40	13,67	22,26	16,12	15,92	16,04	19,93
Болезни щитовидной железы	4,67	10,87	22,92	47,15	66,70	135,11	154,14	151,87	149,63	154,63
Анемия	56,73	95,75	138,71	175,77	223,27	231,46	247,52	249,51	254,94	267,45
Болезни системы кровообращения	18,15	28,74	33,40	47,68	54,29	52,82	59,12	59,28	63,26	62,37

Характеристики состояния здоровья новорожденных

Состояние здоровья популяций новорожденных оценивается по таким важным эпидемиологическим характеристикам, как: перинатальная и неонатальная смертность, заболеваемость.

Динамика перинатальной смертности и ее составляющих (мертворождаемость и ранняя неонатальная смертность) представлена в таблице 1.6. На протяжении периода наблюдения происходило снижение перинатальной смертности: с 18,6–14,1 ‰ в 1991–1997 гг. до 12,3–10,4 ‰ в 2000–2004 гг. Сходной динамикой характеризовалась и ранняя неонатальная смертность, снизившаяся с 8,9–10,9 ‰ (1991–1993) до 5,5–3,4 ‰ (2000–2004). Что касается показателя мертворождаемости, то его значение снизилось за период наблюдения с 8,9–7,7 ‰ до 6,5–5,4 ‰.

Таблица 1.6

***Перинатальная смертность и составляющие ее компоненты
(мертворождаемость и ранняя неонатальная смертность)
в Иркутской области***

Характеристика	Годы									
	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Перинатальная смертность (на 1 тыс. родившихся живыми и мертвыми)	17,8	18,6	14,5	14,8	14,1	12,3	10,4	11,5	10,4	8,8
Мертворождаемость (на 1 тыс. родившихся живыми и мертвыми)	8,9	7,7	7,5	7,8	7,5	6,9	5,9	6,5	6,5	5,4
Ранняя неонатальная смертность (на 1 тыс. родившихся живыми)	8,9	10,9	7,0	7,0	6,7	5,5	4,5	5,0	3,9	3,4

Важным показателем медико-биологического статуса и здоровья новорожденных является масса тела при рождении. В период наблюдения доля маловесных детей (с массой тела менее 2500 г) была наименьшей в 1991 г. (6,4 ‰). С 1992 по 1997 г. значения данного показателя стали выше (7,6–7,9 ‰), в 1998–2001 гг. они еще больше возросли (8,4–8,9 ‰), а в 2002–2004 гг. опять стали такими же, как в середине 90-х гг. (табл. 1.7).

Таблица 1.7

Состав родившихся, разделенных по массе тела (%)

Годы													
1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Родившихся с массой тела свыше 2500 г													
93,6	92,4	92,3	92,1	92,2	92,1	92,2	91,6	91,2	91,6	91,6	92,1	92,3	92,1
Родившихся с массой тела до 2500 г													
6,4	7,6	7,7	7,9	7,9	7,9	7,8	8,5	8,9	8,4	8,4	7,9	7,7	7,9

Общая заболеваемость новорожденных в Иркутской области в 1991–2004 гг. увеличилась с 177,6 до 512,0 на 1 тыс. родившихся, т.е. в 2,9 раза. При этом отмечалось возрастание показателей частоты случаев замедления роста и недостаточности питания плода – в 5,5 раза, внутриутробной гипоксии и асфиксии при родах – в 2,8 раза, респираторных нарушений у новорожденных – в 1,9 раза, инфекционных болезней, специфичных для перинатального периода – в 3,6 раза (рис. 1.4).

Рис. 1.4. Динамика показателей заболеваемости новорожденных по некоторым нозологическим формам в Иркутской области (на 1 тыс. родившихся живыми).

В 2002 г. частота таких видов патологии, как врожденные пороки развития и синдром дыхательных расстройств увеличилась в 1,5 и 1,3 раза соответственно. В структуре заболеваемости новорожденных, как правило, первое ранговое место занимала внутриутробная гипоксия плода (38,3 %), второе – синдром задержки развития плода (31,5 %), третье – врожденные

пороки развития (8,6 %), четвертое – синдром дыхательных расстройств (8,0 %).

1.2. СМЕРТНОСТЬ

Общая смертность и ее структурные характеристики

Уровень общей смертности в Иркутской области постоянно находился ниже среднереспубликанского показателя, но разрыв между ними постепенно сократился с 20–17 % в 1987–1988 гг. до 5–9 % в 1994–1998 гг. и до 3,1–3,2 % в 2000–2002 гг. А в 2003–2004 гг. показатель по Иркутской области превысил среднероссийский уровень общей смертности (табл. 1.8). Произошло это вследствие того, что рост общей смертности в Иркутской области шел более быстрыми темпами, чем по стране в целом.

Таблица 1.8

Динамика показателя общей смертности в Российской Федерации и Иркутской области за период 1987–2004 г.

Год	Российская Федерация		Иркутская область	
	Число умерших на 1 тыс. чел. населения	% к показателю предыдущего года	Число умерших на 1 тыс. чел. населения	% к показателю предыдущего года
1987	10,5	101,0	8,4	96,6
1988	10,7	101,9	8,7	103,6
1989	10,7	100,0	9,2	105,7
1990	11,2	104,7	9,8	106,5
1991	11,4	101,8	10,0	102,0
1992	12,2	107,0	11,1	111,0
1993	14,5	118,9	13,3	119,8
1994	15,7	108,3	14,9	112,0
1995	15,0	95,5	14,6	98,0
1996	14,2	94,7	13,3	91,1
1997	13,8	97,2	12,6	94,7
1998	13,6	98,6	12,6	100,0
1999	14,7	108,1	14,3	113,5
2000	15,4	104,8	14,9	104,2
2001	15,6	101,3	15,1	101,3
2002	16,3	104,5	15,8	104,6
2003	16,5	101,2	16,9	107,0
2004	16,0	97,0	16,5	97,6

Происходивший с 1988 г. непрерывный рост смертности (резко ускорившийся с 1992 г.) приостановился в 1995 г., когда впервые было зарегистрировано некоторое снижение показателя общей смертности (с 14,9 до 14,6 ‰). В последующие годы значение данного показателя продолжало медленно уменьшаться и стабилизировалось в 1997–1998 гг. на уровне 12,6 ‰. В 1999 г. произошел новый подъем уровня общей смертности – на 13,5 ‰. В дальнейшем смертность продолжала возрастать, достигнув в 2003–2004 гг. 16,9–16,5 ‰.

В первой половине 90-х годов более быстрыми темпами росла смертность мужчин (рис. 1.5). Следствием этого явилось увеличение показателя так называемого «полового диморфизма смертности» – величины, показывающей, насколько уровень смертности мужчин превышает уровень смертности женщин.

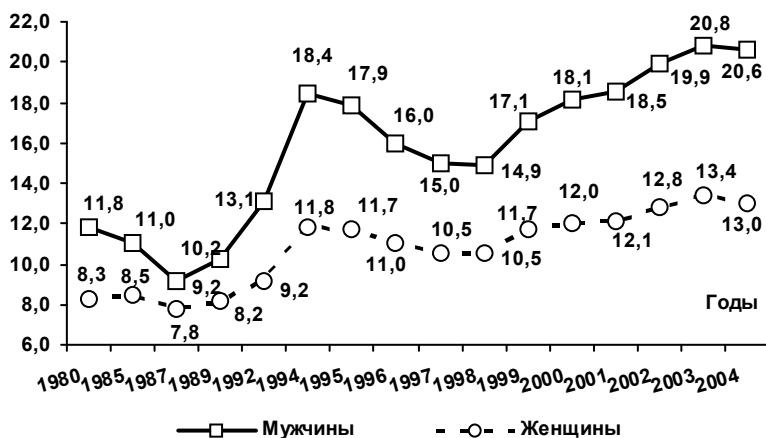

Рис. 1.5. Динамика показателей общей смертности мужского и женского населения Иркутской области за период 1980–2004 гг. (число умерших на 1 тыс. лиц данного пола).

Анализ динамики показателей общей смертности мужчин и женщин Иркутской области показал, что разница между ними, составлявшая в 1980 г. 42,2 % (уровень смертности женщин принят за 100 %), уменьшилась в период с 1986 по 1989 г. до 17,9–24,4 % (наименьшее различие – 17,9 % – отмечено в 1987 г.). К 1992 г. степень полового диморфизма смертности вновь несколько возросла – до 41,3 %, т.е. практически восстановилось соотношение, наблюдавшееся в 1980 г. В дальнейшем показатель по-

лового диморфизма смертности стал быстро возрастать, достигнув максимальных значений в 1994 г. (55,9 %), а затем после некоторого сокращения снова поднялся в 2001–2004 гг. (51,0–58,5 %).

Ведущими причинами смерти населения Иркутской области являются (в порядке ранговых мест): болезни системы кровообращения (обусловившие в 2004 г. 47,8 % всей смертности), несчастные случаи, травмы и отравления (20,3 %), новообразования (10,6 %), болезни органов дыхания (5,5 %) (табл. 1.9).

Структурно-динамический анализ показал, что резкое увеличение показателя общей смертности в 90-е гг. было обусловлено главным образом абсолютным ростом смертности по классам болезней системы кровообращения, травм и отравлений, особенно выраженным среди мужчин (табл. 1.9).

Таблица 1.9

Динамика показателей смертности населения Иркутской области по основным классам причин (на 100 тыс. лиц соответствующего пола)

Год	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти, травмы и отравления
1	2	3	4	5	6	7
Оба пола						
1989	18,5	155,5	422,4	69,3	30,3	160,8
1992	18,4	175,7	487,6	65,2	39,6	241,3
1994	32,2	181,6	645,6	95,2	61,8	345,1
1995	33,1	178,3	610,2	107,4	67,1	309,1
1996	28,4	180,8	572,3	95,3	56,1	250,1
1998	26,6	173,5	567,6	73,5	47,1	222,2
1999	44,9	176,7	637,0	77,4	52,8	249,4
2000	40,7	180,0	667,6	83,2	54,3	271,7
2001	36,8	173,7	679,4	73,0	59,1	301,9
2002	44,7	185,5	751,5	84,2	73,3	342,3
2003	44,2	180,3	797,5	96,1	78,3	350,8
2004	44,5	174,7	790,7	91,5	81,5	335,1

Таблица 1.9 (продолжение)

**Динамика показателей смертности населения Иркутской области по
основным классам причин
(на 100 тыс. лиц соответствующего пола)**

1	2	3	4	5	6	7
Мужчины						
1987	...	184,3	327,9	69,8	28,3	190,7
1989	27,6	176,7	371,6	81,5	32,1	261,3
1992	29,9	208,7	454,6	83,3	44,9	394,7
1994	53,0	218,8	639,4	131,1	76,6	550,2
1995	55,8	213,9	589,4	145,7	81,4	500,5
1996	50,9	209,4	541,9	130,0	68,0	407,2
1998	44,9	198,5	545,5	102,5	54,5	360,9
1999	76,4	211,1	609,9	104,9	62,7	408,4
2000	69,8	209,8	649,5	116,2	65,3	445,4
2001	63,2	201,0	675,8	104,2	68,1	493,5
2002	76,5	216,3	771,3	121,1	85,0	567,7
2003	73,3	202,6	827,0	136,6	95,6	584,3
2004	74,7	204,0	829,0	136,4	94,8	555,3
Женщины						
1987	...	137,9	444,8	45,4	25,4	55,6
1989	9,6	135,7	467,4	57,2	28,6	65,2
1992	7,5	144,8	518,6	48,2	34,5	97,6
1994	12,7	146,9	651,4	61,7	48,1	154,0
1995	12,1	145,3	629,5	72,0	53,9	131,9
1996	7,5	154,4	600,3	63,3	45,0	105,0
1998	9,9	150,5	587,9	46,8	40,3	94,8
1999	16,1	145,2	661,8	52,2	43,8	103,9
2000	14,1	152,9	684,1	53,1	44,3	113,3
2001	12,8	148,9	682,7	44,7	51,0	128,0
2002	16,3	158,0	733,7	51,2	62,9	141,0
2003	18,6	160,7	771,6	60,5	63,2	145,8
2004	18,1	149,1	757,3	52,2	69,9	142,8

Среди болезней системы кровообращения основной прирост смертности обусловили цереброваскулярные болезни (ЦВБ) и ишемическая болезнь сердца (ИБС) (рис. 1.6–1.7). Обращает на себя внимание очень сильно выраженный рост смертности мужчин в связи с ишемической болезнью сердца в 1999–2003 гг. При этом особенно резкий, скачкообразный подъем уровня смертности произошел в 2002 г. (с 339,7 до 428,8). Установлено, что за

период 1987–2004 гг. показатели смертности от ИБС выросли среди мужчин в 2,2 раза, женщин – в 1,4 раза.

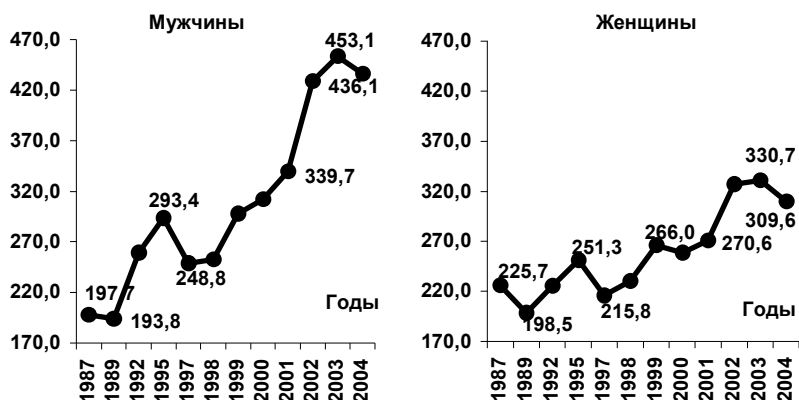

Рис. 1.6. Смертность населения Иркутской области от ишемической болезни сердца (на 100 тыс. человек соответствующего пола).

Рис. 1.7. Смертность населения Иркутской области от cerebrovascularных болезней (на 100 тыс. человек соответствующего пола).

Показатели смертности от cerebrovascularных болезней за тот же период выросли среди мужчин в 2,3 раза, среди женщин – в 1,7 раза.

По классу травм и отравлений наиболее стремительный рост смертности (особенно в 1993–1994 гг. и 2000–2003 гг.) произошел в связи со случайными отравлениями алкоголем и его суррогатами

(рис. 1.8), насильственными действиями; в меньшей степени — в связи с самоубийствами (рис. 1.9), бытовым травматизмом.

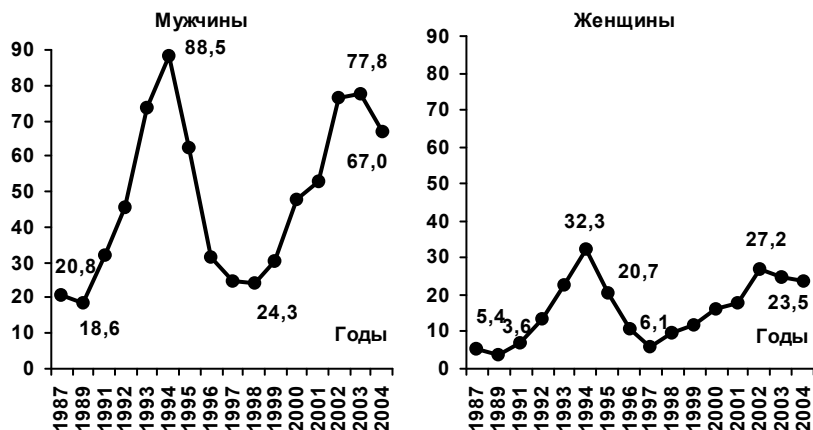

Рис. 1.8. Смертность населения Иркутской области от случайных отравлений алкоголем (на 100 тыс. человек соответствующего пола).

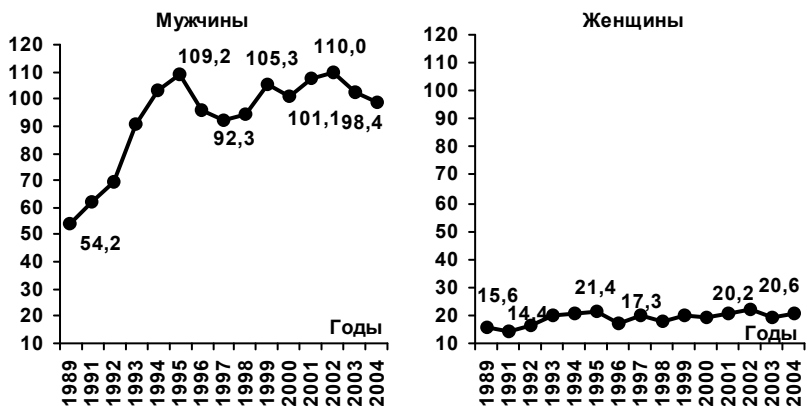

Рис. 1.9. Смертность населения Иркутской области от самоубийств (на 100 тыс. человек соответствующего пола).

Увеличение смертности в указанный период отмечалось и по классам болезней органов дыхания, органов пищеварения, инфекционных и паразитарных болезней. Но в абсолютном выражении вклад этих классов причин смерти в величину прироста общей смертности был заметно меньшим, чем двух вышеопи-

санных. По классу инфекционных болезней обращает на себя внимание выраженный рост смертности от туберкулеза органов дыхания (рис. 1.10).

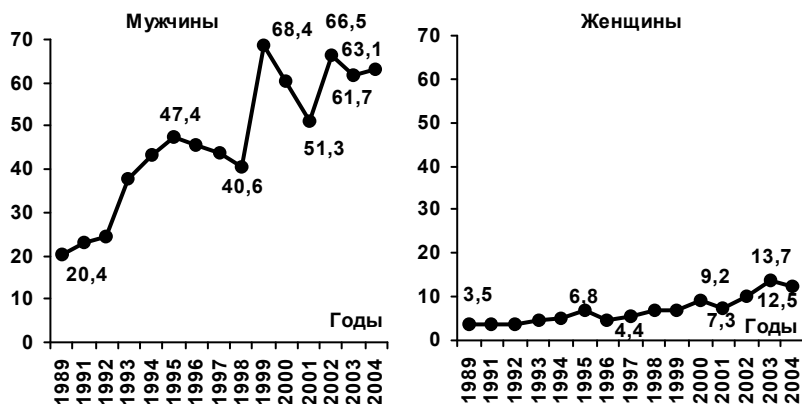

Рис. 1.10. Смертность населения Иркутской области от туберкулеза органов дыхания (на 100 тыс. человек соответствующего пола).

Смертность от новообразований несколько увеличилась в начале 90-х гг. Но в дальнейшем значения этого показателя стабилизировались и регистрировались в интервале 173,5–185,5 ‰ (табл. 1.9).

Эти особенности указывают на гораздо более значимую роль социальных факторов в наблюдаемых изменениях смертности, чем антропогенных.

Сохранился весьма существенный разрыв между более высокими показателями смертности мужчин от некоторых причин и соответствующими показателями у женщин. Так, в 2004 г. смертность мужчин была выше в связи с туберкулезом органов дыхания в 5 раз, случайным отравлением алкоголем – в 2,9 раза, самоубийствами – в 5 раз (рис. 1.10).

Младенческая смертность

При оценке влияния на состояние здоровья населения условий жизни велико значение показателя младенческой смертности, характеризующего смертность детей от рождения до исполнения года жизни.

По Иркутской области с 1992 г. по 1999 г. ежегодно в среднем умирали в течение первого года жизни 18–20 младенцев из

каждой тысячи родившихся живыми, в 2000–2004 гг. — 16–13 младенцев соответственно (табл. 1.10).

Таблица 1.10

Динамика показателя младенческой смертности в Иркутской области, Восточной Сибири и Российской Федерации за период 1991–2004 гг. (на 1 тыс. родившихся живыми)

Терри- тория	Годы												
	1991	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Область в целом	20,1	23,6	20,7	18,3	18,8	19,0	18,4	21,5	15,9	16,9	15,3	13,6	12,6
Городские поселения	18,6	22,0	18,6	16,7	17,9	17,1	16,8	19,6	14,1	14,1	13,0	11,7	11,2
Сельская местность	24,6	28,2	26,8	23,2	21,7	25,0	23,2	27,0	22,0	26,1	23,3	19,9	17,4
Восточная Сибирь	...	...	...	19,2	19,4	19,2	18,1	20,2	17,6	17,1	15,6	13,9	12,9
РФ	17,8	19,9	18,6	18,1	17,4	17,2	16,5	16,9	15,3	14,6	13,3	12,4	11,6

Среднеобластной показатель младенческой смертности изменялся в динамике волнообразно, существенный рост отмечен в 1993 г. (на 17,9 %) и снижение к 1995 г. (8,1 ‰). Показатели младенческой смертности по Иркутской области постоянно превышают среднероссийский уровень. Важно подчеркнуть, что в сельской местности в течение периода наблюдения отмечался более высокий уровень младенческой смертности, чем среди городских жителей; так, в 1992 г. превышение составило 29,1 %, в 1997 г. — 44,7 %, в 2000 г. — 38,1 %.

Особенностью смертности детей на первом году жизни является то, что более 50 % всех смертей приходится на первые дни жизни, когда основными причинами потерь служат болезни перинатального периода и врожденная патология. В период наблюдения на эти две причины эндогенного характера в Иркутской области приходилось 52–58 % всей младенческой смертности (табл. 1.11).

Болезни органов дыхания в 2004 г. явились причиной 12,1 % случаев младенческой смертности. Этот класс патологии занимает в настоящее время третье место в общей структуре потерь детей на первом году жизни, хотя еще два-три десятилетия назад он был одним из ведущих, обуславливая 30–40 % младенческой смертности. В сельской местности доля этого класса в структуре причин младенческой смертности в 1,9 раза выше, чем в городах.

Таблица 1.11

Структура младенческой смертности по классам причин смерти (в %)

Классы причин смерти	Территория	Годы												
		1991	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Инфекционные болезни	город	6,1	5,4	6,4	5,6	6,1	3,9	5,3	8,4	4,0	6,6	5,6	3,9	6,6
	село	11,6	8,4	8,6	11,4	13,6	9,6	5,6	14,4	11,2	13,6	10,7	10,4	7,9
	область	7,7	6,3	7,1	7,4	8,2	5,7	5,4	10,3	6,3	9,1	7,3	6,1	7,0
Болезни органов дыхания	город	10,4	12,2	10,3	15,1	14,1	12,2	11,2	12,7	11,9	12,6	12,7	11,9	11,8
	село	23,2	23,8	20,9	26,9	23,4	32,3	24,4	22,1	23,1	17,0	14,5	12,5	12,7
	область	14,3	15,8	13,7	18,8	16,7	18,6	15,3	15,7	15,5	14,2	13,3	12,1	12,1
Перинатальная патология	город	46,8	48,0	48,3	40,8	34,6	40,4	34,4	37,9	41,3	36,5	38,6	34,4	34,2
	село	26,8	29,9	37,6	21,6	22,1	17,4	25,6	28,7	32,2	31,3	29,6	34,0	30,9
	область	40,7	42,4	44,8	34,9	31,1	33,1	31,7	35,0	38,3	34,6	35,5	34,3	33,2
Врожденные аномалии	город	22,4	18,5	20,3	25,7	30,3	28,0	30,4	24,4	22,4	20,8	18,3	19,6	20,6
	село	18,0	12,3	12,9	15,6	18,8	22,2	18,1	16,0	14,0	6,8	16,4	11,8	15,9
	область	21,0	16,6	17,9	22,6	27,1	26,1	26,6	21,8	19,7	15,8	17,6	17,0	19,1
Прочие	город	14,3	15,9	14,7	12,8	14,9	15,5	18,7	16,6	20,4	23,5	24,8	30,2	26,8
	село	20,4	25,6	20,0	24,5	22,1	18,5	26,3	18,8	19,5	31,3	28,8	31,3	32,6
	область	16,3	18,9	16,5	16,3	16,9	16,5	21,0	17,2	20,2	26,3	26,3	30,5	28,6

Другая совокупность причин потерь детей на первом году жизни — класс инфекционных и паразитарных болезней — занимает гораздо меньшую долю в структуре смертности, но все же имеет определенную значимость. Удельный вес потерь детей от инфекционной патологии в сельской местности выше, чем в городских поселениях. В отдельные годы это различие было весьма существенным. Рассмотренная структура смертности детей первого года жизни довольно четко указывает на то, что в Иркутской области в смертности детей раннего возраста наибольшую значимость имеют причины эндогенного характера (врожденная и перинатальная патология).

Особенностью медико-демографических процессов в России, в том числе в Иркутской области, явилось то, что изменение уровня младенческой смертности принципиально отличалось от характера динамики общей смертности: уровень смертности детей в возрасте до 1 года в 90-е гг. не возрастал, а оставался относительно стабильным при небольших колебаниях по годам в пределах 18,3–21,5 ‰, за исключением 1993 г. (табл. 1.10). А в 2000–2004 гг. он вообще заметно снизился — до 13,6–12,6 ‰. Указанное обстоятельство можно объяснить тем, что в отличие от взрослых дети раннего возраста значительно меньше пострадали от действия некоторых ведущих факторов социально-экономического кризиса, в особенности от психосоциального стресса. Кроме того, несмотря на трудности, во многих случаях системе здравоохранения удавалось поддерживать на достаточно высоком уровне работу служб родовспоможения и медицинской помощи детям раннего возраста. Вышеуказанные изменения в наибольшей степени характерны для показателя младенческой смертности в городских поселениях.

Смертность населения трудоспособного возраста

Неблагоприятную динамику общей смертности в 1992–1994 гг. обусловило прежде всего резкое увеличение смертности почти во всех возрастных группах трудоспособного населения. Так, наибольший рост смертности к 1994 г. относительно уровня 1987 г. наблюдался в возрастных группах: 10–19 лет — в 2,0 раза, 20–29 лет — в 2,3 раза, 30–39 лет — в 2,9 раза, 40–49 лет

— в 2,3 раза, 50–59 лет — в 2,0 раза. Смертность населения трудоспособного возраста в 1996–1997 гг. снизилась, но весьма незначительно. В следующие пять лет вновь произошел рост данного показателя, и в 2004 г. смертность трудоспособного населения по-прежнему весьма существенно превышала уровень смертности, зарегистрированный в 1987 г., в частности в возрастных группах: 20–29 лет — в 2,7 раза, 30–39 лет — в 2,7 раза, 40–49 лет — в 2,3 раза, 50–59 лет — в 1,8 раза. Как видно из этих данных, степень относительного неблагополучия по характеристикам смертности (по отношению к лучшим региональным показателям прошлых лет) остается наибольшей в молодом трудоспособном контингенте (в возрастной группе 20–39 лет) (табл. 1.12).

Безвозвратные потери (от всех причин смерти) экономически активного населения среди мужского контингента намного выше, чем среди женского (в 3,3 раза в 2004 г.). Сравнительный анализ причин смерти в трудоспособном возрасте показал, что смертность как у мужчин, так и у женщин обуславливали в основном три класса болезней и причин смерти: это класс травм и отравлений (его нередко характеризуют как «неестественные причины смерти»), а также болезни кровообращения, новообразования, которые в 2004 г. суммарно обусловили 74,7 % всех безвозвратных потерь в этом возрастном интервале.

Наибольшие безвозвратные потери связаны с неестественными причинами смерти: несчастными случаями, убийствами, самоубийствами (класс травм и отравлений), которые обусловили в 2004 г. у мужчин — 41,0 %, у женщин — 31,2 % всех случаев смерти в трудоспособном возрасте. Мужчины погибали от неестественных причин в 4,4 раза чаще, чем женщины (2004). По другим классам причин безвозвратных потерь, имевших гораздо меньший удельный вес, не отмечалось каких-либо выраженных тенденций к росту или снижению показателей смертности.

Таблица 1.12

**Динамика показателя смертности в группах трудоспособного населения Иркутской области
(число умерших на 1 тыс. человек соответствующего возраста)**

Возраст, лет	Годы														
	1987	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
10–19	0,7	1,0	1,2	1,4	1,4	1,4	1,3	1,2	1,2	1,3	1,4	1,5	1,3	1,3	1,3
20–29	2,2	2,9	3,3	3,6	4,3	4,4	4,1	3,6	4,0	4,6	5,3	5,0	4,9	5,6	6,1
30–39	3,1	4,5	5,5	6,9	8,0	7,7	6,6	5,7	5,8	6,8	7,1	7,3	7,8	8,6	8,4
40–49	6,4	7,1	9,3	13,8	14,3	13,6	11,5	9,8	10,1	11,4	11,6	12,7	13,7	14,5	14,4
50–59	13,0	15,0	16,6	20,5	25,1	24,6	21,2	19,2	18,5	20,3	20,9	21,0	22,8	23,5	22,8

1.3. ОБЩАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ

Общая заболеваемость взрослого населения

Показатели общей заболеваемости по данным обращаемости за медицинской помощью являются важными критериями доступности медицинской помощи, так как они основываются на учете зарегистрированных в медицинских учреждениях заболеваниях.

Особое значение имеет анализ впервые в жизни выявленных заболеваний в данном году. В таблице 1.13 представлены показатели частоты впервые выявленных заболеваний (по обращаемости за медицинской помощью) взрослого населения Иркутской области в период с 1991 по 2004 г.

Среди взрослого населения наиболее высокие показатели частоты впервые выявленных заболеваний регистрировались в 1995 и 2000–2004 гг. В структуре заболеваемости взрослых в 1991–2004 гг. первое ранговое место постоянно занимал класс болезней органов дыхания (в 1999 г. – 29,9 %, в 2004 г. – 24,7 %), второе – класс травм и отравлений (в 1999 г. – 19,1 %, в 2004 г. – 17,9 %). Третье ранговое место в структуре заболеваемости в 2004 г. занимал класс осложнений беременности, родов и послеродового периода (9,6 %), четвертое место – класс болезней мочеполовой системы (8,9 %), пятое место – класс болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани (6,4 %).

Общая заболеваемость детей и подростков

Состояние здоровья детей и подростков является одним из наиболее чувствительных показателей и критериев воздействия среды обитания и образа жизни на человеческую популяцию.

Анализ динамики и структурных особенностей заболеваемости по обращаемости за медицинской помощью (первичной заболеваемости) этих возрастных контингентов показал следующее: общий показатель частоты впервые выявленных заболеваний (по всем классам болезней) **детского населения** вырос в период с 1991 по 2004 г. на 74,6 % (с 959,8 до 1675,5 ‰) (табл. 1.14). Первые пять ранговых мест в структуре заболеваемости детей занимали классы: болезней органов дыхания (56,9 % в 2004 г.), инфекционных и паразитарных болезней (6,1 %), болезней органов пищеварения (5,9 %), травм и отравлений (5,8 %), болезней кожи и подкожной клетчатки (5,0 %).

Таблица 1.13
Заболеваемость по обращаемости за медицинской помощью взрослого населения Иркутской области в период 1992–2002 гг. (число впервые выявленных заболеваний на 1 тыс. лиц соответствующего возраста)

Класс болезней	Годы									
	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Все классы	466,0	516,9	597,6	520,1	522,6	579,3	571,1	635,1	632,3	628,5
Инфекционные и паразитарные болезни	20,8	28,6	36,7	37,9	34,7	36,9	36,4	36,8	38,2	38,1
Новообразования	6,1	6,6	7,6	6,8	7,9	9,6	8,6	9,5	9,9	11,1
Болезни эндокринной системы, расстройств питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	2,8	3,8	5,5	6,0	7,0	9,0	9,6	11,9	11,0	11,2
Болезни крови и кроветворных органов	0,5	0,6	0,8	0,9	1,1	1,2	1,2	1,5	1,5	1,9
Психические расстройства	4,7	4,0	5,4	6,2	8,3	9,1	12,4	11,1	7,0	7,1
Болезни нервной системы и органов чувств	39,7	46,1	57,0	53,5	54,5	14,1	14,9	16,0	16,1	15,1
Болезни системы кровообращения	10,8	12,4	14,9	14,6	17,9	18,9	21,2	26,2	28,1	29,7
Болезни органов дыхания	167,5	176,1	176,8	156,9	156,1	182,8	165,5	180,1	172,1	155,1
Болезни органов пищеварения	16,4	31,0	53,4	23,9	22,1	24,1	24,3	29,1	28,9	31,5
Болезни мочеполовой системы	26,2	30,3	38,6	37,7	38,5	40,8	42,8	48,4	49,7	55,7
Осложнения беременности, родов и послеродового периода	44,8	32,2	38,2	34,9	42,1	41,7	45,7	49,9	58,6	60,4
Болезни кожи и подкожной клетчатки	24,4	30,6	38,8	32,4	28,7	29,2	32,2	38,4	38,1	37,9
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	31,5	27,9	31,8	28,9	29,7	30,5	31,3	37,4	39,2	40,3
Врожденные аномалии	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5	0,3	0,3
Травмы и отравления	98,9	107,5	116,3	101,3	99,8	113,2	108,3	117,5	115,3	112,2

Таблица 1.14
Заболеваемость по обращаемости за медицинской помощью детского населения Иркутской области в период 1991–2004 гг. (число впервые выявленных заболеваний на 1 тыс. лиц соответствующего контингента)

Класс болезней	Годы										
	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
Все классы	959,8	961,8	1051,4	1050,2	1264,3	1409,3	1442,4	1634,6	1620,5	1675,5	
Инфекционные и паразитарные болезни	65,7	98,3	102,9	89,4	91,3	92,8	104,9	94,0	94,9	102,3	
Новообразования	0,5	0,9	1,0	1,3	1,6	1,9	1,9	2,2	3,1	3,4	
Болезни эндокринной системы, расстройств питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	4,8	7,6	12,3	16,2	23,5	27,0	27,1	42,4	31,4	33,0	
Болезни крови и кроветворных органов	2,8	4,1	5,6	6,8	8,9	10,6	11,4	17,0	16,5	16,7	
Психические расстройства	4,3	7,1	5,3	6,5	11,6	17,2	19,2	22,9	9,9	8,3	
Болезни нервной системы и органов чувств	47,3	57,7	62,9	67,8	97,6	25,7	24,4	31,5	34,2	32,6	
Болезни системы кровообращения	0,8	1,4	2,6	3,3	4,3	4,4	4,1	4,5	4,7	5,1	
Болезни органов дыхания	704,5	621,1	639,3	649,6	730,1	816,3	834,9	908,7	934,0	953,2	
Болезни органов пищеварения	28,2	35,5	65,1	45,4	72,5	81,9	80,4	102,4	99,0	99,3	
Болезни мочеполовой системы	8,6	12,9	16,9	16,1	21,9	24,2	27,1	32,0	33,8	36,3	
Осложнения беременности, родов и послеродового периода	0,02	0,006	0,07	0,04	0,05	0,05	0,09	0,2	0,1	0,07	
Болезни кожи и подкожной клетчатки	38,0	50,1	63,4	60,4	62,6	63,8	67,3	76,3	75,0	83,3	
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	6,6	10,0	11,0	14,3	21,5	27,9	25,8	39,9	36,2	31,9	
Врожденные аномалии	1,4	1,8	2,3	3,3	4,0	5,0	4,4	6,0	7,3	7,2	
Травмы и отравления	41,0	42,6	51,0	56,7	89,9	96,1	93,3	104,9	98,1	97,8	

Таблица 1.15
Заболеваемость по обращаемости за медицинской помощью подростков Иркутской области в период 1991 – 2004 гг. (число впервые выявленных заболеваний на 1 тыс. лиц соответствующего контингента)

Класс болезней	Годы									
	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Все классы	461,4	619,6	724,1	721,9	853,7	959,8	990,3	1049,8	1041,3	1076,8
Инфекционные и паразитарные болезни	26,1	28,9	52,4	48,6	42,3	43,6	51,7	47,0	47,0	47,8
Новообразования	0,4	0,9	1,4	1,7	1,6	2,0	2,8	2,2	3,2	3,4
Болезни эндокринной системы, расстройств питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	11,7	18,2	24,0	32,3	50,2	66,1	59,9	68,7	59,2	60,4
Болезни крови и кроветворных органов	0,5	0,8	1,4	2,9	2,4	3,0	4,3	5,1	5,4	5,1
Психические расстройства	10,0	3,1	4,9	11,4	13,5	17,2	34,0	34,5	9,5	15,1
Болезни нервной системы и органов чувств	32,8	60,4	74,4	55,3	83,3	24,3	27,3	32,5	29,6	26,9
Болезни системы кровообращения	2,3	3,0	5,2	5,8	6,0	6,5	9,3	10,0	9,9	10,1
Болезни органов дыхания	251,7	316,8	332,9	337,1	374,2	437,8	410,8	422,7	426,7	435,3
Болезни органов пищеварения	29,9	28,8	41,9	30,5	41,2	41,2	48,5	56,8	57,5	65,4
Болезни мочеполовой системы	10,5	17,1	30,7	32,4	43,6	51,9	59,4	57,4	74,5	74,4
Осложнения беременности, родов и послеродового периода	0,9	2,4	7,2	9,5	14,1	13,3	11,8	10,6	15,8	15,0
Болезни кожи и подкожной клетчатки	23,4	43,8	45,9	49,9	48,0	50,5	51,2	56,5	56,1	60,4
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	9,5	20,9	26,5	27,5	33,7	34,6	42,5	52,6	47,2	53,3
Врожденные аномалии	0,8	1,0	0,8	1,2	1,5	3,4	2,7	2,9	3,0	2,4
Травмы и отравления	50,7	73,0	76,3	77,6	90,8	97,3	102,6	102,0	117,1	109,9

По большинству классов болезней наблюдался постоянный рост заболеваемости, причем наиболее выраженным он был в 1999–2004 гг.

Общий показатель заболеваемости *подростков* увеличился в период 1991–2004 г. в 2,3 раза (табл. 1.15). В 2004 г. первые ранговые места в структуре заболеваемости занимали (в порядке убывания значения) классы: болезней органов дыхания (40,4 %), травм и отравлений (10,2 %), болезней мочеполовой системы (6,9 %), болезней органов пищеварения (6,1 %), болезней эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета (5,6 %), болезней кожи и подкожной клетчатки (5,6 %), инфекционных и паразитарных болезней (4,4 %).

Постоянный и наиболее устойчивый рост заболеваемости подростков отмечался по классам: болезней мочеполовой системы (увеличение в период наблюдения в 7,1 раза); болезней эндокринной системы, расстройств питания, нарушений обмена веществ и иммунитета (в 5,2 раза); болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани (в 5,6 раза). По другим классам наблюдались неустойчивые изменения заболеваемости в виде чередования подъемов и снижений ее уровня.

1.4. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО ЗАВИСИМЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Заболевания, которые самым тесным образом связаны с факторами социального неблагополучия (туберкулез, болезни, передаваемые половым путем, болезни, обусловленные девиантным поведением (нездоровым образом жизни) и некоторые другие), относят к так называемой социальной патологии. По эпидемиологическим и динамическим характеристикам этой патологии можно с высокой степенью объективности судить об уровне развития и цивилизованности общества, направленности и эффективности социальной политики. В таком контексте нами рассмотрены особенности и динамика показателей распространенности важнейших форм социально зависимой патологии в Иркутской области в период 90-х – первой половины 2000-х гг., характеризовавшийся радикальным изменением социально-экономических основ жизнедеятельности населения.

Туберкулез

Уровень распространенности данной патологии в Иркутской области, бывший относительно стабильным по 1992 г. включительно, стал последовательно и быстро возрастать с 1993 г. (рис. 1.11). При этом отмечалась некоторая этапность или стадийность роста.

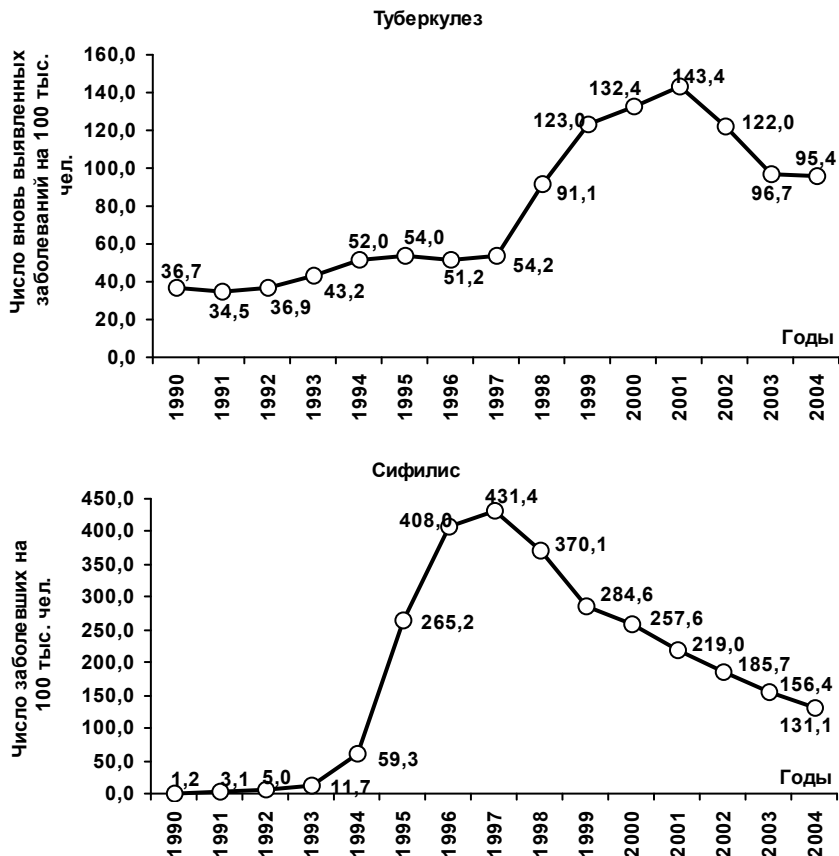

Рис. 1.11. Динамика показателя распространенности некоторых социально зависимых заболеваний в Иркутской области.

Так, первая стадия подъема заболеваемости туберкулезом отмечалась в 1994–1997 гг., когда возросший показатель временно стабилизировался на уровне 51,2–54,2 случаев на 100 тыс. чело-

век населения. Затем, в последующие четыре года, заболеваемость вновь стала расти, причем очень большими темпами (в 1998 г. — рост на 68,1 %, в 1999 — на 35,0 %), достигнув максимума в 2001 г. (143,4 ‰). В дальнейшем, в 2002–2004 гг., произошло некоторое снижение частоты этой патологии (на 15–33 %), но значение показателя все еще оставалось очень высоким (95,4 ‰).

Налицо очень тревожная и опасная ситуация, особенно если вспомнить, какими должны быть условия жизни, снижающие риск заболевания туберкулезом. Это — качественное, структурно полноценное питание; проживание и работа в солнечных, сухих и хорошо проветриваемых помещениях; отсутствие депрессий, тяжелых стрессов и ряда хронических заболеваний (диабета и др.); ежегодный полноценный отдых (на курортах, лучше морских) и т.д. Многие ли наши сограждане располагают возможностями так жить? Приведенная выше картина стремительного эпидемического распространения туберкулеза однозначно отвечает на этот вопрос. Можно сказать, что существующая в постсоветский период социально-экономическая ситуация создает условия «наибольшего благоприятствования» для того, чтобы эпидемия поражала все большее число граждан.

Эпидемия туберкулеза не миновала детей и подростков. В 2001–2004 гг. показатель заболеваемости детей составлял 21,1–33,0 ‰ (в 1996 г. — 11,9 ‰), подростков — 32,6–63,3 ‰.

Простое статистическое сравнение показывает, насколько ситуация у нас хуже, чем в передовых странах. Когда в 1997 г. показатель заболеваемости туберкулезом в России составил порядка 68 чел. на 100 тыс. населения, в США из 100 тыс. болело 9 чел., т.е. в 7,6 раза меньше. С тех пор российский показатель существенно вырос.

Особую опасность для населения представляют лекарственно-устойчивые формы туберкулеза, которые с огромным трудом поддаются лечению. Эти формы чаще всего поражают обитателей «социального дна», а также заключенных в колониях. Хотя лечение таких форм у нас и дешевле в десятки раз, чем в Европе и Америке, тем не менее требует затрат на 1 больного в размере от 1 тыс. до 10 тыс. долл., и то лишь при 50–80 % гарантии излечения.

Сифилис

Среди болезней, передаваемых половым путем, особого внимания заслуживает сифилис — заболевание, почти ликвидиро-

ванное в советский период, во всяком случае сведенное к минимуму. Эта инфекция, которую тоже неслучайно называют социальной, громко напомнила о себе через какие-нибудь 2–3 года после начала либеральных экономических реформ.

В Иркутской области заболеваемость сифилисом стала расти лавинообразно, увеличившись с 1990 по 1997 г. с 1,2 до 431,4 случаев на 100 тыс. человек населения, т.е. в 359,5 раза! (рис. 1.11). Причем наибольшие темпы ежегодного роста данной патологии наблюдались в 1994–1995 гг. (4–5-кратный рост по отношению к уровню предыдущего года) и в 1996 г. (полторакратный рост).

Своего пика эпидемия достигла в 1997 г., после чего началось постепенное снижение заболеваемости, но гораздо более низкими темпами, чем наблюдавшийся до того рост. Такого снижения явно недостаточно и, конечно, это не может расцениваться как успех. В 2004 г. показатель заболеваемости сифилисом в области (131,1 ‰) все еще превышал уровень заболеваемости 1990 г. (базового) в 109 раз.

Алкоголизм

Значения показателя контингента лиц, стоящих на диспансерном учете с диагнозами: алкоголизм, алкогольный психоз — в течение всего периода наблюдения (1990–2004) регистрируются (при некоторых колебаниях) примерно на одном высоком уровне в основном в пределах 1360–1500 ‰ (рис. 1.12).

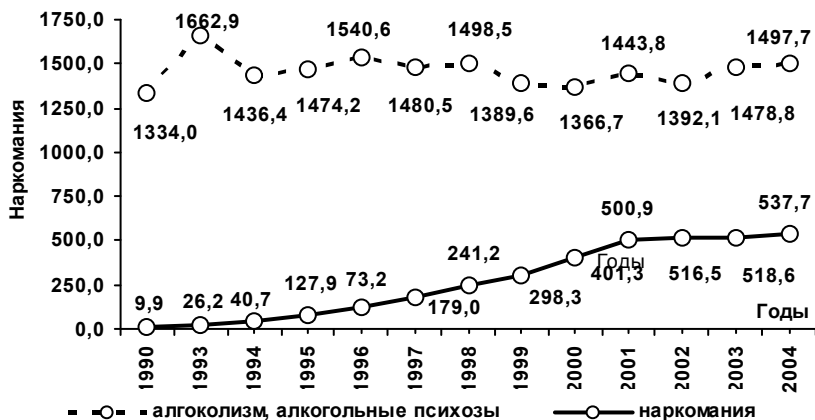

Рис. 1.12. Показатели контингента лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией (число лиц, стоящих на диспансерном учете на 100 тыс. человек населения), Иркутская область.

Наркомания

Контингент больных с диагнозом «Наркомания» в период с 1990 по 2004 г. увеличился с 9,9 до 537,7 на 100 тыс. человек населения (в 54,3 раза) (рис. 1.12). С 1988 по 1997 г. число смертей от употребления наркотиков в области возросло среди взрослых в 12 раз, среди подростков – в 42 раза. По оценкам независимых экспертов, к концу прошлого десятилетия в Иркутске было более 25 тыс. наркоманов.

Как видно из приведенных данных, к началу 2000-х гг. распространенность наркомании приняла угрожающие размеры. Употребление наркотиков особенно подростками и молодежью быстро приводит к развитию наркозависимости, физической, психической деградации и смерти. Врачи-наркологи отмеряют активным наркоманам всего около пяти лет жизни. Умирают они от передозировок наркотических веществ, некачественных (неочищенных и потому более токсических) наркотиков, поражений печени и почек (наиболее часто погибают от гепатита), ВИЧ-инфекции, самоубийств (наркомания вызывает тяжелейшие депрессии).

Общество и особенно представители власти должны осознать, что распространение и употребление наркотиков становятся в настоящее время одной из главных социальных опасностей, угрожающих нации. В 2003 г. количество стоящих на учете детей и подростков, страдающих наркозависимостью, составило 76,2 на 100 тыс. соответствующего контингента населения, что в 11,2 раза больше, чем в 1994 г. (6,8 ‰). Наибольший показатель распространенности наркозависимых лиц среди данного контингента зарегистрирован в 2000 г. – 129,9 ‰. Показатель распространенности случаев токсикомании среди детей и подростков увеличился к 2003 г. по сравнению с 1994 г. в 11,6 раза, составив 42,8 на 100 тыс. человек детского и подросткового населения области. Специалисты считают, что в действительности число детей и подростков, больных наркоманией и токсикоманией, значительно больше указанного.

ВИЧ-инфекция

Новой угрозой здоровью и жизни людей во второй половине XX в. стал вирус иммунодефицита человека (ВИЧ). До сих пор остается неясным, каким образом возник этот вирус в чело-

веческой популяции. Вызываемое им заболевание — синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД) — смертельно и на сегодняшний день неизлечимо. Не зря его стали называть чумой XX (теперь уже и XXI) в. Вирусоносительство спустя несколько лет переходит в стадию клинических проявлений СПИДа, и без специального лечения больной погибает.

Эпидемия СПИДа, охватившая все континенты, пришла позднее и в Россию. В Иркутской области ВИЧ-инфицированных стали выявлять с середины 90-х гг., причем их число из года в год стало расти лавинообразно. Такое развитие эпидемии связано напрямую с характером распространения лиц, употребляющих наркотики, причем делающих это с помощью инъекций (шприцевое введение). При шприцевом пути передачи распространение инфекции довольно ограничено и локализовано до тех пор, пока численность наркоманов невелика, ведь вирус циркулирует в основном в этой маргинальной среде.

Но ситуация кардинально изменилась в середине минувшего десятилетия, когда по всей стране, в том числе в Иркутской области, стало быстро увеличиваться число наркоманов (см. выше) и скоро сформировалась взрывоопасная среда, когда достаточно стало, образно говоря, «искры», чтобы случилось неизбежное — число ВИЧ-инфицированных стало стремительно расти. Таким образом, очевидна социальная обусловленность этой эпидемии.

Период 90-х и первая половина 2000-х гг. характеризовались стремительным, даже скачкообразным ростом распространенности ВИЧ-инфекции в Иркутской области (рис. 1.13). На конец 2001 г. в области суммарно зарегистрировано 11 514 случаев ВИЧ-инфекции (кумулятивный показатель составил 420,9 ‰), на конец 2004 г. зарегистрировано 17 382 случая (716,4 ‰). Приангарье заняло одно из первых мест по распространенности данной патологии среди всех субъектов Российской Федерации. Специалисты считают, что для выяснения истинного положения дел показатель следует удвоить.

Прогнозы в отношении данной патологии и связанных с ней потерь неутешительны. После того, как период вирусоносительства переходит в стадию заболевания, больного ждет неминуемая гибель, если не применять современные методы лечения. На сегодня созданы лекарственные препараты, постоянный прием ко-

торых позволяет больному жить и даже сохранять работоспособность неопределенно долгое время. Но эти меры весьма дорогостоящи, особенно в российских условиях и составляют примерно 350 долл. в месяц или 4 200 долл. (около 120–125 тыс. руб.) в год.

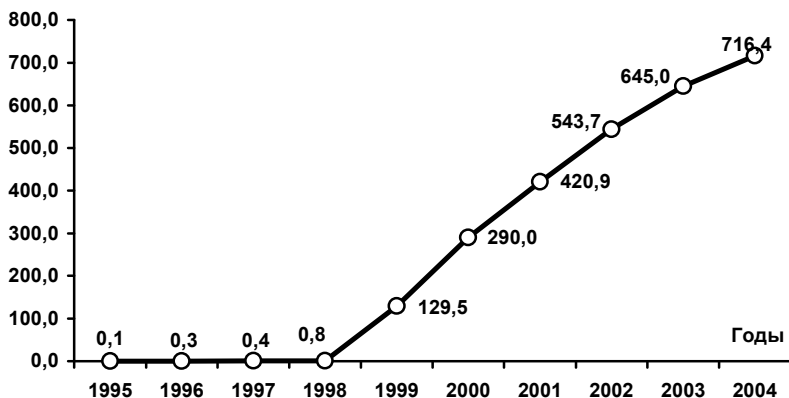

Рис. 1.13. Динамика распространенности ВИЧ-инфицированных лиц в Иркутской области за период с 1995 по 2004 г. на 100 тыс. населения (кумулятивный показатель).

В Иркутской области массовый переход нынешних вирусоносителей в категорию больных ожидается к концу текущего десятилетия, и тогда для поддержания их жизней (при сохранении нынешних цен на лекарства) потребуется ежегодно расходовать порядка 2 млн. руб. И то лишь при допущении, что число больных (нынешних инфицированных) будет оставаться неизменным. Но совершенно ясно, что это невозможно, и число ВИЧ-носителей будет расти. Такую перспективу предопределяет и вполне вероятный переход к наиболее неблагоприятному варианту развития эпидемии – африканскому, когда начнет преобладать путь передачи ВИЧ через сексуальные контакты.

Что касается экономических трат на данную категорию больных, то они представляются малореальными в условиях, когда существует острая нехватка средств на медицинскую помощь больным онкологическими заболеваниями, сердечно-сосудистой патологией, туберкулезом и многими другими заболеваниями.

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о том, что в процессе неолиберальных реформ сформировались условия жизнедеятельности населения, характеризующиеся очень

высокой степенью социально-экологического неблагополучия. Высокая распространенность социально зависимых заболеваний самым негативным образом сказывается на качестве трудового, оборонного и репродуктивного потенциалов, увеличивает нагрузку на системы здравоохранения, социальной защиты и др. Общество и, особенно, представители власти должны осознать, что распространение и употребление наркотиков стали в настоящее время одной из главных социальных опасностей, угрожающих нации. От властей требуется проведение широкого комплекса мер по исправлению сложившейся ситуации.

Глава 2

ИТОГОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАТУСА И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В РЕГИОНАХ СИБИРИ. ОЦЕНКИ И ТЕНДЕНЦИИ

2.1. ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВА И ХАРАКТЕРА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Основные компоненты системного кризиса оказывают серьезное воздействие на различные стороны развития страны в целом, так и ее сибирских регионов. В качестве итоговых проявлений и ожидаемых последствий такого воздействия можно назвать следующие.

За 75 лет (1926–2000) численность жителей Сибири увеличилась в 2,24 раза — с 10,7 млн. чел. в 1926 г. до 24,0 млн. в 2000 г. Характерно, что население Сибири постоянно прирастало вплоть до 1995 г. При этом увеличение численности населения России в целом за период с 1926 по 1995 г. составило 1,6 раза.

Начиная с 1995 г. количество жителей на территориях Сибири стало заметно сокращаться. Интенсивность миграционных процессов снизилась, а в естественном движении населения положительный баланс сменился отрицательным: численность умерших стала превышать численность родившихся. В течение 5 лет (1995–2000) количество жителей в РФ сократилось на 1,6 %. В Сибири сокращение имело несколько меньшую степень (1,2 %), а по территориям Сибирского федерального округа (СФО) аналогично российскому показателю (на 1,7 %). Однако на некоторых территориях, особенно в Восточной Сибири (в Кемеровской, Иркутской и Читинской областях, Красноярском крае), зафиксировано более существенное уменьшение количества жителей (на 2,0–3,1 %). К концу 2003 г. общая численность населения

Сибири уменьшилась до 23,2 млн. чел., в т.ч. в Западной Сибири до 14,7 млн. чел., в Восточной Сибири — до 8,5 млн. чел.

Общая численность населения Сибирского федерального округа на 1 января 2005 г. составила 19 794,2 тыс. чел. (13,8 % населения страны); при этом доля городского населения составила 70,8 % (по России — 73 %). За 1989–2004 гг. население СФО сократилось на 1,3 млн. чел., в том числе за счет превышения числа умерших над числом родившихся — на 811 тыс. чел. (62 %); вследствие миграционного оттока населения — на 496 тыс. чел. (38 %). Только за пять лет (2000–2004) численность населения округа уменьшилась на 539 тыс. чел. [3].

Численность населения Иркутской области, достигшая к 1992 г. 2 млн. 865,8 тыс. человек, в последующий период стала сокращаться, составив на 1 января 2005 г. 2 545,3 тыс. человек. Основная причина — естественная убыль населения, наблюдаемая с 1993 г. и определяемая превышением числа умерших над числом родившихся (в 1,37–1,27 раза в 1995–1996 гг., в 1,47–1,45 раза в 1999–2000 гг., в 1,41–1,37 раза в 2001–2004 гг.).

В течение 90-х гг. произошла смена естественного прироста естественной убылью населения в РФ (–6,4 на 1 тыс. жителей), в Западной Сибири (–3,8 ‰ на 1 тыс. жителей), в Восточной Сибири (–4,0 ‰ на 1 тыс. жителей), что явилось следствием как резкого сокращения рождаемости, так и выраженного роста смертности населения. Эти процессы наглядно прослеживаются на примере Иркутской области (рис. 2.1).

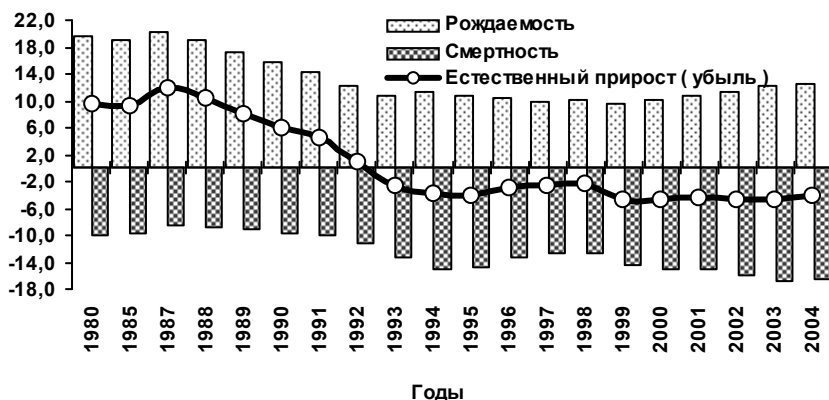

Рис. 2.1. Рождаемость, смертность и естественный прирост (убыль) населения в Иркутской области (на 1 тыс. человек в год).

Согласно прогнозам на всех территориях Сибири будет продолжаться сокращение численности населения. К 2010–2015 гг. в случае сохранения процесса суженного воспроизводства и старения населения заметно изменятся в худшую сторону количественные и структурные популяционные характеристики.

Одно из наиболее важных социально-демографических последствий изменения возрастного состава населения из-за снижения рождаемости и смертности — его старение. В условиях демографического кризиса наиболее ускорился рост группы пожилых людей в возрасте 60 лет и старше. В Иркутской области по сравнению с 1959 г. доля этой группы в общей численности населения к 1995 г. повысилась с 8,1 до 15,8 % и продолжает расти. По прогнозу Госкомстата РФ ожидается, что к 2010 г. в России доля лиц в возрасте старше трудоспособного (мужчины — 60 лет и старше, женщины — 55 лет и старше) составит 21–22 %. К этому времени каждый третий из числа пожилых будет относиться к группе самых старых (75 лет и старше).

Постарение населения увеличит удельный вес численности лиц пожилого возраста, и как следствие этого будет продолжаться рост показателя общей смертности.

Важно отметить, что условия социально-экономического развития территории являются благоприятными тогда, когда удельный вес пожилого населения не превышает 14,0 %. В противном случае это усугубляет социальную и экономическую ситуацию, сдерживает процесс оптимального развития, нарушает баланс в системе «Население — Среда — Ресурсы» и ведет к стагнации общества. Практически на всех территориях Западной Сибири (кроме Тюменской области) и большинстве Восточной Сибири доля лиц в возрасте 60 лет и старше превышает 14 %. (рис. 2.2).

В данной ситуации возникают значительные проблемы не только в социально-экономической ситуации, но и в здравоохранении. Требуется перестройка системы здравоохранения с ориентацией на изменение структуры патологии и соответствующее развитие геронтологических и гериатрических служб. Однако они пока находятся в зачаточном состоянии. Все это усугубляет неадекватность функционирования системы здравоохранения и требует ее соответствующей переориентации.

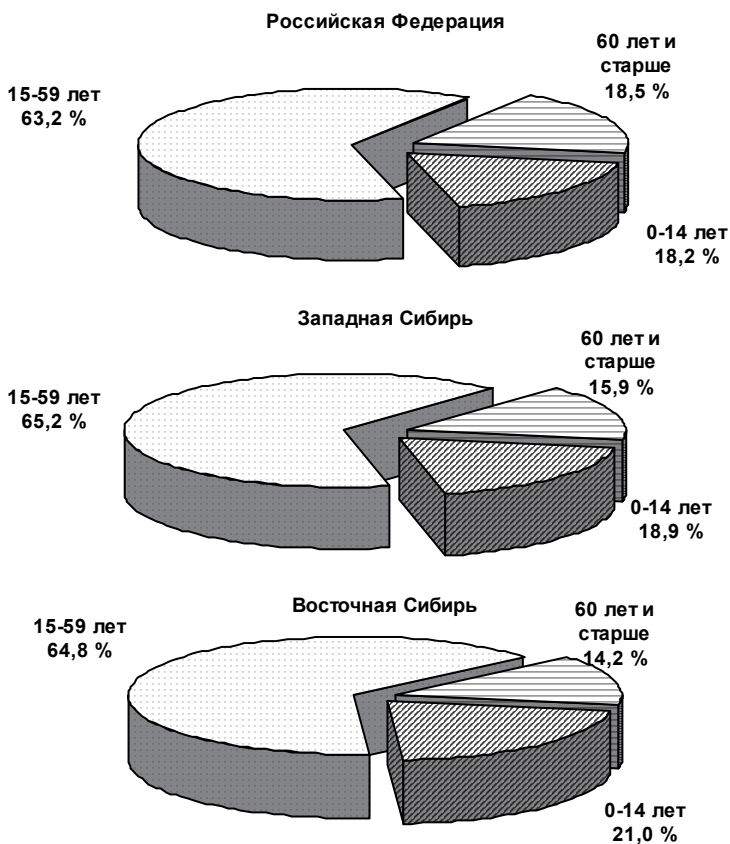

Рис. 2.2. Возрастная структура населения России и сибирских регионов (в % к итогу).

Недовоспроизводство населения как по России, так и по регионам Сибири привело к сокращению доли детского населения. В РФ удельный вес детей в общей численности жителей составлял в 2000 г. 18,3 %. В регионах Сибири на их долю приходилась несколько большая величина (Западная Сибирь – 18,9 %, Восточная Сибирь – 21,0 %). По демографическим критериям для обеспечения простой замены поколений доля детей в возрасте 0–14 лет должна составлять не менее 25,0 %. Как видно, в целом по Сибири (19,7 %) и по СФО (19,5 %) доля детского населения на 5–6 % пункта ниже необходимой [1]. В Иркутской

области доля детей в возрасте до 15 лет за период с 1959 по 1995 г. снизилась с 32,3 до 24,2 %, в 2004 г. она составила 18 %, и будет продолжать уменьшаться.

Как в ближней, так и отдаленной перспективе в России (в том числе в Сибири) будет неблагоприятная возрастная структура населения. По всем прогнозным сценариям, численность детей и подростков будет меньшей, чем лиц пенсионного возраста (к 2015 г. доля лиц в возрасте 0—14 лет в общей численности населения России может составить от 15 до 18 %).

Перспектива изменения структуры населения Сибири такова, что с учетом резкого снижения рождаемости в последние годы (1992—2005) будет сокращаться удельный вес детей и увеличиваться доля лиц пожилого возраста, что приведет к снижению реальных трудовых ресурсов и росту демографической нагрузки на население трудоспособного возраста. Все это свидетельствует о формировании в России в течение 90-х гг. сложной демографической ситуации, усугубляемой характером целого ряда процессов. Воспроизводство населения почти по всем территориям имеет резко суженный характер. Показатель рождаемости по России за период с 1985 по 1999 г. сократился в 2,0 раза — с 16,6 до 8,3 на 1 тыс. населения. Аналогичный характер снижения этого показателя имел место в Западной и Восточной Сибири (с 18,4 до 8,9 и с 20,1 до 9,9 % соответственно).

Наиболее интенсивное уменьшение числа деторождений наблюдалось в 90-е гг. Как следствие этого, на большинстве сибирских территорий установились очень низкие уровни рождаемости. В период с 2000 по 2004 г. в СФО отмечалась положительная динамика рождаемости, ее уровень возрос на 22 % (с 9,5 до 11,6 ‰), превысив среднероссийский показатель (10,4 % в 2004 г.) (табл. 2.1). Повышение рождаемости в указанный период объясняется временным увеличением доли женщин фертильного возраста. После 2006 г. ожидается снижение их численности, соответственно будут снижаться и показатели рождаемости.

Суммарный коэффициент рождаемости будет сокращаться, т.к. его величину определяют не первенцы, а дети последующих очередностей рождения. В 2003 г. суммарный коэффициент рождаемости по СФО составлял 1,407 против 2,15, необходимых для простого воспроизводства населения (табл. 2.2).

Таблица 2.1

**Общие показатели рождаемости по России и по регионам Сибирского
федерального округа
(число родившихся на 1 тыс. человек населения)**

Территория	2003 г.	2004 г.
Российская Федерация	10,2	10,4
Сибирский федеральный округ	11,5	11,6
Республика Алтай	16,7	17,3
Республика Бурятия	13,5	13,8
Республика Тыва	20,5	20,0
Республика Хакасия	11,8	11,9
Алтайский край	10,8	10,8
Красноярский край	11,1	11,2
в том числе:		
Таймырский АО	15,8	16,2
Эвенкийский АО	15,6	15,3
Иркутская область	12,3	12,4
в том числе:		
Усть-Ордынский Бурятский АО	14,7	15,3
Кемеровская область	10,5	10,7
Новосибирская область	10,6	10,9
Омская область	10,8	10,7
Томская область	10,6	11,2
Читинская область	13,5	13,8
в том числе:		
Агинский Бурятский АО	17,0	16,7

Таблица 2.2

**Суммарный коэффициент рождаемости в России и Сибирском
федеральном округе
(число родившихся на 1 тыс. человек населения)**

Территория	1990 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Все население					
Российская Федерация	1,9	1,2	1,2	1,3	1,3
Сибирский федеральный округ	2,1	1,2	1,3	1,4	1,4
Городское население					
Российская Федерация	1,7	1,1	1,2	1,3	1,2
Сибирский федеральный округ	1,9	1,1	1,2	1,3	1,3
Сельское население					
Российская Федерация	2,5	1,5	1,5	1,5	1,6
Сибирский федеральный округ	2,6	1,6	1,5	1,6	1,8

Следовательно, показатели детности сейчас таковы, что как в целом по РФ, так и по отдельным территориям Сибири идет процесс недовоспроизводства населения. Если исходить из минимально необходимого для простого воспроизводства населения показателя детности (2,15 рождений на семью), в целом по России недовоспроизводство населения составляет 39,5–44,2 % (детность – 1,3–1,2). В Сибирском федеральном округе величина недовоспроизводства – 34,9–44,2 % (детность – 1,4–1,2).

У каждой последующей когорты женщин (с пятилетним возрастным интервалом) реализация деторождений в наиболее оптимальном для этого возрасте (20–29 лет) сокращается. С одной стороны, это приведет к еще большему снижению показателя суммарной рождаемости, с другой – при условии компенсации деторождений женщинами старше 30 лет приведет к определенному росту риска для здоровья женщин, детей, потребует адекватной организации медицинской помощи.

Одним из факторов реализации желаемого числа детей, по мнению 30 % опрошенных женщин фертильного возраста, является отсутствие проблем со здоровьем у имеющих детей и возможность сохранения своего здоровья [1]. Таким образом, встает проблема сохранения репродуктивного здоровья женщин на более длительный период.

Сохранение современного режима воспроизводства населения и волнообразная динамика численности возрастных контингентов будут оказывать серьезное влияние на экономику и социальное развитие страны. Учитывая характер воспроизводства населения, показано [1], что в целом по Сибири во второй половине 90-х гг. ежегодное количество недовоспроизведенных жизней составляло 156,1–175,4 тыс. (табл. 2.3). За 1997–1999 гг. численность нерожденных детей, необходимая для простого воспроизводства, составила 489,5 тыс. На Западную Сибирь приходилось 64,9 %, на Восточную Сибирь – 35,1 % общего объема нерожденного поколения сибиряков.

Сложившийся характер недовоспроизводства сокращает потенциальный вклад Сибири в уровень ВВП ежегодно на 3,4–3,9 млрд руб. (табл. 2.4). За 1997–1999 гг. потери Западной Сибири по этому критерию составили 7,8 млрд руб., по Восточной Сибири – 3,0 млрд руб. [1].

Таблица 2.3

Численность недовоспроизведенных поколений в Сибири за 1997–1999 гг. (тыс. рождений) [1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	99,7	103,7	114,0	317,6
Восточная Сибирь	56,2	54,3	61,4	171,9
Сибирь в целом	156,1	158,0	175,4	489,5

Таблица 2.4

Потенциальные потери ВВП от недовоспроизводства поколений в Сибири за 1997–1999 гг. (млрд руб./год) [1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	2,4	2,6	2,8	7,8
Восточная Сибирь	1,0	0,9	1,1	3,0
Сибирь в целом	2,4	2,6	2,8	7,8

2.2. ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ

Сохранение неблагоприятного положения в сфере воспроизводства населения обуславливают следующие обстоятельства:

- отсутствие одобряемой и признанной обществом национальной идеи и доктрины социально-экономического развития;
- недостаточное внимание со стороны правительства и администраций территорий к проблемам народонаселения и охраны здоровья;
- нарастающее количество бесплодных браков;
- кризис института семьи;
- принявшее массовый характер изменение приоритетов у молодых женщин фертильного возраста в сторону профессиональной подготовки и деятельности (обучение и начало работы по специальности) в ущерб реализации репродуктивной функции или, в лучшем случае, откладывание рождения детей на неопределенный период.

Потери жизненного потенциала вследствие недовоспроизводства населения (с учетом сегодняшнего уровня средней ожидаемой продолжительности жизни – СОПЖ, равного 65,6 лет) составляют в среднем по Сибири 10,094–11,346 млн чел.-лет в год (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Количество потерь жизненного потенциала населения Сибири за 1997–1999 гг. от недовоспроизводства поколений (млн чел. -лет) [1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	6,553	6,803	7,478	20,834
Восточная Сибирь	3,541	3,421	3,868	10,830
Сибирь в целом	10,094	10,224	11,346	31,664

Дополняют негативную ситуацию с недовоспроизводством потери населения в результате смертности. В течение 90-х гг. общий показатель смертности населения имел выраженную тенденцию к росту. Так, по РФ этот коэффициент вырос на 31,3 %, по Восточной Сибири – на 46,3 %.

Расчет потерь жизненного потенциала населения Сибири (табл. 2.6) показал, что ежегодно в Западной Сибири в результате смертности теряется $12,2 \pm 0,3$ млн чел.-лет, в Восточной Сибири – $7,7 \pm 0,3$ млн чел.-лет, составляя в целом $19,9 \pm 0,8$ млн чел.-лет. За 1997–1999 гг. потери подобного рода составили 59,755 млн чел.-лет.

Таблица 2.6

Количество потерь жизненного потенциала населения Сибири за 1997–1999 гг. в результате смертности (млн чел. -лет) [1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	12,425	11,749	12,536	36,710
Восточная Сибирь	7,511	7,354	8,180	23,045
Сибирь в целом	19,936	19,103	20,716	59,755

Данный уровень потерь жизненного потенциала соответствует снижению формируемого объема ВВП в сибирских регионах на 6,5–7,0 млрд руб. в год (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Потенциальные потери ВВП в результате смертности населения Сибири за 1997–1999 гг. (млрд руб./год) [1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	4,7	4,5	4,8	14,0
Восточная Сибирь	2,1	2,0	2,2	6,3
Сибирь в целом	6,8	6,5	7,0	20,3

Основным контингентом, где было отмечено резкое возрастание потерь жизненного потенциала, явилось трудоспособное население, особенно мужское.

Наглядно и рельефно оценить тяжесть потерь, которые несет общество, позволяют расчеты количественных размеров социального и экономического ущерба, обусловленного преждевременной смертностью. Мы убеждены, что такие расчеты являются крайне необходимыми при составлении планов, программ социально-экономического развития регионов, отдельных административных территорий, муниципальных образований и городов. Причем важно определять не только общий социально-экономический ущерб вследствие безвозвратных демографических потерь, но и выявлять причины смерти в трудоспособном возрасте, на которые приходится наибольшие объемы потерь.

Мы провели такой анализ применительно к экономически активному населению Иркутской области. Сделали расчеты утраченного трудового потенциала и размеров социально-экономического ущерба вследствие смертности трудоспособного населения Иркутской области в 2000 г.

Установлено, что по всем случаям смерти (15 500) потеряно 258 980 чел.-лет потенциальной жизни. Из этой суммы на мужскую часть контингента приходится 82,1 % (рис. 2.3). В среднем каждый умерший мужчина не дожил до окончания трудоспособного периода жизни 17,6 года, каждая женщина — 13,6 года.

Исходя из величины валового регионального продукта в расчете на одного работающего, равной 51 367 руб., удельный экономический ущерб (в среднем по каждому случаю смерти) составил 866 561 руб.

По всей сумме чел.-лет утраченного потенциала трудоспособности экономический ущерб составил 13 303 млн руб. Мужской компонент в этом объеме потерь — 10 924,5 млн руб., женский — 2 378,5 млн руб. Среди классов причин смерти наибольший объем потерь потенциала трудоспособности пришелся на неестественные причины (класс травм и отравлений) — 188 997,5 чел.-лет, что составило 72,98 % всех потерь (в мужской группе — 80,3 %, в женской — 39,2 %). Суммарный объем экономического ущерба от смертности по неестественным причинам равен 9 708,2 млн руб. (мужчины — 8 775,8 млн руб., женщины — 932,4 млн руб., т.е. соотношение 9,4 : 1).

Второе место по объему потерь занимают болезни системы кровообращения. В целом болезни системы кровообращения обусловили утрату потенциала трудоспособности в объеме 36 275 чел.-лет, или 14,0 % всех потерь (в мужской составляющей — 13,8 %, в женской — 14,8 %). Суммарный объем экономического ущерба от смертности вследствие болезней системы кровообращения составил 1 863,4 млн руб. (среди мужчин — 1 511,5 млн руб., среди женщин — 351,9 млн руб.; соотношение 4,3 : 1).

Третье место по значимости потерь трудового потенциала занимает класс новообразований (онкопатология). Среди причин смерти женщин данная патология обусловила 12,5 % потерь, а в мужском компоненте — 4,6 %. Экономический ущерб от смертности в связи с онкопатологией — 802,6 млн руб. (мужчины — 505,8 млн руб., женщины — 296,8 млн руб.; соотношение 1,7 : 1).

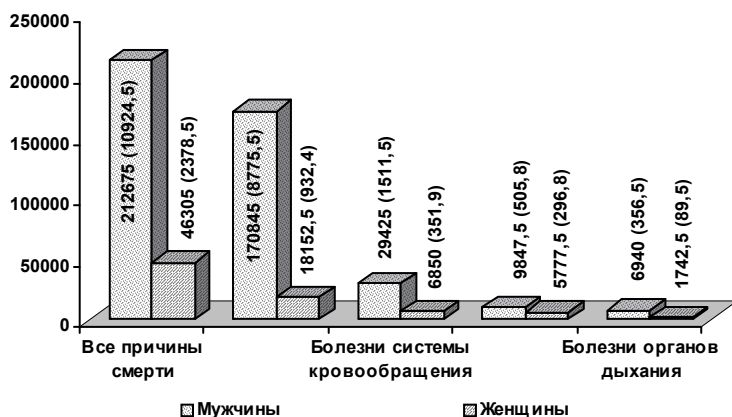

Рис. 2.3. Потери потенциала трудоспособности вследствие смертности населения Иркутской области от наиболее распространенных классов причин смерти: социальный ущерб (чел.-лет жизни); экономический ущерб (указан в скобках в млн руб.), 2000 г.

Анализ показывает, что наибольшие потери трудового потенциала в связи с преждевременной смертностью отмечаются в возрастных группах 20–29 лет и 35–44 лет (рис. 2.4). При этом наибольшие потери в группе 20–29 лет обусловлены так называемыми неестественными или внешними причинами (несчастные случаи, травмы, убийства, самоубийства) среди мужчин 59,1–64,7 % безвозвратных потерь и 49,5 % — среди женщин (рис. 2.5).

В России смертность от указанных причин населения в возрасте 45–54 лет выше, чем в Великобритании в 55,7 раза у мужчин и в 36,7 раза у женщин, в возрасте 55–64 лет – в 49,1 и 41,3 раза, в возрасте 25–34 лет – в 36,4 и 21,1 раза, в возрасте 35–44 лет – в 33,2 и 28,7 раза и в возрасте 15–24 лет – в 17,9 и 12,0 раза соответственно [4].

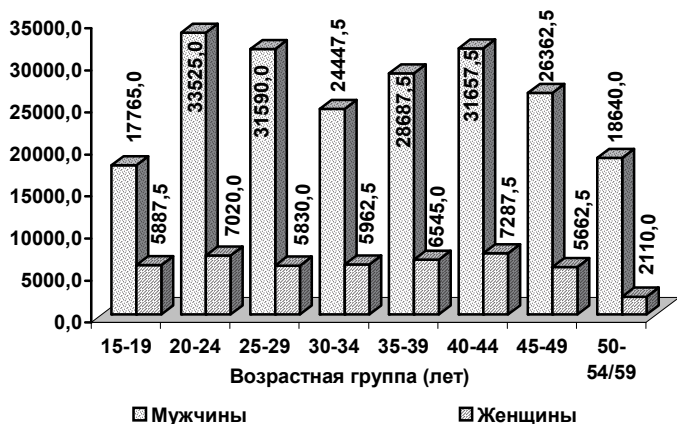

Рис. 2.4. Утраченный трудовой потенциал вследствие смертности в возрастных группах трудоспособного населения Иркутской области в 2000 г. (чел.-лет жизни).

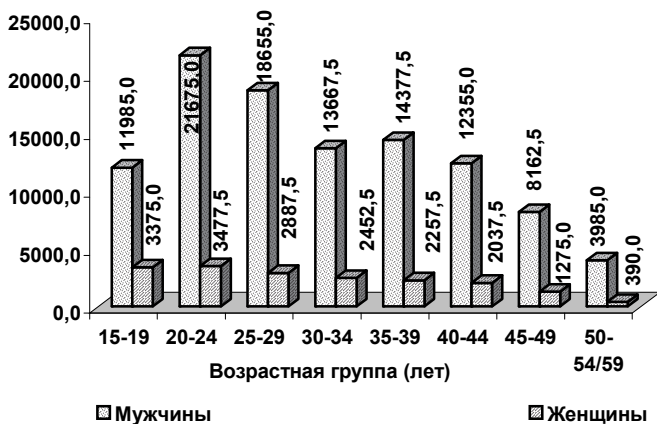

Рис. 2.5. Утраченный трудовой потенциал вследствие смертности от неестественных (внешних) причин в возрастных группах трудоспособного населения Иркутской области.

Исследована структура двух ведущих классов причин смерти трудоспособного населения. Это – неестественные причины и болезни системы кровообращения (рис. 2.6, 2.7).

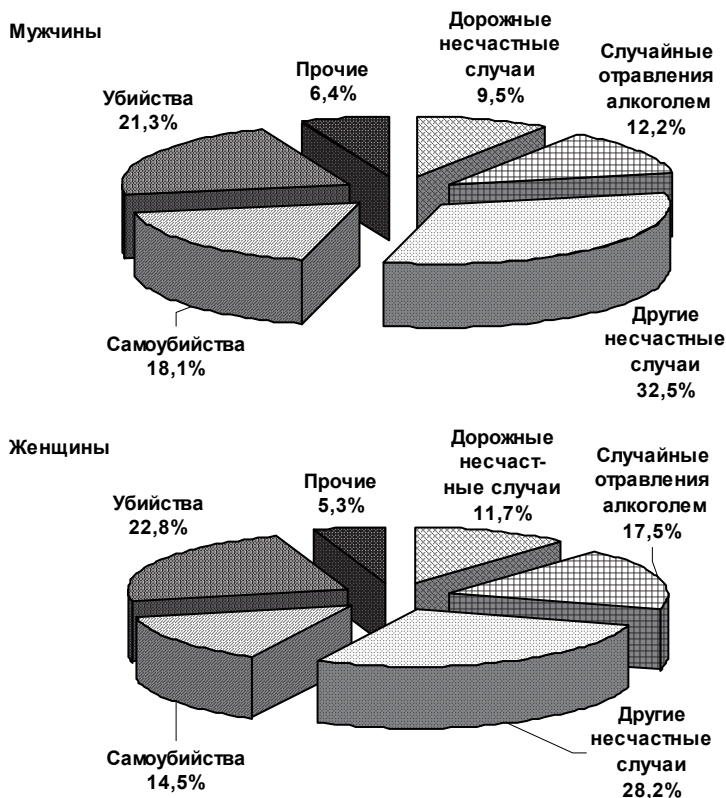

Рис. 2.6. Структура смертности трудоспособного населения Иркутской области от неестественных (внешних) причин в 2004 г. (в %).

В контингенте мужчин, умерших от неестественных (внешних) причин, 43,7 % смертности обусловили несчастные случаи (в т.ч. 10,2 % – дорожные несчастные случаи, 10,4 % – случайные отравления алкоголем, 23,1 % – другие несчастные случаи); 27,5 % пришлось на насильственные причины (убийства), 23,4 % – на самоубийства.

В числе умерших женщин несчастные случаи обусловили 48,4 % смертности по данному классу (в т.ч. дорожные несчастные случаи – 14,7 %, случайные отравления алкоголем – 14,8 %, другие несчастные случаи – 18,9 %).

другие несчастные случаи – 18,9 %); 27,3 % пришлось на насильственные причины (убийства), 18,0 % – на самоубийства. Уровни предотвратимых потерь по некоторым отдельным причинам смерти еще более высоки. Например, в связи с туберкулезом в 1995 г. в России в возрасте 45–54 лет умерло мужчин в 162,0 раза и женщин в 28,0 раза больше, чем в Великобритании, в возрасте 35–44 лет – в 122,8 и 25,5 раза, в возрасте 25–34 лет – в 105,0 и 19,5 раза соответственно [4].

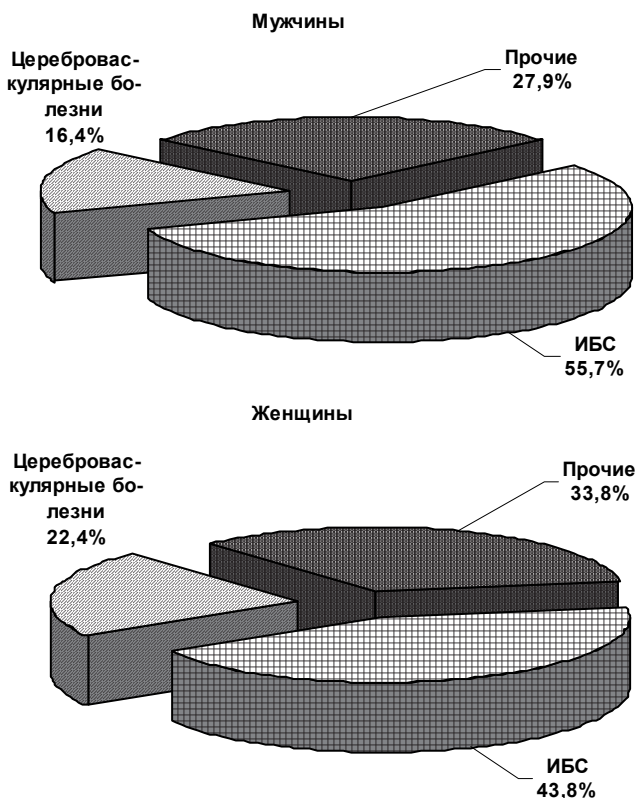

Рис. 2.7. Структура смертности трудоспособного населения Иркутской области от болезней системы кровообращения в 2004 г. (в %).

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о чрезвычайно большом социальном и экономическом ущербе, наносимом преждевременной смертностью трудоспособного

населения. Об экстраординарности данного феномена свидетельствует хотя бы тот факт, что в России в последние годы показатели смертности в трудоспособном возрасте в 5–7 раз превышают соответствующие показатели, наблюдаемые в экономически развитых странах [2, 5]. Если указанные демографические характеристики передовых стран рассматривать в качестве критериев реально достижимого уровня, то следует признать, что в нашей стране из каждых 7 случаев смерти трудоспособного населения 6 случаев являются потенциально предотвратимыми.

Ежегодные потери трудового потенциала, обусловленные смертностью, недовоспроизводством, составляли в конце 90-х гг. в целом по Сибири более 30 млн чел.-лет, в т.ч. по Западной Сибири — до 20 млн чел.-лет, по Восточной Сибири — до 12 млн чел.-лет (табл. 2.8). В подушевом выражении потери населения в Сибири достигали в этот период 450–490 тыс. чел. в год, в т.ч. в Западной Сибири — 280–300 тыс. чел. в год, в Восточной Сибири — 165–185 тыс. чел. в год (табл. 2.9). За период с 1997 по 1999 г. потери населения Сибири от недовоспроизводства составили 1 400 тыс. чел., что соответствует 91,4 млн чел.-лет потенциальной жизни, и 31,1 млрд. руб. при существующем уровне ВВП [1].

Важнейшей интегральной характеристикой общественного здоровья, формирования жизненного потенциала населения, является показатель средней ожидаемой продолжительности жизни (СОПЖ). Его расчетная величина для новорожденного свидетельствует о количестве лет, которое в среднем предстоит прожить человеку при условии, что существующая в данном году интенсивность вымирания населения сохранится на весь последующий период жизни данного поколения (когорты).

Таблица 2.8

Потери жизненного потенциала населения Сибири от смертности и недовоспроизводства поколений в 1997–1999 гг. (млн. чел.-лет) [1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	18,978	18,552	20,014	57,544
Восточная Сибирь	11,052	10,775	12,048	33,875
Сибирь в целом	30,030	29,327	32,062	91,419

Таблица 2.9

**Демографические потери в результате смертности
и недовоспроизводства населения Сибири в 1997–1999 гг. (тыс. чел.)**
[1]

Территории	1997	1998	1999	Всего за период
Западная Сибирь	289,1	282,8	305,1	877,2
Восточная Сибирь	170,9	166,4	186,1	523,2
Сибирь в целом	460,0	449,2	491,2	1400,4

В Российской Федерации СОПЖ в первой половине 90-х гг. резко сократилась как у мужчин, так и у женщин. Это сокращение составило (за период 1989–1994 гг.) у мужчин 6,7 года, у женщин 3,3 года и достигло уровня соответственно 57,3 и 71,1 года, чего не наблюдалось с начала 60-х гг. В регионах Сибири, особенно на восточных территориях, снижение этого критерия было более значительным, что свидетельствует об увеличении смертности мужчин и женщин в более раннем возрасте, чем в среднем по России. Так, на всех территориях Восточной Сибири, в Тюменской и Кемеровской областях (у мужчин), а также на этих же территориях и в Республике Алтай, Новосибирской области (у женщин) снижение СОПЖ было более значительным, чем в среднем по РФ.

В последующие пять лет уровень СОПЖ несколько увеличился и к 1998 г. достиг величины в среднем по России 61,3 года у мужчин и 72,9 года у женщин. По регионам Сибири также было отмечено некоторое увеличение уровня данного показателя на 3–5 лет у мужчин и на 1,5–3,5 года у женщин, в Иркутской области, соответственно на 4,1 и 2,3 года.

С 1999 г. этот показатель в Российской Федерации и СФО опять стал снижаться. Это стало результатом нового ухудшения политической, экономической и социальной обстановки в стране и в регионах (после дефолта 1998 г.). Значения показателя средней ожидаемой продолжительности жизни в регионах Сибирского федерального округа в 2003 г. приведены в таблице 2.10. Все это свидетельствует о выраженном влиянии характера развития общества на потери жизненного потенциала населения, его здоровья. В регионах Сибири это влияние проявляется сильнее, на что указывает более высокий уровень демографических потерь.

Таблица 2.10

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении по регионам СФО и в Российской Федерации в 2003–2004 гг. (число лет)

Регионы	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004
Алтайский край	66,05	65,53	60,11	59,29	72,48	72,36
Омская область	66,01	65,65	59,88	59,41	72,57	72,32
Новосибирская область	65,83	65,58	59,57	59,14	72,54	72,58
Российская Федерация	65,07	65,27	58,82	58,89	71,99	72,30
Томская область	64,44	65,36	58,29	59,55	71,34	71,72
Сибирский федеральный округ	63,17	63,27	56,83	56,87	70,34	70,45
Красноярский край	63,03	63,59	56,91	57,35	69,96	70,58
Агинский Бурятский АО	62,89	62,29	57,05	55,75	69,57	69,88
Кемеровская область	61,86	62,23	55,33	55,80	69,38	69,58
Таймырский АО	61,42	63,20	55,17	57,13	68,60	70,29
Республика Бурятия	61,25	61,13	54,81	54,55	68,85	68,90
Эвенкийский АО	60,83	60,13	55,53	57,11	67,37	63,14
Республика Хакасия	60,75	62,37	54,51	56,37	67,97	69,06
Усть-Ордынский Бурят.АО	60,70	58,67	55,13	52,19	67,16	66,35
Иркутская область	60,68	60,82	53,85	53,86	68,70	68,91
Республика Алтай	60,24	61,13	54,23	54,67	67,08	68,67
Читинская область	60,24	59,31	53,95	53,20	67,99	66,73
Республика Тыва	54,31	56,49	48,85	51,09	60,44	62,40

Как следует из этих данных, наиболее неблагополучными регионами по показателю средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в начале 2000-х гг. являлись республика Тыва, Алтай и Хакасия, Читинская, Иркутская области, а также Усть-Ордынский и Эвенкийский автономные округа.

Сохранение в течение десятилетий неблагоприятной экологической обстановки привело к возрастанию заболеваемости и смертности в связи со злокачественными новообразованиями. В Сибири ежегодный прирост потерь здоровья, связанных с этой патологией, составляет 8–10 % [1]. Общие и местные факторы экологического неблагополучия сказываются на процессах формирования здоровья, в частности на заболеваемости населения. Заболеваемость населения Сибири по отдельным территориям неравномерна (так называемая мозаичность, региональность). Характерно, что в таких регионах, как: Тюменская, Иркутская области, Красноярский край – имеет место высокая заболеваемость.

мость болезнями органов дыхания. В Томской и Читинской областях более распространены болезни органов пищеварения. Злокачественные новообразования в большей степени присущи южной части Западной Сибири, включающей Алтайский край, Новосибирскую и Кемеровскую области [там же].

Нарастает груз генетической патологии. Ежегодно в Сибири из каждой тысячи новорожденных выявляются 17–19 детей с врожденной патологией [1].

Таким образом, медико-демографические характеристики свидетельствуют о высокой интенсивности воздействия на население Сибири неблагоприятных факторов среды обитания и условий жизнедеятельности. Но, вероятно, сегодня мы наблюдаем лишь начальные проявления радикальных неблагоприятных изменений в здоровье населения.

Мы считаем, что улучшения медико-демографической ситуации можно добиться лишь при достижении приемлемого (по критериям развитого постиндустриального общества) уровня жизни основной массы населения и сохранении этого уровня в течение достаточно длительного (не менее 15–20 лет) временного интервала. При наблюдаемых высоких темпах нарастания негативных сдвигов важно исследовать закономерности формирования потерь общественного здоровья, выявлять фундаментальные законы его эволюции в зависимости от особенностей демоэкологических процессов. Необходимо привести парадигму социально-экономического развития в соответствие с культурно-историческими традициями, ментальностью российского этноса, переломить неблагоприятные тенденции, пока не пострадали необратимо жизненный и репродуктивный потенциалы населения.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 2

1. Концепция развития и сохранения населения Сибири на долгосрочную перспективу (медико-демографический аспект) / СО РАМН. – Новосибирск, 2001.

2. Овчаров В.К. Современные особенности формирования здоровья трудового потенциала России / В.К. Овчаров, Т.М. Максимова, В.Б. Белов // Проблемы соц. гигиены, здравоохран. и истории мед. – 2002. – № 4. – С. 3–5.

3. Оценка демографической ситуации в Сибирском федеральном округе // Актуальная статистика Сибири. — Новосибирск, 2005. — № 4. — С. 78–102.

4. *Тишук Е.А.* Некоторые вопросы состояния здоровья населения Российской Федерации / Е.А. Тишук // Проблемы соц. гигиены, здравоохран. и истории мед. — 2001. — № 6. — С. 3–8.

5. *Тишук Е.А.* Преждевременная смертность и ее предотвратимость / Е.А. Тишук, В.О. Щепин // Проблемы соц. гигиены, здравоохран. и истории мед. — 2001. — № 3. — С. 14–18.

Глава 3

ВЛАСТЬ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

3.1. ПРИЧИНЫ СИСТЕМНОГО РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

Наблюдаемый в 90-е гг. России и в том числе в регионах Сибири системный кризис во всех сферах жизнедеятельности возник в условиях, созданных переходом к капиталистической модели экономики и формированием новой системы экономических и государственно-общественно-правовых отношений.

В советский период экономический застой и относительно невысокий уровень жизни (по сравнению с наиболее развитыми странами) населения западные политологи и экономисты объясняли неэффективностью государственной собственности на средства производства и плановой экономики. Сторонники этой точки зрения (Г. Попов, Е. Гайдар и др.) еще в период горбачевской перестройки разработали теоретическое обоснование путей перехода к эффективному экономическому развитию, суть которых сводилась к слову командно-административной системы, переводу экономики на рыночные принципы (для чего требовалось ввести частную собственность на средства производства) и сведению при этом до минимума управляющей и регулирующей роли государства.

С 1992 г. президент Б. Ельцин вручил бразды управления экономикой группе неолиберальных экономистов (Гайдару, Чубайсу и др.). С этого момента неолиберальной доктрине был дан зеленый свет — она с большим размахом и в очень быстром темпе стала проводиться в жизнь.

Прошло более чем достаточно времени, чтобы разобраться в том, что же все-таки произошло и происходит в стране в результате вышеупомянутых реформ, если это повлекло за собой, без

преувеличения сказать, катастрофические последствия для общественного здоровья и демографического развития.

Следуя неолиберальной концепции, начавшиеся рыночные преобразования основывались на двух главных принципах:

- 1) устранение контроля со стороны плановых органов над предприятиями и введение свободы ценообразования;
- 2) передача предприятий в частную собственность (приватизация).

Архитекторы этих двух компонентов неолиберальных реформ считали их достаточными для того, чтобы рыночная экономика стала нормально функционировать.

Для начала кратко изложим официальную версию властей по поводу начавшихся реформ, которая широко излагалась СМИ, подконтрольными высшему руководству. Итак, правительство молодых либеральных экономистов во главе с Е. Гайдаром смело и решительно вступило на единственно верный путь (либерализацию цен) — «заработал» рубль, прилавки наполнились товарами, исчезли очереди. Затем младореформаторы при поддержке стран Запада и в соответствии с рекомендациями крупнейших экономистов мира провели приватизацию, создав в стране класс собственников, начали осуществлять программу финансовой стабилизации и обуздания инфляции, после чего прогнозировалось начало экономического роста. Три главных постулата легли в основу гайдаровских реформ: либерализация, приватизация, стабилизация. Но якобы противодействие реакционного Верховного Совета привело к тому, что реформы проводились нерешительно и непоследовательно, в результате чего не удалось достичь многих из поставленных целей.

Прошло не так уж много времени, и общество с изумлением и горечью убедилось в том, какой жестокий и бесчеловечный эксперимент поставлен на россиянах либерал-реформаторами.

Для прояснения сути случившегося нам придется обратиться к оценкам и мнениям известных экономистов, политологов, социологов, демографов и других крупных специалистов, искренне озабоченных судьбой страны, ее граждан и поэтому подвергающих всестороннему критическому анализу социально-экономическую политику, которую часто характеризуют как неолиберальную, ультралиберальную, и которая отличается совершенно особой российской спецификой.

Снижение роли государства в управлении экономикой

Одним из главных пороков неолиберальных российских реформ их критики считают неоправданное и резкое снижение роли государства как субъекта управления экономическими и социальными процессами.

В мире существуют общие принципы и методы регулирования экономикой. При всех различиях у американской, западноевропейской, японской моделей есть общая черта: везде государство эффективно использует кредитные, налоговые и бюджетные инструменты [40]. Наши же неолиберальные экономисты всем внушали, что любое проявление государственного вмешательства в экономику неминуемо ведет к авторитаризму, а любое ограничение свободы рынка автоматически означает посягательство на гражданские свободы [19].

Но эта теория неверна и в корне противоречит историческим фактам. Авторитаризм может возникнуть на самой разной экономической почве. Власть становится авторитарной тогда, когда ей приходится проводить меры, противоречащие интересам или ожиданиям большинства населения. Если массы ждут от государства социальной защиты, а получают свободный рынок, то никаким другим способом, кроме насильственного, навязать этот рынок не удастся. И даже не в том вопрос, кто «прав»: правящая элита или массы, а в том, что налицо конфликт, который несовместим с демократией [там же]. Директор института США и Канады академик Сергей Рогов считает, что внедряемая у нас с 1992 г. экономическая система в корне отличается от современной западной модели государственного регулирования и вовсе не является либеральной [40]. Он уточняет, что существуют разные определения либерализма и консерватизма. В Соединенных Штатах сегодня считается либерально-экономической философией та, которая делает ставку именно на государственные рычаги регулирования экономикой. Отказ же от их использования — это консерватизм, если пользоваться американской терминологией. И, с этой точки зрения, у нас под видом либерализма получила распространение ультраконсервативная философия, которая в США именуется либертарианской. Философия, при которой государство само по себе рассматривается как некое зло, от которого надо избавляться или которое надо всячески игнорировать. Рогов подчеркивает, что в США крайне

консервативных деятелей, которые выступают с подобного рода взглядами, и близко к власти не подпускают. Так что ни в одной стране мира, даже в Центральноафриканской республике, нет такой слабости государства, когда его влияние на перераспределение валового внутреннего продукта (ВВП), т.е. на экономическую жизнь страны, столь ограничено.

В конечном итоге в стране неоправданно и в недопустимой степени оказалась снижена роль государства как субъекта управления экономическими процессами. В то время как в развитых странах доля государственных расходов в валовом внутреннем продукте (ВВП) в 1997 г. находилась в пределах от 37 % (США) до 63 % (Швеция), в России в 1997 г. она была ниже 15 %, а за вычетом доли, идущей на обслуживание госдолга, еще существенно меньше [27]. Съежившаяся подобным образом по собственной воле государственная политико-экономическая система представляет собой довольно уродливый тип так называемого «минимального государства». Последнее существовать в мировой рыночной экономике практически не способно и не имеет никакой перспективы. Экономическая политика последних лет при такой системе проводится в ущерб государству и большинству его населения. Зато в такой системе создаются весьма благоприятные условия для формирования и роста криминальной и полукриминальной экономики, а также «параллельных» криминальных средств управления ею.

В современном экономическом механизме России образовалось множество звеньев и сегментов, которые вообще выпали из зоны государственного управления и регулирования и переместились в теневой оборот. Такое доминирование «нерегулируемого» сектора экономики резко суживает нормальную налогооблагаемую базу.

Просчеты в реформировании собственности и экономической политике в целом

Одной из самых главных причин кризиса в экономике явились решения, методы и управляющие действия по осуществлению приватизации государственной собственности.

В начале 90-х гг. правительство Ельцина — Гайдара — Чубайса начало кампанию массовой приватизации, объясняя гражданам, что частный собственник всегда эффективнее государства,

и пообещав «народную приватизацию» (наделение каждого равной долей государственного имущества). Но что произошло в реальности: к осени 1992 г. именные приватизационные счета (при которых граждане действительно могли бы получить обещанную долю) усилиями Анатолия Чубайса незаметно были сменены безличными ваучерами. Доктор экономических наук В.И. Самаруха [43] считает безымянность ваучеров одной из грубейших ошибок проведения приватизации, поскольку это обстоятельство способствовало быстрому отчуждению ваучеров от их владельцев спекулянтами и концентрации в крупных размерах у отдельных физических лиц, скупивших в дальнейшем крупные пакеты акций приватизируемых предприятий. Это привело к концентрации собственности в руках неэффективных собственников, возникновению широкомасштабного забастовочного движения и т.д. [там же]. Вместо пресловутых двух «Волг» рядовой россиянин по сути не получил ничего.

Вопрос о формах проведения приватизации требовал тщательной проработки и широкого обсуждения специалистами. Однако идеологи приватизации не посчитали нужным провести дискуссию по столь важному и судьбоносному для народа и страны вопросу, а за советами и консультациями обращались лишь к иностранным специалистам из МВФ.

Экономист Станислав Меньшиков [30] считает, что схема современных российских реформаторов следовала западной неоклассической догме, согласно которой для перестройки социализма в капитализм следует лишь заменить государственную собственность частной, а плановое хозяйство — свободной игрой рыночных сил. В действительности, отмечает автор, социализм подготовил почву для капитализма лишь формально, а на практике сделал эту задачу крайне трудной для выполнения, что опять не обошлось без огромных жертв социального характера — резкого ухудшения условий жизни большинства населения.

В.И. Самаруха приводит мнение большого числа отечественных экономистов, которые, признавая, что переход к рыночной экономике невозможен без разгосударствления, приватизации и развития многообразия форм собственности, считали, что наиболее оптимальной является коллективная собственность. Она наиболее приемлема для трудовых коллективов в морально-психологическом аспекте, позволяет последним осуществлять конт-

роль за деятельностью руководства приватизированных предприятий, больше соответствует менталитету россиян, ей присуща более высокая мотивация труда и производительность труда, достаточно высокий уровень социальной справедливости при распределении прибавочного продукта на предприятии и т.д. Данную позицию отстаивали М. Воейков, В. Кравец, Д. Львов, Г. Меликьян, Б. Мильнер, Д. Москвин, Э. Рудык, В. Рутгайзер, Я. Сергиенко, П. Субботин и другие [43]. Однако этой форме собственности присущи и недостатки (низкая заинтересованность в нововведениях, требующих сокращения занятости; высокая степень риска для работников-собственников и др.). В связи с этим некоторые авторы считали более целесообразным использовать другие формы: частную собственность (К. Вальтух, Л. Никифоров, А. Радыгин и др.), частно-коллективную (Е. Аврамова, И. Гурков, А. Дятлов), государственную (В. Логинов, А. Некипелов, К. Самсонов) [там же]. По мнению последних, полностью разделяемому В.И. Самарухой и автором настоящей книги, в государственной собственности должны были оставаться естественные монополии, предприятия ВПК, социально значимые производства. Это позволило бы государству проводить политику регулирования цен на основе установления нормативной рентабельности и таким образом учитывать экономические интересы и социально-психологические предпочтения большинства населения страны [там же]. Но организаторы приватизации проигнорировали данную аргументацию. В итоге частные монополисты развернули ценовой диктат и подняли инфляционные волны [там же].

Методы, какими была проведена реформа собственности и особенно ее результаты, свидетельствуют о том, что она подготавливалась и осуществлялась без должного научного обоснования, без подготовки тщательно проработанной нормативно-правовой базы. При этом не была осуществлена должным образом инвентаризация госимущества и не составлены реестры собственности, на промышленных предприятиях не проводилась оценка имущества или проводилась крайне недобросовестными, неверными способами.

Вследствие отсутствия вразумительных законов или полного их игнорирования, достигшей невиданных масштабов коррупции в государственном аппарате приватизация многих на-

родно-хозяйственных объектов была осуществлена с грубейшими нарушениями принципов экономической целесообразности и национальных интересов.

Насаждение либеральной политики сопровождалось жесточайшим сопротивлением любым попыткам ее корректировки. Реформы проводились без какой-либо обратной связи, без малейшего желания услышать голос общества, в интересах которого якобы все это делалось.

Тем не менее реформаторам удалось преобразовать формальные основы собственности и разрушить старые формы хозяйствования. В этом смысле можно говорить о возникновении в современной России строя со всеми формальными признаками капитализма. По состоянию на 2000 г., 74,4 % хозяйственных предприятий и организаций находились в частной собственности; только 11,2 % были отнесены к государственной собственности, федеральной или муниципальной, 6,9 % приходилось на долю общественных объединений, 7,5 % – на смешанные формы собственности [30].

Какие же социальные слои и группы завладели бывшей государственной собственностью? Во-первых, в самую многочисленную часть класса частных капиталистов превратился бывший директорат. Более чем десять лет спустя после приватизации 1992–1994 гг. большинство бывших «красных директоров» остаются во главе своих прежних предприятий, но уже в качестве легализованных мажоритарных собственников. Хотя по условиям приватизации половина акций предприятий должна была перейти в собственность коллектива в целом, в действительности директора и их приближенные в большинстве случаев либо скупили эти акции, либо получили мандат на управление ими. А собственность трудовых коллективов в промышленности очень быстро превратилась в фикцию.

Другая часть новых капиталистов сформировалась из бывших подпольных предпринимателей, которые преуспели по части личного обогащения еще в условиях социалистической системы (особенно в оптовой торговле, в различных видах посредничества, финансах и, разумеется, в сфере организованной преступности). Эти состояния, имеющие сугубо криминальное происхождение, стали источниками внешних инвестиций в контрольные пакеты акций ряда крупных предприятий сначала че-

рез скупку ваучеров и захват контроля на ваучерных аукционах, а впоследствии через операции займов под залог акций (на так называемых залоговых аукционах), посредством которых некоторые банкиры превратились во владельцев огромных промышленных объединений, мегахолдингов [30].

Рыночные реформаторы чрезвычайно быстро разрушили старую систему собственности и экономическую инфраструктуру. В свое время установившейся советской власти на перестройку прежней экономической системы и создание развитого аппарата центрального планирования и управления понадобилось десять лет. А либерал-реформаторы устранили центральное планирование практически в одночасье. Что же касается создания в полном виде современной инфраструктуры рынка, то это не было сделано даже спустя 12 лет после начала активных реформ [там же].

Один из главных просчетов реформаторов состоял в том, что, освободившись от плановых заданий и получив свободу установления цен, предприятия и торговые организации вовсе не стремились поддерживать достигнутый уровень производства и продаж, а даже стали его сокращать. Весь расчет строился на том, чтобы, произвольно повышая цены, при меньших объемах получить ту же или большую прибыль [там же]. В 1992 г. объем производства в пищевой промышленности в целом упал на 16 %, в 1993 г. — на 9 %, в 1994 г. — еще на 16 %. В те же годы производство в легкой промышленности снизилось соответственно на 30, 23 и 46 %. Общий индекс промышленного производства сократился соответственно на 18, 14 и 46 %. Объем личного потребления за один 1992 г. уменьшился на 30 % и в последующие годы оставался на столь же низком уровне [42].

В отраслях со значительной монополизацией рынка мгновенно стал действовать свойственный капитализму механизм максимизации прибыли при сокращении производства. Но и в других отраслях новые предприниматели точно также максимизировали прибыль, пользуясь искусственно создаваемым дефицитом. Именно в 2002 г. доля валовой прибыли в экономике достигла рекордно высокой отметки, несмотря на резкое сокращение ВВП [30]. Проще говоря, масштаб наживы новых собственников (т.е. обогащения, не заработанного, а достигнутого сугубо спекулятивными, грабительскими методами) оказался огромным.

Галопирующая инфляция резко сократила покупательную способность населения и предприятий, создав дополнительный хаос и дезорганизацию в функционировании экономики.

Важным фактором обострения кризиса стала приватизация, разрушившая сложившиеся внутри- и межотраслевые связи, формы совместной деятельности предприятий. Главный же негативный результат приватизации состоял в том, что она способствовала присвоению капитала бывших государственных предприятий новыми собственниками, которые стали использовать этот капитал не в производственных целях, а для личного обогащения, причем значительная часть финансовых средств была переправлена за рубеж. В погоне за быстрой и легкой наживой новые капиталисты не стали обновлять изнашивающиеся основные фонды и тем более создавать и наращивать новые мощности. Они и не помышляли проводить диверсификацию производства с освоением новых, необходимых населению и конкурентоспособных видов продукции, а лишь проявили себя в роли предпринимателей-хищников, действующих по принципу «обогащение любым способом». При акционированных предприятиях создавали мелкие посреднические фирмы (обычно руководимые родственниками), которые по низким ценам получали продукцию предприятия, а затем продавали эту продукцию уже по гораздо более высоким ценам, прибыль же оставалась у руководителя предприятия и его приближенных [30].

Физический объем инвестиций в основной капитал в 1992 г. сократился на 40 %, а за последующие 2 года — еще на 33 %. К завершению первого этапа приватизации в 1996 г. капитальные инвестиции составляли лишь четверть того, что вкладывалось в 1990 г. — последнем полном году советского периода [30].

То, как развивались события в ходе либеральных реформ в России, показывает, что многие результаты деятельности реформаторов, которые они всегда представляли истиной в последней инстанции, не только не безупречны, но и зачастую лукавы или вовсе лживы. Экономист С. Семенищев указывает, что с либеральной точки зрения, «принято считать, что частный собственник эффективнее государственного. Тезис достаточно спорен. Например, французское государственное автомобильное предприятие «Рено» и частный автоконцерн «Пежо» успешно конкурируют между собой, причем не только на европейском рын-

ке, но и на мировом. Получается, что и государство может вполне эффективно управлять своей собственностью [44] (даже в условиях рыночной экономики. — Я.Л.).

Так для чего же все это было затеяно, и кому было выгодно? Узкая группа лиц за первые же месяцы «либерального периода» сказочно обогатилась на дешевых государственных кредитах, протекционистских квотах, лицензиях на экспорт сырья и в конце концов беспрепятственно провела номенклатурно-бюрократический захват львиной доли общенародной собственности. По данным экономического анализа, сделанного Борисом Немцовым на конец 2002 г., в настоящее время 5–7 олигархических кланов контролируют больше половины российского валового внутреннего продукта [31].

Многие постулаты «гайдароэкономики» оказались иллюзорными и даже попросту лживыми. Что можно сказать о роли якобы «лучших экономистов мира», консультировавших реформаторов и широко афишировавших апологетами реформ. Во-первых, услуги упомянутых экономистов, как правило, не пользовались спросом на Западе, притом они фактически отошли от дел. Во-вторых, некоторые из них, в частности Джеффри Сакс, впоследствии откровенно признались в том, насколько они ошибались в истинных намерениях российских «реформаторов» [7].

Но наиболее поразительно то, что еще в 1994 г. пять Нобелевских лауреатов в области экономики, в том числе Василий Леонтьев, Дуглас Норт и Кеннет Эрроу публично заявили о фатальной ошибочности курса российских реформ, но это в высшей степени авторитетное предостережение буквально осталось гласом вопиющих в пустыне. Да и, вообще, об этом заявлении стало известно лишь через два года (!), потому что ни одно «свободное» российское СМИ не захотело предавать его огласке [7].

Наши неолибералы высокомерно игнорируют и отвергают любую критику в адрес их действий, исходящую от российских экономистов, ученых на том основании, что те якобы ничего не смыслят в рыночной экономике. Тем более ценным является мнение главы инвестиционного банка «Гамма Групп» Тимура Хусаинова — одного из самых молодых представителей бизнес-элиты нового поколения. Т. Хусаинов получил образование в МГИМО МИД РФ, Школе права университета штата Миннесота (США), факультете права Копенгагенского университета (Да-

ния), он признан лучшим менеджером 2001 г. в сфере корпоративного финансирования. По его глубокому убеждению, нельзя было практически полностью приватизировать нефтяные компании. Так же как нельзя в России приватизировать такие стратегически важные для страны инфраструктурные системы, как: РАО «ЕЭС России», МПС, «Газпром» [47]. Этот блестящий управленец и финансист негативно и с огромным сожалением оценивает российские реформы: «Бездарно был растрочен за последние несколько лет потенциал, копившийся в стране десятилетиями. Увы, сегодня мы отброшены на много лет назад. Большинство с готовностью подхватило брошенный в начале 90-х гг. разрушительный лозунг о том, что государство грабило нас 70 лет, пришло время и его «пограбить» [там же].

Шоковая либерализация и приватизация по Чубайсу не позволили возникнуть настоящему среднему классу, но зато сформировали узкий слой крупных собственников — олигархов и их сателлитов. По выражению депутата Государственной Думы Сергея Митрохина, «в угоду им был создан уродливый финансовый рынок, выкачивающий ресурсы из реального сектора экономики, построена пирамида ГКО, позволявшая олигархам извлекать сверхприбыли и перекачивать их на Запад, созданы основы криминально-олигархического капитализма, т.е. подчинения государства интересам олигархов, все тяготы финансовых потрясений, преступных социально-экономических экспериментов легли на плечи народа, государство в одностороннем порядке отказалось от своих социальных обязательств перед гражданами, российское общество оказалось расколотым на выигравшее меньшинство и разочаровавшееся большинство» [7].

Государственно-правовые факторы кризиса

Либерал-реформаторы, считающие себя также истинными демократами, много говорили о необходимости создания правового государства, о верховенстве Закона, балансе ветвей власти — т.е. о том, без чего невозможно создание гражданского общества и социально ориентированной рыночной экономики. Но на самом деле не было никакой возможности каким-либо оппонентам воздействовать и корректировать осуществлявшиеся по плану Е. Гайдара реформы. Верховный Совет, который сторонники шоковой либерализации непрерывно обвиняли в «противодей-

ствии реформам», в течение 1992 г. не мог повлиять ни на какие действия исполнительной власти: все это время действовали «особые полномочия» президента Ельцина, противоречащие законодательству.

О каком верховенстве Закона и балансе властей могла идти речь, если с первых же лет президентского правления Б. Ельцина Конституционный суд (КС) РФ неоднократно признавал его действия неконституционными. В частности таким был признан Президентский Указ от 20.03.1993 г. об особом порядке управления страной. Затем последовали печально известный Указ № 1400 о разгоне парламента и не менее знаменитое решение КС, расценившее этот указ как основание для немедленного прекращения президентских полномочий. Но, невзирая ни на что, вскоре законодательная власть была разогнана. Так что всей стране был преподан циничный урок полного игнорирования и попрания закона, а также того, что это позволено делать совершенно безнаказанно. Можно себе представить, каким примером это послужило для многих и какое имело «воспитательное» значение.

В результате подобных действий высшей исполнительной власти и под ее диктатом в стране сформировалась, мягко говоря, странная государственно-правовая система. Главная ее «странность» или особенность заключалась в том, что политические, экономические, юридические и другие процессы в нашей жизни стали совершаться и регулироваться не столько по закону, сколько «по понятиям».

Б.В. Ракитским [36] следующим образом охарактеризованы государственно-правовые аспекты реформ, оказавшие негативное воздействие на социальное положение трудящихся. Уже с 1991–1992 гг. государство сделало стремительные шаги к снятию с себя формальных обязательств гарантировать записанные в Конституции социально-трудовые права. Второй аспект – скачкообразное, обвальное нарастание социальных рисков. Реформы отключили тоталитарный механизм социальной защиты, и все те риски, которые запрещались, блокировались или компенсировались непосредственно государством, разом стали непосредственной и ощутимой для трудящегося угрозой. Перемена амплитуды социального защитника, если она происходит резко, без принятия новым государством на себя ответственности за уровень социальной защищенности населения, чревата социальным шо-

ком для населения. Что в России произошло и продолжает происходить (см. главу 5).

Социальный шок усугубился тем, полагает Б.В. Ракитский, что новое государство не только не взяло на себя ответственность за плавный переход от тоталитарного механизма социальной защиты к новому, буржуазно-демократическому, но и выступило фактором наступления на социальное положение трудящихся. Новое государство повело себя как преднамеренно классовое, односторонне отстаивающее интересы эксплуататорских групп и всемерно урезающее права и интересы трудящихся и их семей. Причем это делалось в открытой и даже вызывающей форме. Лозунг всемерного разгосударствления социальной сферы и принцип «нет денег в бюджете — нет и обязательств государства перед населением» стали главными направлениями деятельности исполнительной власти.

Третьим аспектом воздействия реформ на социальное положение трудящихся Б.В. Ракитский считает оттеснение последних на роль пассивного объекта реформ, а в результате — исключение из процессов становления гражданского (многосубъектного) общества. Шоковый тип преобразований застал трудящихся врасплох, не дал освоиться с внезапно начатыми и ускоренно проводимыми переменами. У них не было ни механизмов самозащиты, ни даже механизмов формулирования и представления своих интересов. Единственная реальная общность социального типа — трудовые коллективы — реформаторами блокированы или обезглавлены (распущены их советы).

Провозглашение курса на демократизацию и декларирование в законах и Конституции прав человека остались в связи с отмеченными обстоятельствами абстрактной возможностью, которой трудящиеся не умеют и не могут воспользоваться. Демократию, подчеркивает Б.В. Ракитский, мало разрешить, надо устроить в обществе. А это требует огромных усилий и общества, и государства. Никто в России — ни общество, ни государство — не трудится на поприще развития демократии. Отсюда фактическое массовое бесправие и несвобода при формально полных юридических правах и свободах [там же].

Накапливая первоначальный капитал, формирующаяся буржуазия попирала элементарные права и интересы трудящихся. Последние же были не в состоянии хоть как-то организовать.

Они быстро потеряли формально записанные за ними в законах права и свободы, оказавшись беззащитными. Беззащитны они и потому, что сами себя не могут защитить и потому что новое государство плохо осуществляет эту функцию. Трудящимися манипулируют, они деклассируются, люмпенизируются, что в социальном плане не сулит ничего хорошего [там же]. Таким образом, отсутствие необходимого государственно-правового сопровождения преобразований привело к тому, что реформы обернулись к трудящимся преимущественно своими разрушительными сторонами.

Одной из главных причин неэффективности и ущербности сложившейся социально-экономической системы является отсутствие ответственности власти за результаты своей деятельности. Все заявления и декларации о борьбе с коррупцией, преступлениями в экономике, сфере управления не более чем пустые разговоры, если после пятнадцати лет реформ нет законов о коррупции, о должностных преступлениях, да и об ответственности власти вообще. Не может быть подлинно правового государства, если оно не обеспечивает соблюдение норм полной ответственности перед обществом всех хозяйствующих субъектов, а также лиц, облеченных большими властными полномочиями. Без этого, как и без законов о социально-демографической политике, здравоохранении (охране здоровья), у граждан и наделенных контролирующими функциями органов представительной власти (парламент, законодательные органы субъектов Федерации) не будет конкретных критериев по оценке деятельности исполнительной власти, а также четких, законных оснований для принятия необходимых мер в случае несоответствия власти тем или иным критериям (включая решения о вынесении импичмента президенту, отставке правительства, отзыве депутатов и т.д.).

3.2. ОСНОВНЫЕ СЛЕДСТВИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В ЭКОНОМИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Прошло вполне достаточно времени, чтобы задаться вопросом: что же принесли неолиберальные реформы нашему обществу? Каковы реальные итоги и результаты беспрепятственно проводившихся реформ, стало ли лучше жить населению или хотя бы большей его части? Приблизилась ли Россия к стандар-

там развитых стран, и насколько успешно она продвигается по пути приобщения к главным ценностям мировой цивилизации?

Ниже мы приводим ответы на эти вопросы, обобщив данные анализа, расчетов, сравнительных оценок, сделанных крупными специалистами в областях экономики, социологии, политологии, демографии, здравоохранения.

Экономическое развитие

Еще в начальный период реформ обращал на себя внимание чрезвычайно деструктивный характер их воздействия на экономику страны. Так, валовой внутренний продукт (ВВП) России сократился в 1993 г. по сравнению с 1989 г. не менее чем на 38–40 % [6]. Если в 1990 г. СССР делил с Германией 3–4 места в мире по объему ВВП, то после распада СССР и двух лет разрушительных гайдаровских реформ Россия, объем ВВП которой в 1993 г. составил 36–38 % от ВВП СССР в 1990 г., оказалась на грани перехода во вторую десятку стран, а по ВВП на душу населения опустилась ниже всех индустриально развитых капиталистических стран (в том числе Греции, Португалии) — на уровень Алжира, Бразилии, Южной Кореи [там же]. И в дальнейшем это снижение продолжилось.

Руководитель Центра стратегических исследований (ЦСИ) Михаил Бочаров приводит следующие оценки: за девять лет либеральных реформ (с 1992 по 2000 г.) Россия потеряла в объемах производства около 67 %, а жизненный уровень населения снизился в 3,5 раза [5]. Эти расчеты сделаны специалистами ЦСИ на основе анализа официальных документов, которые государство считает возможным обнародовать через Госкомстат. Снижение объемов строительства, выпуска сельхоз- и промышленной продукции, пассажирских и грузовых перевозок, оказания населению услуг (кроме похоронных) за 11 лет (с 1991 по 2002 г.) оценивается в 2,6 триллионов долл. США. Сокращено более 14,5 млн рабочих мест.

В докладе академика Д.С. Львова на заседании Президиума РАН 12.02.2002 г. [27] были приведены экономические выкладки, показывающие, что в результате либеральных реформ значительно выросло экономическое отставание России от развитых капиталистических стран. Так, по показателю валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения Россия сейчас отстает от

США в 5 раз, Японии — в 4 раза, Германии и ряда других западно-европейских стран — в 3,5 раза и т.д. Из крупных государств только Китай и Индия пока уступают России (табл. 3.1). Следовательно, если раньше мы отставали по душевому ВВП от США в 3,5–4 раза, то в настоящее время — в 5 и более раз.

Д.С. Львов указывает, что производственная и научно-техническая база страны оказалась подорванной. За годы реформ основной капитал промышленности, транспорта и других отраслей экономики по существу не обновлялся, а оборотный капитал был «съеден» инфляцией. Оборудование, многие из ранее используемых технологий в значительной мере устарели не только физически, но и морально. Отраслевая наука, которая обеспечивала промышленность новыми задельными разработками, рухнула. К тому же фундаментальные исследования, «питающие» отраслевую науку, резко сократились. Сегодня даже наиболее конкурентный сектор промышленности (ВПК) живет на научно-технических заделах 20–30-летней давности. Все это не могло не сказаться на снижении эффективности основного капитала, оставшегося пока в государственной собственности.

Таблица 3.1

Среднедушевой ВВП России и ряда зарубежных стран по паритету покупательной способности национальных валют [27]

Страны	Долл. США
США	39 400
Япония	30 950
Развитые страны Запада	
Германия	28 850
Франция	28 200
Великобритания	26 850
Италия	26 725
Канада	30 550
Швеция	26 800
Швейцария	35 400
Развивающиеся страны	
Китай	4 235
Индия	2 776
Россия	8 175

О том, насколько снизился уровень экономического развития страны в результате проведения неолиберальных реформ, в высшей степени наглядно и убедительно показано в докладе «О

технологии трансформации экономики России», подготовленном Андреем Годзинским, председателем совета директоров Восточной финансовой компании и президентом Центра социально-экономической стратегии «Другие реформы». Доклад был представлен на заседании Никитского клуба ученых и предпринимателей в мае 2003 г. Мы приведем лишь некоторые положения указанного доклада на основании опубликованного краткого его изложения [10].

Проведенный Годзинским в качестве примера анализ динамики активов компании РАО «ЕЭС России» показал, что на момент образования последняя стоила около 425 млрд долл. Если уменьшить эту сумму на износ основных фондов, должно было оставаться около 200 млрд долл. В 1992 г. РАО оценивалось в 100 млрд долл. А сейчас (2003) энергетический гигант оценен рынком всего лишь примерно в 4 млрд долл. (что подтверждается данными из авторитетного источника [32]), т.е. налицо колоссальное падение капитализации (объема основного капитала) компании. Подобное падение капитализации, по утверждению А. Годзинского, произошло в масштабах всей страны. Т.е. Россия как совокупность имущества, предприятий, людей, грубо говоря, почти ничего не стоит. И это страна, являющаяся наследницей космического и ядерного СССР.

Автор доклада привел данные, свидетельствующие, что в дореформенный период мы жили в сущности в богатой стране. У нас был огромный рабочий капитал: среднемесячные траты на одного гражданина составляли тогда около 500 долл.; только из них лишь 100 платилось человеку напрямую, остальное предоставлялось в виде бесплатных путевок, квартир, низкой квартплаты и других благ. Конечно, при этом структура экономики была перекошена в сторону ВПК, не было рыночного сектора, особенно в отношении продуктов питания и товаров массового потребления, что и порождало дефицит последних. Но сам экономический фундамент существовал, и он был огромен. Встает сакраментальный вопрос: куда делась вся эта мощь?

А. Годзинский констатирует, что рабочего капитала у нас после эпохи неудачных реформ нет. Есть лишь некая иллюзия благополучия, особенно в Москве. Но никакого развития, только дальнейшее разрушение. А ведь СССР как экономическая сис-

тема обладал привлекательными финансовыми параметрами, ликвидностью государственных обязательств любого толка, т.е. у страны был высочайший кредитный рейтинг. Рабочий капитал России в 1990 г. составлял 2–2,5 трлн долл.

По расчетам автора доклада, траты на потребительском рынке на человека в месяц в России сейчас находятся на уровне 60 долл. А из 2–2,5 трлн долл. рабочего капитала 1,5 трлн долл. «сожжено» либеральными реформами. По мнению А. Годзинского, экономическая ситуация продолжает ухудшаться, а у людей, управляющих страной, «нет даже понимания, что происходит. Можно создать лукавыми отчетами иллюзорный экономический рост, но это фикция».

Одним из главнейших просчетов реформ, считает А. Годзинский, является резкое ослабление (удешевление) национальной валюты — рубля. В противовес господствующей точке зрения либерал-монетаристов о «полезности» девальвации рубля он указывает на колоссальный вред такой политики, поскольку именно дешевый рубль привел к «выкачиванию» из России рабочего капитала: к настоящему моменту (2003) на 1,5 трлн долл.

Как отмечено в упоминавшемся выше докладе академика Д.С. Львова [27], тяжелое положение сложилось и в минерально-сырьевой базе традиционно экспортно-ориентированного сектора нашей экономики, являющегося основным источником покрытия бюджетных расходов. Не случайно, что сырьевая ориентация нашей экономики за последние годы не только не сократилась, но и заметно усилилась. Это, конечно же, плохо. Невозможно смириться с ролью и местом России в качестве мирового сырьевого захолустья, а не передовой научно-технической державы.

Но гораздо хуже другое. За годы реформ воспроизводственная основа природно-ресурсного комплекса резко сузилась. Доля России в мировом производстве традиционных продуктов топливно-сырьевого комплекса за годы реформ резко упала. Так, по производству электроэнергии она снизилась в 1,6 раза, по нефти — около 2 раз, по газу — на четверть, по древесине — в 3 раза и т.д. (табл. 3.2). Доходы от природоэксплуатирующих отраслей снизились за тот же период примерно в 1,5 раза.

Таблица 3.2

Доля России в мировом промышленном производстве (в %)

	1990	1995	1998
Электроэнергия	9,1	6,5	5,8
Нефть	17	10	9
Газ	31	27	25
Уголь	8	6	5
Железная руда	11	7	7
Минеральные удобрения	10	7	6
Древесина	9	3	3

Примечание: по данным Статистического сборника Госкомстата РФ «Россия и страны мира», М., 2000 г.

За всем этим стоят ухудшающиеся условия добычи, снижающиеся объемы освоения новых месторождений в связи с резким сокращением геологоразведочных работ и т.д.

Тем самым резко уменьшаются возможности государства для решения острейших социальных проблем и прежде всего повышения жизненного уровня нашего населения. *При таком развитии событий наш стратегический ресурс — природно-ресурсная компонента — во все большей мере превращается в болезненную проблему для будущего развития страны. По сравнению с этой угрозой нынешнее «благополучие» макроэкономической ситуации представляется не только относительно шатким, но и иллюзорным.*

Академиком Д.С. Львовым и его коллегами показаны размеры потерь, которые несет государство от неэффективного использования основного капитала (за счет недополучения природно-сырьевой ренты) и государственной собственности. На макроэкономической модели, разработанной в ЦЭМИ РАН под руководством доктора экономических наук В.Ф. Пугачева, рассчитывалась величина нераспределенной или чистой народнохозяйственной прибыли, образуемой в экономике сверх затрат основных факторов производства: труда, капитала и нормальной предпринимательской прибыли. По своему экономическому содержанию чистая народнохозяйственная прибыль представляет собой сверхдоход, получаемый за счет использования природно-сырьевой ренты. Оцененная суммарная величина нераспределенной прибыли составила в 1999 г. 80 млрд долл. США. Из совокупной нераспределенной прибыли на долю рентной со-

ставляющей приходилось около 60 млрд долл., т.е. 75 % от общей ее величины. Фактические рентные платежи составили 297 млрд руб., или 14 млрд долл. (по текущему курсу). Следовательно, недополученный государством рентный доход составил в том же году 46 млрд долл. [27].

Теперь о второй составляющей экономического ущерба — потерях в доходах от использования основного капитала. По расчетам Д.С. Львова с соавторами, минимальная величина дохода от государственных активов в 1999 г. должна была достигать 161 млрд руб. (основной капитал, закрепленный за госсектором, равнялся 2,7 трлн руб., средняя рентабельность основных фондов по данным Госкомстата составляла 5 %; отсюда $2,7 \text{ трлн руб.} \times 0,05 = 161 \text{ млрд руб.}$). Фактическое же поступление доходов от госсобственности составило 24,1 млрд руб., т.е. было в 6 раз ниже реально возможного. Иначе говоря, государство недополучило примерно 137 млрд руб., или 6,4 млрд долл. США доходов от своей собственности [там же].

В итоге суммарная величина недополученного бюджетного дохода (за счет природно-сырьевой ренты и госсобственности) составила 52,4 млрд. долл. (46 + 6,4) или почти 93 % доходов консолидированного бюджета страны (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Суммарные потери бюджета в 1999 г. от неэффективного использования национального имущества [27]

Виды потерь	Размеры потерь	
	в млрд. долл.	% дохода бюджета
Недополученный доход от госсобственности в составе активов предприятий всех форм собственности	6,4	11,3
Недополученный доход от используемых природно-сырьевых ресурсов	46	81,6
Общая величина недополученного дохода	52,4	92,9
Доход консолидированного бюджета (1999 г.)	56,4	100,0

Таким образом, в государственном бюджете учитывается не более 52 % общего объема доходов, которыми реально располагает страна, т.е. 48 % дохода остаются неучтенными (это в основном доход «топливного сектора» экономики). «Вот какую высокую цену мы платим за механизм криминализации, который наши

реформаторы почему-то называют рыночным», — резюмирует Д.С. Львов.

Стоит ли удивляться, что госбюджет России (60 млрд долл. в 2002 г.) меньше, чем оборот какой-нибудь крупной западной фирмы, например — голландской «Филипс» (70 млрд долл.). И в 5 раз меньше одного только военного бюджета США (300 млрд долл.)! А ведь из этого источника государству нужно зарплату бюджетникам платить, армию содержать, развивать науку, образование, здравоохранение, культуру да и промышленность с сельским хозяйством в немалой степени поддерживать. И никакие олигархи за государство это не делают и делать никогда не будут. Следовательно, существующая экономическая система ни в коей мере не является социально ориентированной, скорее совсем наоборот.

Состояние экономики определяет такой жизненно важный показатель благополучия страны как *экономическая безопасность*, которая является одной из основных составляющих национальной безопасности. Существуют мировые предельно-критические показатели состояния экономики (промышленности, энергетики, сельского хозяйства и т.д.), выход за границы которых считается опасным.

По целому ряду экономических показателей страна вышла и находится за пределами допустимого критического уровня. Критический порог падения общего объема производства составляет 30–40 %, в России он превысил 50 % [33]. Критический рубеж практически достигнут в автомобильной отрасли, поскольку треть автомобилей, продающихся в стране, заграничного производства (по данным Института комплексных стратегических исследований [34]). Еще в худшем, можно сказать, бедственном положении находится авиакосмическая промышленность. Большая часть продукции машиностроения в настоящее время покупается за границей, а собственное производство за последнее десятилетие сократилось в 2–3 раза [там же]. В науке обескровлены такие, находившиеся ранее на передовых позициях, направления как: генетика, вирусология и другие.

Продовольственная безопасность согласно вышеупомянутым критериям обеспечивается, если импорт продовольствия не превышает 20 % (в более мягком варианте — 30 %). Этот порог давно и стабильно превышен: импорт продовольствия России со-

ставляет 36–40 % (данные Института социально-политических исследований, Института конъюнктуры аграрного рынка [33]). В таблице 3.4 представлен перечень ряда продуктов питания и промышленных товаров, импорт которых превышает предельно-критический уровень.

Таблица 3.4

Доля импорта в составе некоторых продуктов питания и промышленных товаров (по данным Госкомстата РФ, 2002 г.)

Продукты питания и промышленные товары	Доля импортируемой продукции (%)
Мясо	47
Птица	63
Масло животное	52
Сыры	36
Растительные масла	33
Чулки и носки	41
Обувь кожаная	33
Мыло	46
Телевизоры	66
Стиральные машины	38
Лекарственные средства	66

Криминализация экономики и общественной жизни

В ходе неолиберальных реформ в России стали стремительно развиваться процессы самоорганизации все большей части населения на внеправовой, в том числе криминальной основе. Это выразилось в росте всевозможных форм неуважения, игнорирования, нарушения закона, правил административных отношений, управления, общественного порядка, морально-этических норм. Так, если в 60–80-х гг. прошлого века удвоение коэффициента преступности происходило примерно за 20 лет, то в период фактически бесконтрольного («обвального») перехода к рыночным отношениям (1991–1995) для такого удвоения понадобилось всего пять лет.

Наблюдавшиеся в середине десятилетия (1994–1996) стабилизация и даже некоторое снижение числа всех зарегистрированных преступлений не отражало, по мнению специалистов, фактического положения дел, поскольку было связано главным образом с введением нового Уголовного кодекса, по которому

произошла декриминализация многих деяний либо полностью, либо частично.

Всесторонний и достаточно полный анализ процессов и причин криминализации российского общества в ходе либеральных реформ сделан сотрудником НИИ проблем управления законности и правопорядка А.И. Долговой [13]. Автор указывает, что почти вся экономическая преступность в сложившихся условиях носит организованный характер, и проблемы борьбы с ней — это, в первую очередь, проблемы борьбы с организованной преступностью. Организованная преступность стала крупным работодателем, субъектом оказания теневых услуг, а также потребителем и стимулятором наиболее дорогостоящих услуг в сферах искусства, высокой моды и других. Все большая часть преступлений не регистрируется, причем размеры латентной части по разным видам преступлений колеблются от 50 % (общуголовные деяния) до 95–98 % (экономические преступления). Упало доверие населения к закону (по-видимому, к действительности закона. — Я.Л.), правоохранительным органам. Встала со всей остротой неизвестная ранее проблема «теневой юстиции».

По данным директора Московского центра по проблемам организованной преступности и коррупции, доктора юридических наук В.В. Лунева, в 1989 г. по России организованными группами было совершено около трех тысяч преступлений, а уже в 1996 г. этот показатель составил двадцать шесть с половиной тысяч [26]. Т.е. только учтенная официальной статистикой организованная преступность возросла почти в девять раз к пятому году либеральных реформ. В последующие годы ситуация существенно не изменилась: за 2002 г. зарегистрировано около 20 тыс. преступлений такого рода. В.В. Лунеев обращает внимание на то, что официальные цифры многократно уменьшают подлинные размеры явления. При уровне реальной преступности, достигающем 12–15 млн деяний, в России регистрируется не более 3 млн, т.е. 20–25 % фактически совершаемых преступлений [там же]. При этом выявляется лишь 10 % правонарушителей. К различным видам наказания осуждаются около пяти тысяч человек на сто тысяч лиц, реально совершивших преступления.

А.И. Долгова [13] приводит обобщенное мнение криминологов о принципиальных просчетах реформ, породивших современную криминальную ситуацию. Во-первых, это несистем-

ный характер проведения реформ, когда не просчитывались их социальные и другие последствия. Во-вторых, население при этом рассматривалось как пассивный объект, а не активный субъект преобразований, способный внести существенные коррективы в планы реформаторов. В-третьих, совершенно игнорировались особенности преступности как относительно самостоятельного и специфического социального явления, способного поражать различные общественные отношения, активно наступать на ту часть общества, которая ориентирована на право и закон.

Решения о несистемном преобразовании общественных отношений, поспешное, криминологически не защищенное развитие кооперации, стремительный отказ государства от управления экономикой, промышленностью, от монополии на внешнюю торговлю алкогольной продукцией, позднее — практическое отсутствие четких и надежно обустроенных государственных и таможенных границ России привели к катастрофическим процессам, повлекшим расцвет организованной преступности.

Постулат о развитии предпринимательства реализовывался в условиях полного отсутствия системы поддержки добросовестного предпринимательства и лишения населения честного приобретения сбережений. Приватизация госсобственности проводилась поспешно, без подготовки индивидуальных проектов, привязанных к конкретным предприятиям, и защиты ее от использования в криминальных интересах, как это делается в других странах. В этих условиях все большую роль стали играть криминальные капиталы. Их обладатели начали прибирать к рукам национальное достояние, подчинять своим интересам и потребностям государственных служащих, молодое поколение. В.В. Лунеев указывает, что система уголовной юстиции нацелена в основном на бедные, слабо адаптированные слои населения, при том, что пораженность реальным криминалом правящих групп не ниже, чем самых неблагополучных слоев [26]. Разумеется, государственному чиновнику незачем грабить, он может многократно обогатиться, продавая, допустим, конфиденциальную информацию. Именно в этой сфере (государственной власти и управления) причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, в проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие

к власти и государству. В массовом сознании произошла сильнейшая дискредитация идеи законности и правопорядка. В результате криминальная деятельность большим числом граждан стала рассматриваться как наиболее радикальное средство обеспечения своих интересов в условиях дикого и нелепого российского рынка. Ставший при этом модным лозунг вседозволенности — «разрешено все, что не запрещено законом» — фактически отбрасывает прочь этические, гуманистические, религиозные и другие нормы (социальные регуляторы поведения). В преступную деятельность активно стали втягиваться даже представители ранее считавшихся благополучными слоев населения: военнослужащие, научные работники, лица творческих профессий. Мотивация — создать первоначальный капитал любой ценой, только чтобы выжить в условиях рынка. В круг преступных сделок стали вовлекаться государственные секреты, научные открытия и новейшие разработки, художественные ценности.

По мнению В.В. Лунеева [26], в стране идет интенсивный процесс приучения и привыкания народа к растущей преступности. Два десятка лет назад череда случаев организованного кровавого терроризма, массовых захватов заложников, работоторговли, непрекращающихся публичных заказных убийств, многомиллионных мошенничеств и открытая циничная коррумпированность высших государственных должностных лиц глубоко шокировала бы россиян. Ныне они видят это ежедневно и принимают как данность. Значительное число людей воспринимает криминальный путь решения жизненных проблем почти нормальным. По их убежденности, иначе не выжить.

Одним из самых негативных и опасных последствий неолиберальной политики стал быстрый рост теневой экономики. По определению доктора экономических наук В. Исправникова [17], теневая экономика — это экономика, функционирующая вне правового поля. Ее ключевым признаком можно считать уклонение от официальной регистрации коммерческих договоров или умышленное искажение их содержания при регистрации. При этом основную функцию средств платежа несут наличные деньги и особенно иностранная валюта. Основным же методом реализации подобных отношений начинает выступать насилие или его угроза субъектам сделок.

Обвальное внедрение рыночных отношений, поспешная приватизация создали в стране обстановку экономической неразберихи и правовой неопределенности. В этих условиях рост теневой экономики и органично связанной с ней организованной преступности принял небывалые в мировой практике масштабы. Так, в развитых странах Запада удельный вес теневой экономики в валовом внутреннем продукте (ВВП) составляет 5–7 %, в Африке и Латинской Америке — до 30. В России этот показатель к середине 90-х гг. достиг в среднем 40 % [там же]. За прошедшее время ситуация мало изменилась.

Главным научным сотрудником Института макроэкономических исследований (ИМИ) при Министерстве экономики РФ, доктором экономических наук Татьяной Корягиной дана весьма точная совокупная характеристика криминальной российской экономике, факторам, ее породившим и питающим [22]. К криминальной экономике автор относит не только запрещенную законом деятельность, но и организованную экономическую преступность, которая пронизывает и легальные виды бизнеса. К примеру, наркоторговля может прикрыться фирмами, якобы импортирующими цветы. В действительности же это часть транснациональной наркомафии.

По расчетам ИМИ в начале 60-х гг. теневая экономика составляла 3–5 % к валовому внутреннему продукту (ВВП), на рубеже 1988–1990-х гг. — 10–12 %, а в 1999 г. — до 69 % по отношению к ВВП. В 1999 г. ВВП составлял 4,5 трлн руб., а теневой сектор — 3,1 трлн руб. Из них 2,2 трлн руб. приходилось на криминальную экономику [там же].

Специалисты ИМИ считают, что в теневую экономику втянуто около 60 млн чел., причем на условиях, так сказать, полной занятости здесь задействовано около 12 млн чел. Фактически криминальная экономика сейчас является государством в государстве.

Весьма показателен и важен факт полного совпадения взглядов ряда известных экономистов на причины столь масштабной криминализации экономики страны. Директор института проблем глобализации, доктор экономических наук Михаил Делягин указывает, что криминализация России, имеющая выраженный экономический характер, вызвана в первую очередь длительным осуществлением не соответствующей российским реалиям либеральной политики [Трибуна. — 18.10.2001].

Такого же мнения придерживается и Татьяна Корягина: «Какой из основных принципов либеральной идеологии? Разрешено все, что не запрещено законом. Но закон, по определению, не может прописать все нюансы хозяйственной деятельности. И этим обязательно воспользуется человек с корыстно-уголовными наклонностями. Люди, ментально ориентированные на криминал, в создавшейся ситуации вырвались вперед, стали хозяевами жизни. Своих конкурентов они ломают вполне уголовными методами: через искусственное банкротство, через скрытую перекупку контрольного пакета акций. Самые жестокие нанимают киллеров» [22]. «Но главной причиной криминализации, — считает Т. Корягина, — стало устранение государства из экономики. Еще до начала неолиберальных реформ многие экономисты предупреждали, что если государство не будет вплотную заниматься кооперативным движением, его контролировать, направлять, эта здоровая и эффективная по своей сути организация экономической деятельности превратится в раковую опухоль. Но никто даже не мог представить, что она приобретет такие масштабы, вырастет системно, структурированно, в организованное финансово, экономически криминальное сообщество» [там же]. Криминальная экономика по своей природе не заинтересована в улучшении ни социальной, ни экономической и никакой другой ситуации в стране. Ее доходы растут только в хаосе. Поэтому всякие разговоры о том, что амнистия криминального капитала позволит высвободить финансовые ресурсы, совершенно беспочвенны. Самые крупные структуры давно уже транснациональны [там же].

Борьбе с преступностью сильно препятствуют установка на indulgence экономическим преступникам, выкуп власти в собственность, непринятие действенных мер по борьбе с легализацией преступных доходов.

Один из главных идеологов российских реформ Е.Т. Гайдар декларировал: «Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняться закону конверсии, это и есть оптимальное решение» [8]. «Но, — вполне правомерно указывает А.И. Долгова, — выкуп власти осуществлялся не на средства реформаторов, а на общенародные средства, и делалось это

без предварительного уведомления и получения согласия народа, вне закона» [13].

В России не было и сейчас не существует свободного рынка, считает А.И. Долгова. Он изначально был монополизирован прежде всего преступной средой. Сейчас этот передел носит прямо криминальный характер, осуществляется под контролем лидеров криминальной среды и владельцев крупных состояний, нажитых в теневом и даже в криминальном режиме, сопровождается регулярным уничтожением или жесткой компрометацией конкурентов [13].

Криминологам известно, что лица, сосредоточившие свои капиталы в криминальном секторе теневой экономики, эффективно решают свои проблемы только в условиях абсолютного игнорирования закона и других социальных норм поведения. Эти специалисты предвидели развертывание криминальной войны на почве завладения собственностью и ее передела, а также чисто потребительское использование капиталов [35]. Так и произошло: капиталы в основном вывозились и вывозятся за рубеж, их инвестирование в отечественную экономику носит весьма скромный характер. Наоборот, они используются для окончательного присвоения бывшего государственного и общественного имущества.

В развитии и сохранении системного кризиса в России важнейшая роль принадлежит такому явлению как коррупция. Коррупцию можно трактовать как некоторые отклонения от норм права, служебной этики или общечеловеческих моральных принципов. Тем самым коррупция — это совокупность проступков (от преступных до неэтичных) конкретных персон. Государственная коррупция существует постольку, поскольку чиновник может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами.

В 2002 г. Фондом «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), возглавляемым Г. Сатаровым, на основе двухлетнего расследования, проведенного при поддержке Всемирного банка и правительства Дании, был подготовлен доклад «Диагностика российской коррупции: социологический анализ» [12]. Приведем лишь некоторые, указанные в докладе характеристики данного явления и наносимого им ущерба российскому обществу.

С коррупцией напрямую связана одна из самых больших социально-экономических проблем России — вывоз капитала. Общие потери от коррупционного вывоза капитала составляли,

начиная с 1988 г., в среднем по 20 млрд долл., т.е. около 300–350 млрд долл. за 12 лет. Если же объединить ущерб от коррупционного вывоза капитала с потерями от коррупции на таможне — 20–25 млрд долл. в год, в Центральном банке, в налоговой системе, в валютно-экспертном контроле, то общая сумма за этот период составит 400–500 млрд долл. Из них сейчас на западных, в том числе офшорных счетах находится порядка 300 млрд долл., которые можно было бы вернуть, как считают специалисты, причем в основном символическими, «ритуальными» мерами. Уход от налогов с выплатой взяток налоговым стражам оценивается в 25 % от ВВП. Доля взяткодателей среди бизнесменов превышает 80 %. Общая сумма взяток, выплачиваемых российскими предпринимателями чиновникам, составляет по минимальным оценкам 33,5 млрд долл. в год. Это лишь немного меньше доходной части федерального бюджета на 2001 г.

В 2001 г. конгрессом США был подготовлен аналитический доклад о состоянии дел в России, названный «Российский путь к коррупции». В докладе рассмотрены исторические причины, приведшие к современному политическому и экономическому положению Российской Федерации. Мы считаем целесообразным привести некоторые заключения из указанного доклада [41], поскольку последние сделаны законодателями страны, которая в лице представителей высшей исполнительной власти официально поддерживала и одобряла ельцинские реформы. В частности в докладе сказано следующее.

«Организованная преступность (в России — Я.Л.) ответственна не только за удары исподтишка и насилие, но также за нечто иное — продавливание контрактов и судебных решений, обеспечение персональной безопасности и даже за распределение оперативных резервов (через взятки коррумпированным чиновникам).

Олигархическая экономика, созданная при участии и по советам администрации Клинтона, также усугубила мертвую хватку властных коррупционеров в российских правительственных кругах и в большом секторе «приватизированной» экономики, на которую оказывала влияние. Эта чиновничья коррупция препятствовала исполнению закона, а также создавала отношения симбиоза между коррумпированными правительственными чиновниками и оргпреступностью, помогая им в отмывании денег и совершении прочих преступлений. Вывезенный российский ка-

питал, оцененный примерно в 500 млрд долл. (со времен российской независимости), является другой серьезной причиной коррупции и оргпреступности. Даже наиболее консервативные оценки показывают, что суммы денег, покинувших Россию, намного превосходят те суммы, которые приходят из всех источников, включая прямые иностранные инвестиции в Россию, распухший российский внешний долг и прямую помощь Запада России».

Коррупция поразила все ключевые звенья государственного механизма, в том числе правоохранительную систему. О коррупции в органах МВД свидетельствуют материалы исследований по проекту «Экономическая деятельность работников милиции», выполненному сотрудниками Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН) под руководством доктора экономических наук Л. Косалса. Исследователями установлено, что доходы российских милиционеров от коррупционной деятельности составляют, по самым скромным расчетам, до 3 млрд долл. в год, т.е. больше чем от государства [24]. Аналогичные исследования, проводившиеся в развитых государствах, показывают, что в европейских странах, США, Японии масштабы коррупции крайне незначительны [там же].

Л. Косалс считает, что в созданной в 1990-е гг. экономической системе в условиях сократившегося финансирования и исчезнувшей советской этики в органах правопорядка стихийно сформировалась «рыночная этика». Причем то же самое произошло и в других областях бюджетной сферы и госуправления. Люди начали зарабатывать на рынке, приватизировав свой административный ресурс.

Оказывается организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений, которые хотя бы в малейшей степени затрагивают интересы владельцев крупных состояний, власть имущих, лидеров уголовной среды и связанных с ними лиц.

Преступность стала проблемой, которую совершенно не могут решить сами правоохранительные органы, какими бы искусными в криминалистическом мире они ни были. Соппротивление со стороны преступников приобрело новое качество — опору на структуры государства и институты гражданского общества [12, 13, 24].

Без коррупционного прикрытия в стране не достигла бы таких масштабов торговля наркотиками, представляющая огромный рынок, измеряемый миллиардами долл. Этот поток денег

уходит в оргпреступные группировки и оттуда частично в аппарат власти [23].

Мнения экспертов сходятся в том, что коррупция приводит к приватизации государственной власти, самого государства. А такое приватизированное государство не способно ни к какой системной работе в области государственного строительства: ни в экономике, ни в социальной сфере. Государство становится просто недееспособным.

Исследование фонда ИНДЕМ показало, что коррупция, завоевав экономику, активно проникает в сферу политики. По коррумпированности политические партии уступают лишь ГИБДД. Государственная Дума стоит на 3-м месте (исполнительная власть занимается коррумпированием законодательной, когда необходимо обеспечить принятие необходимых законопроектов).

Государство, пораженное коррупционными процессами, становится беззащитным перед внутренними и внешними угрозами.

В России сложилась система управления, при которой чиновники ничего не обеспечивают, ни за что не отвечают. Чиновники высшего уровня в России только делят бюджетные потоки. Так, Центральный банк России не выполняет надзорную функцию за банковской системой страны, это доказали два финансовых кризиса — 1995 и 1998-го гг. При этом чиновники ЦБ РФ получили статус негосударственных служащих и поэтому имеют возможность получать огромные оклады независимо от того, работает финансовая система или обанкротилась.

Российские криминологи утверждают, что в стране регистрируется не более 1 % реальной коррупции. Остальные 99 % носят скрытый характер. Неудивительно, что за 10–12 лет было подготовлено более десятка проектов закона о борьбе со взятками, три из которых были приняты Госдумой, а два — Советом Федерации, но ни один из них не стал действующим законом, поскольку на эти юридические акты было наложено вето президента Б. Ельцина под предлогом, что применение такого закона якобы нарушает права на неприкосновенность частной жизни чиновников и их семей [26].

До сих пор также не приняты комплексные федеральные законы «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с легализацией преступных доходов». По-прежнему отсутствуют

достаточная правовая база борьбы с организованной экономической преступностью. В результате страдает добросовестный предприниматель: практически отсутствует система его эффективной поддержки государством; он не конкурентоспособен в сравнении с владельцами крупных промышленных капиталов.

Эксперты подчеркивают, что основные издержки от коррупции — в разрушении государственной системы, государственно-го аппарата, правоохранительных органов, торможении нормального экономического развития. Коррупция в судах подтачивает ключевое понятие справедливости, без которого не может существовать общество будущего. Формируется и утверждается анти-правовая система регулирования бизнеса.

Огромной потерей считают эксперты резкое падение уровня нравственности в стране в результате роста коррупции.

По мнению Л. Косалса, то, что сейчас происходит в правоохранительной системе, среди всех прочих чиновников, является уже чем-то гораздо большим, чем просто коррупция. Потому что коррупция — это отдельное нарушение закона отдельными представителями власти. У нас же речь идет о сложившейся особой системе, которая этим и живет. А бороться с системой почти невозможно — приходит к пессимистическому заключению автор [23].

А.И. Долгова [13] вполне правомерно утверждает, что современная российская преступность — «это не инородное тело в организме общества, которое можно удалить без ущерба для организма, а результат специфической деформации его характеристик, существующих в нем отношений, их перерождения, подобно тому, как это происходит при раковой опухоли живого организма». Неизбежным следствием этого является неуклонный ежегодный рост удельного веса расходов на «силовые ведомства» и падение расходов на науку, здравоохранение, образование, культуру.

М. Делягин считает, что обуздание преступности, в том числе экономической требует в качестве непрямого предварительного условия нормализации экономического положения России, приведения государственной политики в соответствие с реальными потребностями общества [Трибуна, 18.10.2001]. По убеждению Делягина, необходимо от бесплодных попыток осуществить третий виток либеральных реформ (первый привел к национальной катастрофе 1992–1993 гг., второй — к финансово-экономической катастрофе августа 1998 г.), перейти к политике последо-

вательного стимулирования инвестиций на основе обеспечения всем гражданам России минимальных социальных стандартов.

Здравоохранение

В.Н. Иванов и А.В. Суворов [16] отмечают, что среди причин резкого увеличения преждевременной смертности в России немало излечимых по своей природе болезней, а также фатальных осложнений длительно протекающих хронических заболеваний, смерть от которых современная медицина в состоянии значительно отдалить. Поэтому, по мнению авторов, столь высокий уровень смертности обусловлен отчасти и неадекватной государственной политикой в области здравоохранения, существенным ухудшением функционирования системы медицинской помощи населению, снижением ее доступности. Свидетельством этого является прежде всего динамика показателя государственных расходов на здравоохранение.

Такое традиционное для нашей страны явление как *недофинансирование здравоохранения* в процессе неолиберальных реформ еще более усилилось. Даже в конце 80-х гг., когда всеми признавалось, что здравоохранение финансируется по остаточному принципу, на эту отрасль выделялось 3,6 % от ВВП. В 1995–1996 гг. после введения в качестве дополнительного источника финансирования медицинского страхования затраты на здравоохранение составили около 2,5 % от ВВП (данные комитета по охране здоровья Государственной Думы РФ). Подобные условия ведут к деградации и распаду всей системы здравоохранения. В то же время в странах Западной Европы, Восточной Европы и СНГ общие расходы на здравоохранение в 1995 г. составляли в процентах от ВВП 8, 5,9 и 4,1 % соответственно.

Проведенные О.Н. Болдовым с соавторами [4] расчеты в сопоставимых ценах, рассчитанные методом дефлятирования расходов по статьям их бюджетной классификации, государственные расходы на здравоохранение к 2000 г. сократились по сравнению с 1991 г. в 2,5 раза, в том числе консолидированного бюджета — более чем в 3 раза. По доле общественных (государственных) расходов на здравоохранение в ВВП Россия уступает странам как с более высоким уровнем ВВП на душу населения, так и с близким к российскому и даже более низким его уровнем [16]. Значит, ситуация в России никак не соответствует общей закономерности,

присущей большинству стран, в том числе с переходной экономикой, когда при более высоком уровне ВВП наблюдается и более высокая доля расходов на здравоохранение.

По данным зарубежных авторов, показатель государственных расходов на здравоохранение и зависящие от него показатели качества и доступности медицинской помощи в значительной степени определяют уровень здоровья населения, в частности показатель средней ожидаемой продолжительности жизни [49].

Потеря управляемости системой здравоохранения. Под лозунгом побуждения местной инициативы, регионализации был разрушен отраслевой принцип организации здравоохранения. Но ведь именно благодаря отраслевому принципу управления была создана система здравоохранения (особенно в части оказания первичной медико-санитарной помощи), которая на конференции Всемирной организации здравоохранения в 1978 г. была признана лучшей в мире. И, по общему мнению, признававшемуся всеми, главная проблема отечественного здравоохранения заключалась лишь в недостаточном финансировании медицинских учреждений и порочной системе оплаты труда медицинских работников, не позволявшей создать мотивацию профессионального роста и улучшения качества медицинской помощи.

Разрушение существовавшей государственной системы здравоохранения по своим последствиям равносильно общему развалу экономики. Оно привело к децентрализации управления отраслью, резкому сужению властных полномочий федерального министерства, утрате планирующего начала в распределении ресурсов [9]. Эти процессы происходят на фоне нерационального размещения (нередко свертывания) сети лечебных учреждений, в то время как ежегодно из-за преждевременной смертности и растущей заболеваемости, инвалидности страна лишается недопроизведенной продукции на миллиарды долларов

Отсутствие единой системы ценообразования на лекарства и медикаменты привело к тому, что всевозможные торговые посредники осуществляют немислимые «накрутки» на эту, в основном импортную продукцию. В такой ситуации недопустимо ориентироваться только на импорт лекарств и оборудования и не принимать никаких мер против развала и уничтожения собственной фармакологической и медицинской промышленности.

Член-корреспондент РАМН Юрий Белоусов [3] свидетельствует, что США ежегодно в фармацевтическую отрасль направляют 17 % своего ВВП. И расходы на нее там опережают расходы на электронику, программное обеспечение, телекоммуникации и даже на оборонную промышленность. Весь расчет на то, что в конечном итоге все окупится здоровьем нации. «Ведь в развитых странах, — подчеркивает Ю. Белоусов, — понимают: не будет здорового населения — не будет и здоровой экономики».

Большими минусами реформ стали *переход от здравоохранения как системы к стихийному рынку медицинских услуг, а также непродуманное и поспешное введение обязательного медицинского страхования (ОМС) всего населения*. По данным зарубежных исследователей, добиться снижения заболеваемости населения, организации действенной медицинской помощи и профилактики можно лишь тогда, когда доход в каждой семье будет составлять не менее 10–12 тыс. долл. на душу населения в год [1]. В России же вместо политики, направленной на планомерное повышение экономического благосостояния граждан и достаточное финансирование лечебных учреждений взят курс на реформирование здравоохранения в плане снижения государственного регулирования, введения страховой медицины, развития частного сектора медицинских услуг, муниципализации отдельных учреждений или их трастирования. В результате подобных преобразований лишь поменялось и возросло число лиц, пользующихся теми или иными привилегиями или «кормушками» от медицины, при одновременном снижении уровня медицинской помощи для подавляющего большинства населения.

Сама направленность этих реформ противоречит всему мировому опыту. В итоговом докладе Европейского регионального бюро ВОЗ за 1996 г. «Реформы здравоохранения в Европе: анализ нынешних стратегий» в качестве одной из важнейших тенденций обозначена усиливающаяся роль государства в здравоохранении (особенно в регулировании цен на фармацевтические средства). Крупнейшие западные экономисты считают, что при предоставлении таких общественных благ, как медицинские услуги, не должно быть места для неконтролируемой рыночной деятельности (Письмо Нобелевских лауреатов Президенту России Борису Ельцину).

По данным Комитета по охране здоровья Государственной Думы РФ (КОЗ ГД РФ), около 6–8 % собранных средств ОМС уходит на содержание бюрократического аппарата [9]. Некоторые специалисты считают, что обязательное медицинское страхование малопригодно и неэффективно для страны, где экономическая депрессия не позволяет собрать с предприятий достаточные средства для финансирования полноценной работы учреждений здравоохранения, а медико-демографическая ситуация усугубляет неплатежеспособность промышленных предприятий. С учетом постарения населения, растущего уровня его инвалидизации (за последние 10 лет он вырос втрое) и растущей безработицы численность работающих, что обеспечивают оплату медицинских услуг, будет еще сокращаться [1].

Столь же несостоятелен постулат о повышении качества медицинской помощи (особенно по критерию доступности). За годы реформ оно резко снизилось в целом. Причинами этого явилось снижение оплаты труда медиков и соответственно его престижа, крайне недостаточное финансирование медицинских учреждений. Средняя заработная плата в здравоохранении — одна из самых низких, в 1996 г. она составила только 74 % от средней заработной платы по экономике в целом. В конце 90-х гг. тарифные ставки разрядов ЕТС, по которым производилась начисление заработной платы до 98 % работников отрасли, не достигали прожиточного минимума [9]. Еще более удручающим является положение в учреждениях медицинской науки.

Внедренная взамен прежней система контроля за качеством медицинской помощи себя не оправдывает. Достаточно очевидно стремление страховых организаций использовать право штрафных санкций за допущенные ошибки в диагностике и лечении больных прежде всего для того, чтобы в максимально возможной степени ограничить финансирование лечебного учреждения, а «сэкономленные» средства обратить на собственные нужды.

У страховых организаций нет системы гарантий по видам медицинской помощи, социальным группам населения, конкретным территориям, поскольку они оперируют только категориями (главным образом финансовыми), рассчитанными на индивидуума.

Разрастание ведомственной и элитарной медицины. Во второй половине 90-х гг. на эти сектора уходило, по данным КОЗ ГД РФ, до 37 % федерального бюджета, выделяемого на здравоохранение.

Вообще ответ на вопрос о том, какая из систем здравоохранения: льготно-бесплатная (социалистическая), существовавшая в Советском Союзе, или рыночная — лучше и эффективнее, вовсе не так прост и очевиден. Недостатки льготно-бесплатной системы в СССР не отменяют того факта, что она успешно и эффективно применяется в ряде развитых стран Запада, например: в Швеции и Канаде [16]. Специалисты, хорошо знакомые с системами здравоохранения рыночного типа, свидетельствуют о том, что платность медицинской помощи сама по себе отнюдь не обеспечивает ей высокого качества и доступности в передовых западных странах [там же].

Качество жизни

Данная тема чрезвычайно обширна и заслуживает специального подробного рассмотрения. Поэтому мы ограничимся здесь кратким анализом лишь некоторых аспектов явления, подвергшихся наибольшим изменениям в ходе неолиберальных реформ и не освещенных в других разделах.

К показателям качества жизни в первую очередь относят: обеспеченность доходами, жильем и продуктами питания, занятость и условия трудовой деятельности, здоровую физическую и социальную среду, возможность вести здоровый образ жизни, общественную и личную безопасность, доступность и качество медицинской помощи, возможность получения образования, социального и культурного развития [15, 25]. Согласно современным научным воззрениям, совокупность всех вышеперечисленных факторов примерно на 80 % определяет состояние здоровья человека, а оставшиеся 20 % определяются наследственностью (генетическими факторами).

Важнейший компонент качества жизни — обеспеченность доходами (уровень доходов). Данный компонент является своеобразным интегральным критерием и фактически определяет такое принятое в социологии понятие как «уровень жизни» (их часто рассматривают как синонимы), поскольку от размеров дохода напрямую зависят производные факторы: питание, жилищные условия, образ жизни, возможности лечения и др. Поэтому то, как складывается ситуация по обеспеченности населения доходами, имеет первостепенное значение.

Характеризуя нынешнюю российскую экономику как сырьевую, Г. Явлинский считает, что она способна востребовать лишь малую толику тех человеческих ресурсов, которыми располагает сегодня страна, а потребности ее в квалифицированном труде вообще ничтожны в масштабе страны с таким населением как Россия. Следовательно, система (социально-экономическая. — Я.Л.) фактически обрекает не менее половины сегодняшних россиян на полулюмпенское существование в условиях застойной безработицы и средневекового кормления с «шести соток». Остальным же она предлагает занятость главным образом в сфере обслуживания, причем преимущественно в виде рабочих мест, не требующих особой подготовки и квалификации, а, значит, малооплачиваемых и не сопровождаемых сколько-нибудь ощутимыми социальными гарантиями [48].

Подводя итоги неолиберальным реформам, приходится констатировать, что общественное благосостояние находится на очень низком уровне. Российский бюджет в 75 раз меньше, чем в США, а ВВП на душу населения соответствует среднему уровню для развивающихся стран, при этом он в 10 раз (на порядок) ниже среднего уровня группы развитых стран [20, 48].

По официальной статистике соотношение средних размеров зарплат и пенсий с прожиточным минимумом практически не меняется, при этом средняя пенсия по-прежнему приблизительно на четверть ниже соответствующего прожиточного минимума (данные на 2002–2003 гг.).

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в настоящей работе все анализируемые категории: здоровье, уровень и качество жизни и т.д. — мы оцениваем главным образом в популяционном аспекте, т.е. применительно к населению, рассматриваемому как сложный социальный организм. Это нелишне подчеркнуть, поскольку популяционные феномены не сводятся только к простой сумме индивидуальных проявлений. Для общественных процессов и характеристик очень важна их структурная организация, пропорции и диспропорции в социальном организме и его развитии.

Специалисты по изучению народонаселения уже давно определили, что для здоровья и благополучия нации не должно быть непреодолимого или чрезмерного разрыва между самыми бедными и самыми богатыми слоями общества. Для того, чтобы

общество было устойчивым, не испытывало внутренних противоречий, напряжений, 10 % самых богатых граждан (верхняя децильная группа) должны обладать состоянием, не более, чем в 5–6 раз превышающим то, чем владеет 10 % бедняков (нижняя децильная группа).

В современной России разрыв между верхней и нижней децильными группами населения по уровню дохода официально оценивается как 14–15 кратный (по данным независимых экспертов — более чем 20-кратный) и последние 10 лет он практически не уменьшается. Доля населения, которая живет в условиях абсолютной бедности, т.е. испытывает затруднения в удовлетворении базовых человеческих потребностей, составляет не менее 33–35 % [37, 38, 39, 48].

Академик Д. Львов, характеризуя структурные изменения в нашем обществе, говорит, что за годы реформ образовались как бы две России: богатая, являющаяся своего рода обществом благоденствия, и бедная, со множеством социальных и экономических проблем [29]. На долю первой России приходится примерно 15 % населения. На долю второй — 85 %. Первая Россия аккумулирует в своих руках 85 % всех сбережений в банковской системе, 57 % денежных доходов, 92 % доходов от собственности и 96 % расходов на покупку валюты. Вторая Россия располагает 8 % доходов от собственности и 15 % всех сбережений [там же]. Уровень и образ жизни этих двух России несопоставимо разный. Это порождает социальные противоречия в экономике, в обществе, усиливает противостояние между богатыми и бедными, разрушает духовный мир человека, подтачивает социальное здоровье нации.

Г. Явлинский, фактически солидаризуясь со взглядами Д. Львова, дает несколько более дифференцированную социально-экономическую характеристику населения страны. «Пять процентов населения, «оседлавших» сырьевые и финансовые потоки, имеют доходы, позволяющие им ощущать себя если не всемогущими магнатами, то, во всяком случае, людьми, навсегда забывшими, что такое материальные вопросы. Еще 20–25 % населения — это наш средний класс, который обязан своим относительным процветанием нынешней системе и соответственно является его главной социальной опорой и защитником. При чем *средний класс в этой системе представляют не инженеры,*

офицеры, врачи, учителя, научные работники, средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие и фермеры, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и разного рода рантье (выделено мною. — Я.Л.). Остальные же 70–75 % населения — это «старые» и «новые» бедные, подавляющая часть которых вполне в духе марксистской теории капитализма живет на уровне простого воспроизводства рабочей силы или даже ниже» [48].

Приведем также данные по экономической стратификации населения, подготовленные Институтом социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН на ноябрь 2002 г. [38]. Доля среднеобеспеченных граждан составляет 25 %; высокообеспеченными считаются 8 % россиян, а богатыми и очень богатыми — 2 %. Низкообеспеченные составляют 30 %. А бедные и представители маргинальных групп — 35 %. Директор ИСЭПН Н. Римашевская свидетельствует, что к маргинальной группе возможно отнести в России до 10 % горожан: нищих и бомжей — 3,5 млн, беспризорных детей — 2,4 млн, уличных проституток — 1,2 млн [39]. «Причем, — подчеркивает Римашевская, — эти данные признаны и такой авторитетной организацией, как «Врачи без границ». Весьма тревожной для нынешних властей должна быть информация о том, что количество бедных в России в последние годы растет. По данным Госкомстата РФ, в 1992 г. бедных было 49,7 млн чел. Наилучший показатель пришелся на 1997 г. — 30,5 млн бедняков. А в 1999 г. их опять стало много — 41,6 млн. В 2000 г. армия бедных возросла до 42,3 млн чел., а в 2002 г. — до 42,6 млн [там же].

Н. Римашевская считает, что «наиболее выраженный социально-экономический результат реформ — это поляризация доходов населения и социальный разлом общества, который фактически привел к возникновению «двух России», противостоящих друг другу. Образовалось два уровня жизни, два потребительских рынка. Представители «двух России» говорят на разных языках и плохо понимают друг друга. Это тем более опасно, что в «страну богатых» и очень богатых входит и политическая элита. Различия в уровне жизни «двух России», если сопоставить подушевые доходы верхней и нижней пятипроцентных групп населения, по экспертным оценкам достигает 100 раз (30 долл. у бедных и 3 тыс. долл. у богатых)» [38].

По данным зарубежных исследований, неравенство в распределении доходов оказывает даже большее влияние на общественное здоровье, в частности на среднюю продолжительность жизни, чем общий уровень благосостояния. Так, лучшие показатели здоровья населения отмечаются в странах не с наибольшим ВВП, а с наименьшей дифференциацией в доходах граждан [49, 51].

Одной из причин возникновения вышеописанной ситуации является сложившаяся в ходе неолиберальных экономических реформ практика формирования структуры себестоимости продукции, ценообразования и системы оплаты труда наемных работников. В этих сферах государством также утрачены или недопустимо ослаблены контрольно-регулирующие функции.

Произошло перераспределение в структуре денежных доходов населения в сторону увеличения доходов от предпринимательской деятельности, от собственности при одновременном снижении удельного веса доходов в виде оплаты труда. Если в 1992 г. удельный вес оплаты труда в денежных доходах населения составлял 76,9 %, то в 1997 г. он снизился до 46,2 %. Доходы от собственности и предпринимательской деятельности, напротив, выросли соответственно с 11,5 до 39,4 %. Сущность этих структурных сдвигов проявляется, прежде всего в том, что снижение роли оплаты труда в формировании денежных доходов в первую очередь негативно отражается на работниках бюджетной сферы, где получение иных доходов, кроме зарплаты, затруднено или исключено полностью. В свою очередь доходы от собственности, предпринимательской деятельности и другие в настоящее время являются в основном результатом спекулятивных финансовых и кредитно-денежных операций, т.е. эти доходы практически не зависят от увеличения товарной массы, и в первую очередь ведут к неоправданно большой дифференциации населения по уровню доходов.

В последние годы в России в себестоимости продукции доля зарплаты составляет всего 7–10 %, в то время как в большинстве стран – 60–80 % [21]. Т.е. в цивилизованных странах с нормальной рыночной экономикой самым дорогим является живой труд. В России же ситуация совсем другая. Столь же

сильно искажена и система соотношений стоимости разных видов продукции, особенно разных видов интеллектуального труда. В результате труд педагога, врача, работника культуры, научного работника оплачивается (но никак не стоит фактически) в 5–10 раз ниже, чем клерка в кредитно-финансовом учреждении.

Если же оценить в сравнительном плане размеры среднемесячной зарплаты наемных работников в ряде европейских стран, Японии и нашей стране, то становится особенно разительным крайне неудовлетворительное положение россиян по этому показателю условий жизни (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Среднемесячная зарплата наемных работников в 1999 г.
(в пересчете на доллары США) [21]**

Страна	Размер зарплаты
Япония	3100
Великобритания	2160
Канада	1900
Австралия	1800
Польша	220
Эстония	200
Венгрия	195
Россия	80

Н. Римашевская резюмирует: «основные факторы бедности определяются низким уровнем оплаты труда, пенсий, стипендий и пособий, растущей безработицей. У нас минимальный размер пенсии по старости (по состоянию на сентябрь 2002 г. – Я.Л.) составляет 30 % от прожиточного минимума (ПМ), ежемесячное пособие на детей – 5 % от ПМ, минимальная стипендия – 8 % от ПМ, пособие по безработице – 8 % от ПМ. Причем не следует забывать, что прожиточный минимум – это всего-навсего уровень выживания и имеет биологический, а не социальный характер. Только чтобы не умереть» [37].

Обедневшие группы населения наибольшие страдания испытывают от недостаточного питания и недоедания. В малых городах, где проживает почти треть населения страны, семьи просто бедствуют. Их питание, неполноценное и однообразное по ассортименту, часто недостаточное по количеству пищевых про-

дуктов, не может удовлетворить никого. В крупных городах и на селе нельзя говорить о голоде, но отмечается дефицит белков животного происхождения. О мясе, рыбе многие не вспоминают годами [там же].

Для России, с ее довольно суровыми климатическими условиями, всегда особое значение имело потребление мясной пищи (как, впрочем, и во многих других странах с более мягким климатом и многопрофильным сельским хозяйством). В советское время (70–80-е гг.) россияне потребляли до 70 кг мяса в год на душу населения. В начале 2000-х гг. — всего 43–45 кг. При этом не возросло потребление ни рыбы, ни фруктов. Вообще потребление мяса на душу населения является одним из наиболее значимых и точных индикаторов уровня социально-экономического развития страны. Чем богаче государство, тем больше мяса едят его граждане. Даже иерархия стран по потреблению мяса удивительно сходна с рейтингом их валового продукта на душу населения (рис. 3.1).

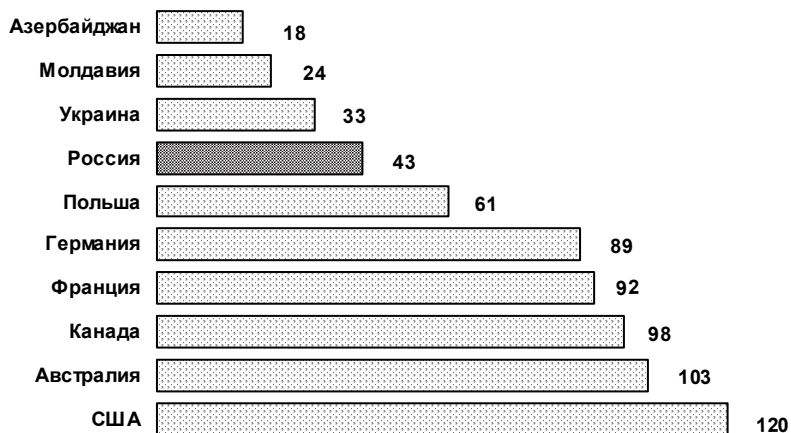

Рис. 3.1. Потребление мяса в странах мира в кг на душу населения в год (2001).

Еще более информативен данный показатель при характеристике доходов населения и соответственно уровня жизни. Т.е. количество мяса в рационе наиболее сильно зависит от принадлежности россиян к богатым и бедным (рис. 3.2).

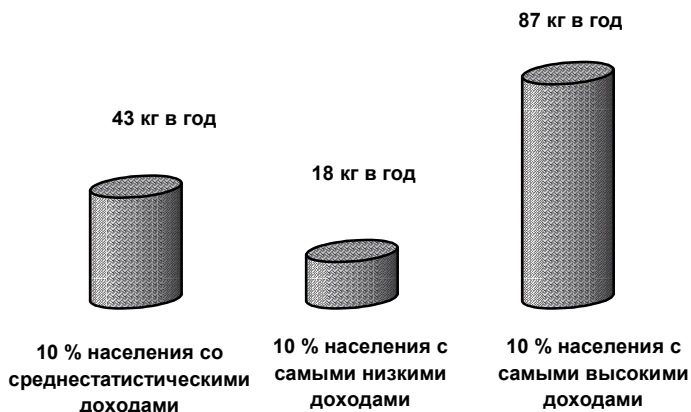

Рис. 3.2. Потребление мяса в России на одного человека в год (по данным Госкомстата РФ, 2001).

Итак, мы наглядно увидели роль низкой оплаты труда в формировании низкого уровня жизни огромного контингента населения. А как обстоят дела на другом полюсе экономической стратификации. По свидетельству ряда специалистов сегодня зарплата руководителя крупной компании превышает жалование рядового сотрудника в десятки, а то и сотни раз и, как правило, практически ничем не регламентируется [37]. В наиболее крупных компаниях председатели Совета директоров и генеральные директора получают до 1 млн долл. в год. Эти оклады образуют точку отсчета для доходов управляющих более низкого уровня: вице-президентов, начальников управлений и т.д. «По сравнению с доходами рядовых работников доходы высших менеджеров больше в несколько сотен раз», — констатирует доктор экономических наук Г. Ханин [45].

Чем же объясняются такие огромные доходы российских высокооплачиваемых менеджеров? Г. Ханин поясняет, что сверхвысокие зарплаты — скрытая форма дохода от капитала. Назначая себе их, владельцы предприятий таким образом присваивают себе доходы, которые в странах с нормальной рыночной экономикой делились бы между всеми акционерами [там же]. Между тем на Западе зарплата высших менеджеров отличается от окладов рядовых сотрудников не больше, чем в 10 раз. В ряде стран максимальная разница устанавливается законодательно [38].

Н. Римашевская считает необходимым узаконить жесткую зависимость заработной платы руководителя от размера жалования его сотрудников, например, декларировать десятикратную степень. Тогда, чтобы директору получить привычную для него месячную зарплату в полмиллиона рублей, ему предстоит платить вахтеру не менее 50 тыс. руб. В уже упомянутых западных странах именно так и обстоит дело [там же].

Все вышеперечисленные следствия неолиберальных реформ в области доходов, уровня жизни обобщенно характеризуются материалами исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН [18]. Согласно этим данным за годы реформ реальная заработная плата снизилась почти в 2,5 раза, а среднедушевой доход – в 2 раза (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Динамика заработной платы и денежных доходов населения в 1990–2000 гг. [18]

	Годы										
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Реальная среднемесячная зарплата в ценах 1990 г., руб.	410	460	240	220	170	160	170	190	124	143	169
в % к 1990 г.	100	112	58	54	42	38	40	46	30	35	41
Среднедушевой доход в ценах 1991 г., руб.	–	870	380	370	482	433	442	419	354	395	414
в % к 1991 г.	–	100	43,7	42,5	55,4	49,7	50,8	48,2	40,7	45,4	47,6

При этом темпы снижения доли в суммарном подушевом доходе весьма отличались в разных децильных группах. Наибольшее снижение имело место в первой децильной группе (с наименьшими доходами): с 12 % (от всех доходов населения) в 1991 г. до 6,1 % в 2000 г., т.е. в 2 раза. Снижались доли суммарного подушевого дохода и во второй, и в третьей, и в четвертой группах, но уже существенно в меньшей степени, чем в первой; в частности, во второй – с 16 до 11 %, т.е. в 1,5 раза, в третьей – с 19 до 15 %, т.е. в 1,3 раза, а в четвертой – с 23 до 21 %, т.е. на 10 % (табл. 3.7). И только доходы пятой группы, представляющей наиболее состоятельную часть населения, не снижались, а росли. Из данных таблицы 4 видно, что если доля пятой группы в суммарных доходах в 1991 г. составляла 31 %, то в 2000 г. она возросла до 47 %, т.е. увеличилась в 1,5 раза.

Таблица 3.7

Динамика денежных доходов населения в 1991–2000 гг. (%) [18]

Денежные доходы	Годы									
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе по группам:										
первая (с наименьшими доходами)	11,9	6,0	5,8	5,3	5,5	6,2	6,2	6,2	6,2	6,1
вторая	15,8	11,6	11,1	10,2	10,2	10,7	10,6	10,5	10,6	10,6
третья	18,8	17,6	16,7	15,2	15,0	15,2	15,1	14,9	14,9	14,9
четвертая	22,8	26,5	24,8	23,0	22,4	21,5	21,4	21,0	21,0	21,2
пятая (с наибольшими доходами)	30,7	38,3	41,6	46,3	46,9	46,4	46,7	47,4	47,3	47,2
Коэффициенты дифференциации фондов	45	80	11,2	15,1	13,5	13,0	13,2	13,2	14,0	13,7

В высокоразвитых странах давно поняли, что грабеж трудящихся в конечном счете наносит ущерб нанимателям и государству в целом. Проводившиеся международными организациями исследования показали, что существуют пределы, ниже которых доходы работников опускаться не должны никогда. По критериям, определенным экспертами ООН, минимальной для всех регионов мира следует считать зарплату, эквивалентную 3 долл. в день [2].

По существу это абсолютный минимум бедности, за которым наступают развал экономики, социальные волнения, вымирание населения. Для Европы, где стоимость жизни выше, чем, например, в Азии, специалистами ООН установлен порог в 4 долл. в день. Очевидно, что 90 или 120 долл. в месяц лишь не дают произойти социально-экономическому коллапсу. Но этого совершенно недостаточно для обеспечения поступательного эффективного развития общества.

Чтобы человек работал с отдачей, производил сложные товары и качественные услуги, он должен зарабатывать не только на еду (что лишь и позволяет порог бедности), но и на одежду, приличное жилье, отдых, дополнительное образование, воспитание и обучение детей и т.д. — это уже стало аксиомой в современных социально-экономических теориях. Поэтому в развитых странах Запада стандарты заработной платы намного выше, а в США никакая работа не может оплачиваться в размере меньшем, чем 7 долл. в час. Что же касается наших реалий, то по дан-

ным Всемирного банка, к середине 2001 г. 32,6 % россиян имели доходы ниже прожиточного минимума, который составлял тогда 1 507 руб. или 52 долл. США [46].

Конечно, номинальные зарплаты бюджетников периодически повышают, но инфляция, никак не сдерживаемый и не регулируемый рост цен, особенно на энергоносители, очень быстро «съедает» эти повышения. Масштабы бедности в последние годы не уменьшаются, и даже, как было показано выше, несколько возрастают.

Из всего вышесказанного можно сделать два очевидных вывода (сформулированных так или иначе многими исследователями):

1. Во-первых, в результате либеральных реформ в выигрыше оказалась лишь небольшая часть наиболее обеспеченного населения. Основная часть населения страны пострадала. Т.е. богатые стали еще богаче, а бедные — еще беднее.

2. Во-вторых, провалы в проведении реформ не затрагивают самых богатых, а покрываются за счет снижения жизненного уровня малообеспеченного населения.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 3

1. *Архангельская Е.Ф.* Проблемы здоровья и здравоохранения / *Е.Ф. Архангельская, Н.А. Демидов* // Здравоохранение Рос. Федерации. — 1997. — № 4. — С. 23–25.

2. Бедность в России. Государственная политика и реакция населения / Под ред. Джени Клугман: пер. с англ. / Всемирный банк, Вашингтон. — М, 1998.

3. *Белоусов Ю.* От такого наследства мы откажемся (интервью) / *Ю. Белоусов* // НГ. — 2005. — 5–7 декабря.

4. *Болдов О.Н.* Ресурсный потенциал социальной сферы в 90-е гг. / *О.Н. Болдов, В.Н. Иванов, Б.Ф. Розенфельд, А.В. Суворов* / Проблемы прогнозирования. — 2002. — С. 102–108.

5. *Бочаров М.* Россия времен избыточной смерти / *М. Бочаров* // НГ. — 2002. — 1–3 июля. — С. 14.

6. *Вальтух К.К.* Теоремы невозможности: практическая проверка, выводы / *К.К. Вальтух* // Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. — Новосибирск, 1994. — Ч. 2. — С. 62–67.

7. Вишневский Б. «Шок без терапии» / Б. Вишневский // Российская федерация сегодня. — 2002. — № 1. — С. 30–32.
8. Гайдар Е.Т. Беседы с избирателями / Е.Т. Гайдар. — М.: Евразия, 1995.
9. Герасименко Н. Власть и здоровье нации (что ожидает Россию в XXI веке) / Н. Герасименко. — М.: Нива России, 1997. — 48 с.
10. Годзинский А. О технологии трансформации экономики России: доклад / А. Годзинский // НГ. — 2003. — № 37. — 26–28 мая. — С. 2–3.
11. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 416 с.
12. Диагностика российской коррупции: социологический анализ: Доклад фонда ИНДЕМ // <http://www.anti-corr.ru/awbreport/index/html>.
13. Долгова А.И. Криминальная ситуация и реформы в России / А.И. Долгова // Российские реформы: социальные аспекты. — М., 1998.
14. Ермаков С.П. Общие тенденции, региональные особенности и долгосрочный прогноз последствий депопуляции в России / С.П. Ермаков // Демографические проблемы и семейная политика: региональные проблемы. — М., 1999. — С. 27–29.
15. Задачи по достижению здоровья для всех. Политика здравоохранения для Европы / ВОЗ. — М., 1993.
16. Иванов В.Н. Проблемы охраны здоровья населения России / В.Н. Иванов, А.В. Суворов // Проблемы прогнозирования. — 2003. — № 3. — С. 199–219.
17. Исправников В. Триумфальное шествие криминала / В. Исправников // АиФ. — 1996. — № 30. — август.
18. К социально-экономической оценке прогноза на 2003 г.: Науч. доклад ИСЭПН РАН / Под рук. д.э.н. Н.М. Римашевской. — М., 2001.
19. Кагарлицкий Б. Переход прогноза в диагноз / Б. Кагарлицкий // НГ. — 2000. — 12–15 октября.
20. Калашников А. Богатеть или обогащаться? / А. Калашников // Трибуна. — 2000. — 4 мая.
21. Калашников С. Жить на такую зарплату нельзя / С. Калашников // КП. — 2000. — 1 апреля. — С. 6.

22. *Корягина Т.* Криминальный бунт / Т. Корягина // Трибуна. — 2000. — 28 сентября.
23. *Косалс Л.* 02 — телефон недоверия? / Л. Косалс // НГ. — 2003. — 7–9 апреля.
24. *Косалс Л.* Милиция и рынок в постсоветской России / Л. Косалс. — М., 2003.
25. *Леви Л.* Народонаселение, окружающая среда и качество жизни: пер. с англ. / Л. Леви, Л. Андерсон. — М.: Экономика, 1979. — 142 с.
26. *Лунеев В.В.* В стране нет ничего организованного, кроме преступности / В.В. Лунеев // НГ. — 2003. — 14–16 июля. — № 50.
27. *Львов Д.С.* Научный доклад на заседании Президиума РАН 12.02.2002. / Д.С. Львов. — М.: ЦЭМИ, 2002.
28. *Львов Д.С.* Экономическая наука и развитие России / Д.С. Львов // Вестник РАН. — 1999. — Т. 69, № 8. — С. 722–742.
29. *Львов Д.* Деньги — вперед! Антибрежнев и антимонетаризм: экономика не должна быть экономной / Д. Львов // НГ. — 2003. — 10–12 февраля. — С. 17.
30. *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма / С. Меньшиков. — М.: Международные отношения, 2004.
31. *Немцов Б.* Последняя жертва Бориса Немцова (интервью) / Б. Немцов // АиФ. — 2002. — № 51. — Декабрь. — С. 3.
32. Обзор экономики России. Основные тенденции развития. 2002 г. IV: пер. с англ. / Рабочий центр экономич. реформ при правительстве РФ. Рос.-европ. центр экономич. политики. — М., 2002. — 264 с.
33. *Осипов Г.* У последней черты / Г. Осипов // Трибуна. — 1999. — 20 августа.
34. *Пахомов Д.* / Д. Пахомов // АиФ. — 2003. — № 24. — Июнь. — С. 8.
35. Преступность, статистика, закон. — М., 1997.
36. *Ракитский Б.В.* Влияние реформ на положение трудящихся / Б.В. Ракитский // Российские реформы: социальные аспекты. — М., 1988.
37. *Римашевская Н.М.* Две России: говорят на разных языках и плохо понимают друг друга / Н.М. Римашевская // Век. — 2002. — 6–12 сентября.
38. *Римашевская Н.М.* Новые бедные / Н.М. Римашевская // Трибуна. — 2002. — 19 ноября.

39. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Н.М. Римашевская // Вестник РАН. — 2004. — Т. 74, № 3. — С. 209–218.
40. Рогов С. Все мы вышли из советской шинели // Трибуна. — 2000. — 30 августа. — С. 3.
41. Российский путь к коррупции: доклад конгресса США / / НГ. — 10 декабря. — 2000. — № 69. — С. 4–5.
42. Российский статистический ежегодник. — М, 2000.
43. Самаруха В.И. Приватизация в России: экономические и социально-психологические причины и последствия / В.И. Самаруха // Экономическая психология в структуре жизненных реалий. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. — С. 125–141.
44. Семенищев С. Приватизация на потоке / С. Семенищев / / Век. — 2002. — № 26.
45. Смык В. Эти удивительные дивиденды / В. Смык // Трибуна. — 2002. — 29 августа.
46. Сорокин К. Ключом по зернышку. Больше не получается / К. Сорокин / Трибуна. — 2002. — 19 марта.
47. Хусаинов Т. Наше поколение снова хочет жить в супердержаве / Т. Хусаинов // КП. — 2001. — 9 ноября. — С. 8–9.
48. Явлинский Г.А. Демодернизация: униженные люди не создадут экономику XXI века / Г.А. Явлинский // НГ. — 2002. — 11–13 ноября.
49. Ahand S. Human Development in Poor Countries: on the Role of Private Incomes and Public Services / S. Ahand, M. Ravallion // Journal of Economic Perspectives. — 1993. — № 7.
50. Human Development Report 2001. — N.Y. — 2001. — P. 141–144.
51. Wilkinson R. Unhealthy societies / R. Wilkinson // The afflictions of inequality. — London, 1996.
52. World Population Prospects. The 2000 Revision. Highlights. Draft. Doc. № ESA/P/WP.165. 28 February 2001. // <http://www.undp.org/popin.html>.

Глава 4

ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ

4.1. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И НА ИХ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Основные статистические показатели, тенденции, изменения медико-демографических процессов и состояния общественного здоровья в стране, в регионах Сибири, происходящие в период проведения неолиберальных реформ, изложены в главах 1 и 2. Здесь мы попытаемся осветить результирующий эффект этих процессов, определить основные причины, их обусловившие, а также показать, как они отражаются и скажутся в дальнейшем на развитии народонаселения.

Существуют разные точки зрения на характер демографических процессов в России и их обусловленность, в том числе среди демографов, организаторов здравоохранения, социологов и других специалистов. Некоторые из этих точек зрения могут показаться весьма спорными (если не сказать больше), но их нельзя не упомянуть, поскольку отдельные авторы, их высказывающие (а, значит, и взгляды последних), пользуются особым доверием и благосклонностью властей, причем на самом высоком уровне. А, как известно, у кого в руках рычаги управления, тот и определяет стратегию и тактику развития страны. Поэтому важно понимать, на каких взглядах, например, на природу и обусловленность демографических процессов, основывается властная элита, принимая (либо не принимая) те или иные судьбоносные решения.

Одну из таких точек зрения, которую мы называем *концепцией «естественного демографического процесса»*, можно

охарактеризовать как «спокойный» (или фаталистский) взгляд на кризисную ситуацию в области общественного здоровья и воспроизводства населения в России. Ее сторонники объясняют наблюдаемые демографические явления главным образом «естественными» причинами, в частности, циклическими последствиями («эхом») наблюдавшихся в прошлом (например, в периоды войн) резких колебаний численности населения («тайминговые сдвиги»), а также процессом демографического перехода, имеющего, якобы, абсолютно одинаковый характер во всех развитых странах, включая Россию. По мнению представителей этой группы специалистов, российские медико-демографические процессы отражают общемировую тенденцию перехода к цивилизованному типу воспроизводства населения.

В аргументации сторонников указанной концепции говорится о том, что страны европейского континента имеют состояние устойчивого динамического равновесия показателей рождаемости и смертности на уровне близких к нулю или слабоотрицательных (слабоположительных) значений естественного прироста населения и что настала очередь России перейти к современному способу воспроизводства населения. И произошло это не по чьей-то злой воле, а в результате созревания в обществе сложного комплекса взаимосвязанных с уровнем научно-технического прогресса явлений, когда началось действие естественной депопуляции, приводящей к устойчивому равновесию популяционных процессов.

Взгляды сторонников вышеуказанной точки зрения в отношении стран Западной Европы во многом справедливы. Но современная демографическая ситуация в России, по нашему мнению, никоим образом не вписывается в концепцию «естественного демографического процесса», и расценивать ее подобным образом принципиально неверно. Такой подход лишь запутывает существо российских проблем. Он неприемлем, поскольку фактически сводит на нет роль фактора социальной политики в его влиянии на медико-демографический статус населения нашей страны, снимает всякую ответственность с представителей власти за обеспечение благоприятного демографического развития общества.

Мы придерживаемся другой точки зрения.

Если посмотреть на диаграммы, характеризующие обобщенно (схематично) динамику основных показателей естественного движения населения в Западной Европе и нашей стране в процессе демографического перехода, то обнаруживаются явные несоответствия и противоречия по поводу сходства и даже идентичности медико-демографических процессов в России и европейских странах (рис. 4.1). Так, если российские тренды рождаемости и смертности действительно имеют конфигурацию крестообразную, то, например, австрийский, шведский и прочие «европейские кресты» на самом деле таковыми вовсе не являются, а представляют собой скорее конфигурацию лежащей на боку буквы игрек латинского алфавита, действительно отражая на современном этапе развития динамическое равновесие и близость друг к другу показателей рождаемости и смертности в европейских странах. Что же касается России, то ни о каком равновесии указанных показателей не может быть и речи.

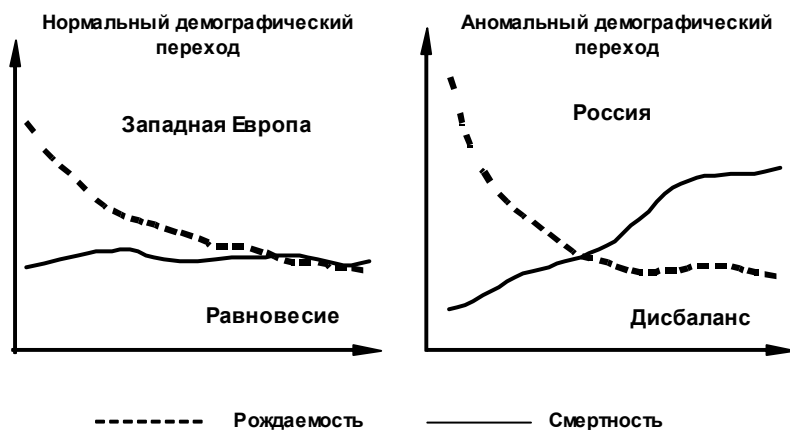

Рис. 4.1. Типы воспроизводства населения.

По нашему мнению и мнению целого ряда авторов [5, 10, 11, 23, 33, 34 и др.], *течение медико-демографических процессов России не является «естественным», а носит характер эпидемии (эпидемического роста) нарушений общественного здоровья* (в постсоветский период).

Первая наиважнейшая, просто-таки «кричащая» демографическая проблема для страны, претендующей на статус цивили-

лизованной, — беспрецедентно высокий для мирного времени уровень смертности. Именно этот фактор в первую очередь обусловил возникновение феномена «избыточной смертности» — суммарного превышения числа умерших над числом родившихся.

Приведем данные о динамике распространенности некоторых медико-демографических показателей, подтверждающие положение об эпидемическом росте частоты нарушений (потерь) общественного здоровья в постсоветский период (на примере Иркутской области).

Ярким примером неестественности и ненормальности медико-демографического процесса является динамика показателей смертности молодежи (15–24 лет) и населения трудоспособного возраста (рис. 4.2).

Важными доказательствами эпидемического роста нарушений общественного здоровья являются динамические изменения интегральных показателей общей заболеваемости (болезненности) детского (0–14 лет) и подросткового (15–17 лет) населения Иркутской области (рис. 4.3). Как видно из этих данных, показатели в 90-е гг. росли в высоком темпе и в начале 2000-х гг. стабилизировались на значениях, соответствующих высокому уровню нарушений здоровья.

Рис. 4.2. Динамика показателей смертности подростков и молодежи, трудоспособного населения в Иркутской области (на 100 тыс. лиц данного контингента).

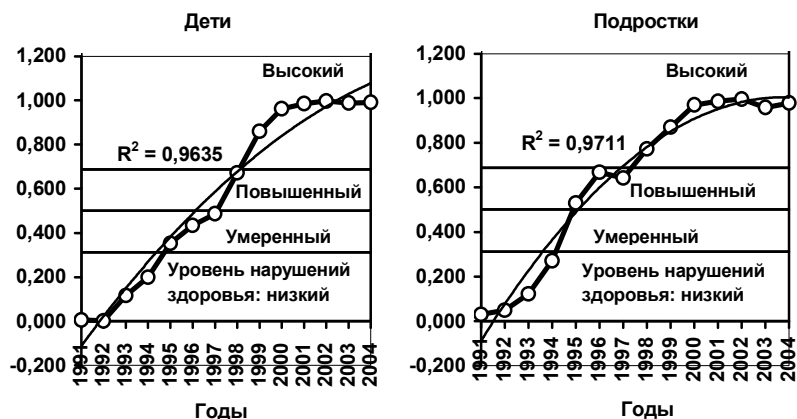

Рис. 4.3. Динамика интегральных показателей заболеваемости детского и подросткового населения Иркутской области (рассчитаны по характеристикам болезненности).

Эпидемическим подъемом характеризовалась также динамика показателей распространенности патологических состояний в период беременности и родов, показателей частоты заболеваний новорожденных детей и нарушений их физического развития (см. главу 1, рис. 1.3, 1.4).

Сторонники концепции естественного демографического процесса считают «естественным», главным образом, такое крайне негативное явление как резкое **снижение рождаемости** населения России. Но и в данном случае с ними нельзя согласиться. Снижение рождаемости оказалось значительно более выраженным, чем, если бы оно происходило в рамках дореформенных тенденций. Мы согласны с теми демографами, которые считают, что на давно развивающийся процесс кризиса семьи наложился фактор социально-экономического кризиса, который в данном случае оказался решающим.

Примечательной особенностью является рост внебрачной рождаемости, происходящий на фоне общего ее падения. Если в 1985 г. в России доля внебрачных рождений равнялась 12 %, то в 1995 г. она поднялась до 21 % и в 1998 г. — до 27 % [13]. Т.е. доля внебрачных рождений превысила даже уровень, которого внебрачная рождаемость достигала в конце Второй мировой войны (24 % в 1945 г.), когда это объяснялось резко нарушенной пропорцией полов.

Согласно оценкам материалов микропереписей, в самом лучшем случае суммарный коэффициент рождаемости в стране может возрасти максимум до 2,03 в расчете на одну брачную пару, что никак не позволит перейти к расширенному воспроизводству населения (для этого необходимо, чтобы средний показатель на семью составлял не менее 2,6) [4].

В реальности же при сохранении существующего характера воспроизводства населения процесс его сокращения будет ускоряться. Если вскоре сложится ситуация «один ребенок в семье» (а к этому мы уже близки), то общее воспроизводство населения через каждые 25 лет (такова длина демографического поколения) будет сокращаться вдвое. Происходит это так. При указанном выше показателе детности у ста женщин-матерей рождается сто детей, из них 50 мальчиков, 50 девочек. Значит, через 25 лет этих сто женщин заменяет лишь пятьдесят! Еще через 25 лет — еще в два раза меньше.

Возникшее в России сочетание сверхнизкой рождаемости и высокой смертности является уникальным и не имеющим аналогов в современном мире. Особенно удручающе выглядит нынешняя демографическая ситуация в России на фоне наиболее развитых стран мира, в которых падение рождаемости не сопровождается ростом смертности и снижением средней ожидаемой продолжительности жизни.

В итоге с 1992 г. в стране в процессе естественного движения населения показатель общей смертности постоянно и существенно превышает показатель рождаемости (рис. 4.4).

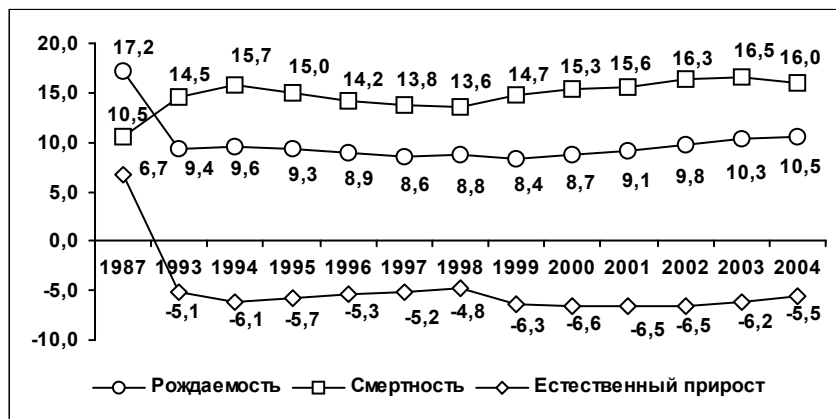

Рис. 4.4. Естественное движение населения Российской Федерации (на 1000 населения).

Вследствие указанных изменений в естественном движении населения начался процесс депопуляции, перспективы выхода из которого весьма проблематичны. За 13 лет (1992–2004) обусловленная избыточной смертностью «естественная убыль» населения составила 10 млн 361,4 тыс. человек (на столько умерло граждан России больше, чем родилось) [40]. Причем не наблюдается тенденции к снижению этого зловещего показателя, скорее наоборот. Если за время президентства Б. Ельцина (1992–1999) среднегодовое превышение смертности над рождаемостью составляло 731,1 тыс. человек, то за пять лет президентства В. Путина (2000–2004) показатель составил уже 902,5 тыс. чел. в год (табл. 4.1).

За 1992–2004 гг. население России сократилось на 4,5 млн. человек. Следовательно, больше половины естественной убыли населения страны было компенсировано миграционным приростом, но в последнее время этот резерв почти исчерпан.

Таблица 4.1

Показатели естественной убыли населения России (тыс. чел.)

1992 г.	–219,8
1993 г.	–737,0
1994 г.	–889,7
1995 г.	–830,1
1996 г.	–786,3
1997 г.	–755,8
1998 г.	–705,5
1999 г.	–924,5
2000 г.	–957,7
2001 г.	–943,2
2002 г.	–934,6
2003 г.	–887,0
2004 г.	–790,1
Всего	–10 361,4

Наглядно характеризуя драматизм сложившейся в России демографической ситуации, И.А. Гундаров ввел понятие «время популационного распада нации», под которым понимается продолжительность периода, в течение которого численность коренного населения сократится в два раза [10]. При нынешнем дефиците естественного воспроизводства для России это время, по расчетам Гундарова, составляет 60–80 лет (для некоторых территорий – Псковской, Нов-

городской, Тверской, Ленинградской областей этот срок вдвое меньше — 25–35 лет). Еще быстрее наступает качественная деформация состава населения из-за резкого увеличения доли инвалидов (перенесших инфаркт или инсульт) и лиц пенсионного возраста.

По сравнению с дореформенными параметрами естественного движения населения в последние годы за счет избыточной смертности и дефицита рождений Россия ежегодно теряет дополнительно около 1,6 млн человек.

В результате резко возросшей смертности Россия превратилась в страну с одной из самых низких величин средней ожидаемой продолжительности жизни: в 1999 г. она занимала по этому показателю 111-е место в мире, а в 2004 г. — 142-е место [15, 42].

Учитывая вышеизложенное, ряд авторов рассматривает сложившуюся в России ситуацию не просто как демографический кризис или даже демографическую деградацию, а характеризует ее как демографическую катастрофу [5, 9, 20, 27].

4.2. ПРИЧИНЫ УХУДШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ, СНИЖЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛОВ НАСЕЛЕНИЯ

Роль фактора социально-экономического неблагополучия

В результате проведенных нами в г. Ангарске Иркутской области социально-гигиенических исследований установлено, что важнейшим фактором риска нарушений здоровья подростков является *низкий уровень жизни значительного числа семей*, обусловленный низкими доходами. К таким семьям относятся малообеспеченные и бедные семьи, в число которых вошли семьи бюджетников (оба родителя), пенсионеров, безработных, неполные семьи и т.д. (47,6 % семей подростков). У подростков из социально неблагополучных семей (с низким уровнем жизни) интегральные характеристики здоровья (показатели физического и полового развития, частота лиц 3 группы здоровья) были достоверно хуже, чем в контрольной группе (обеспеченные семьи) как среди юношей, так и среди девушек (рис. 4.5).

Установлено достоверное влияние социально-экономических факторов риска (доход ниже прожиточного минимума, отсутствие собственного жилья, неполная семья) на развитие па-

тологии беременных (поздний токсикоз, анемия беременных, угроза прерывания беременности), а также патологии новорожденных. У женщин из бюджетной сферы и студенток (имевших самые низкие уровни доходов среди социальных групп) выявлен наиболее высокий риск рождения детей с гипоксическими состояниями, перинатальным поражением нервной системы и задержкой внутриутробного развития (рис. 4.6).

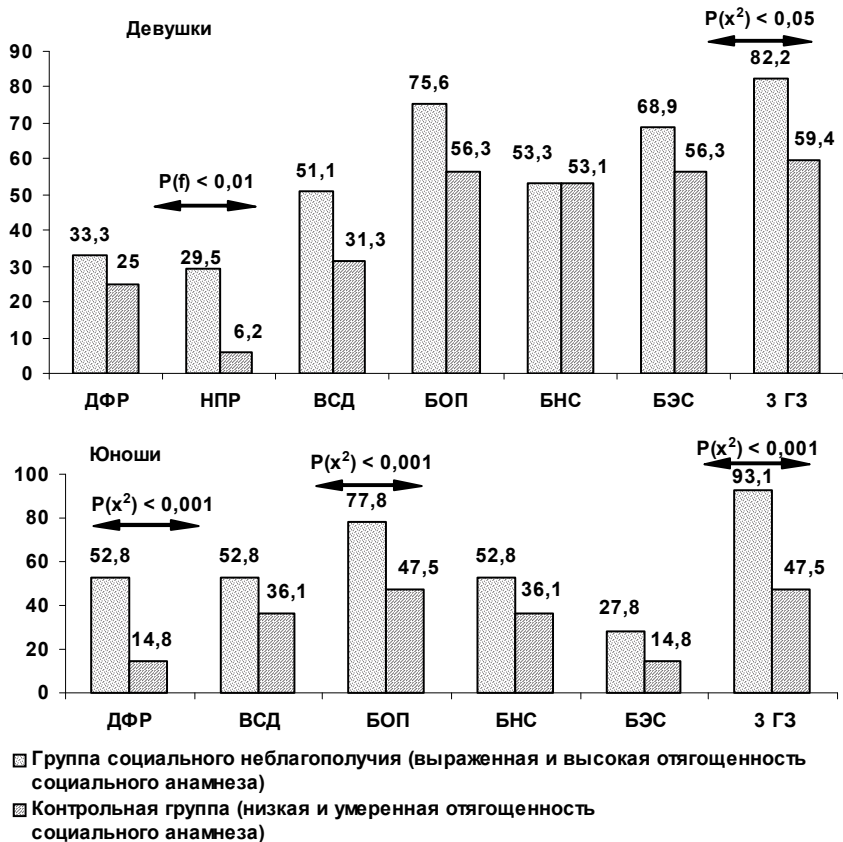

Рис. 4.5. Показатели состояния здоровья и развития подростков в зависимости от уровня социального благополучия (уровня жизни). Показатели частоты лиц: **ДФР** – с дисгармоничным физическим развитием; **НПР** – с нарушениями полового развития; **ВСД** – с вегето-сосудистой дистонией; **БОП** – с болезнями органов пищеварения; **БНС** – с болезнями нервной системы; **БЭС** – с болезнями эндокринной системы; **3 ГЗ** – третьей группы здоровья.

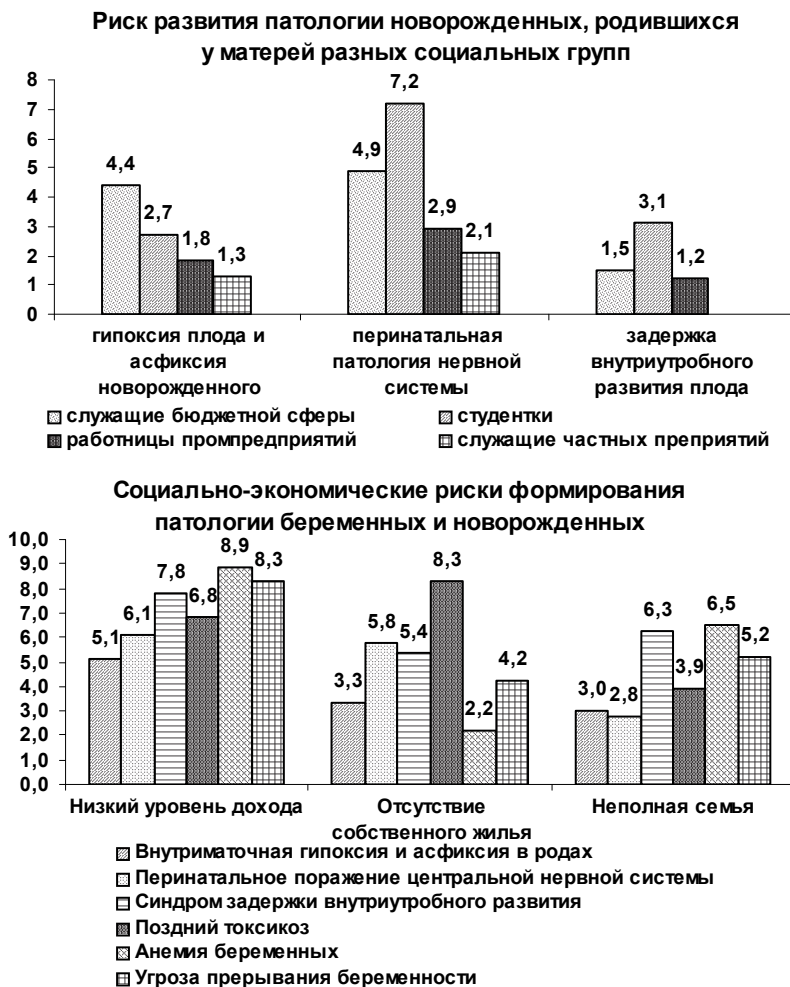

Рис. 4.6. Показатели социально-экономического риска развития патологии беременных и новорожденных (относительный риск).

Психосоциальное неблагополучие общества

Многие исследователи российского демографического кризиса пришли к выводу о том, что ухудшение характеристик здоровья и воспроизводства населения столь велико и многообразно, что его невозможно объяснить одним только падением уровня материаль-

ного благосостояния, т.е. вещественно-материальными факторами жизнедеятельности, при всей огромной их значимости.

Если бы действовали только эти факторы, их влияние в большей степени коснулось бы самых уязвимых групп населения (дети и пожилые). В действительности этого не произошло. Решающий вклад в снижение продолжительности жизни внес рост смертности самой сильной, жизнеспособной, реже всего обращающейся за медицинской помощью части населения, — мужчин в возрасте от 30 до 60 лет, в меньшей степени — женщин в возрасте от 30 до 75 лет [28]. Т.е. главным пострадавшим контингентом оказалось население трудоспособного возраста. При этом обращалось внимание на малую обусловленность роста смертности причинами, связанными с ухудшением питания, жилищных условий и т.п. (инфекционные болезни, болезни органов дыхания и пищеварения), а также очень быстрый темп возрастания смертности. Стремительный рост смертности обусловили, главным образом, неестественные (внешние) причины и болезни системы кровообращения.

Этот феномен стали объяснять сильно возросшим уровнем психосоциального стресса в обществе, что в значительной степени также связывалось с ухудшением экономического положения населения [37, 40]. Так, А.Г. Вишневский с соавторами [28] указывали, что в повышении смертности россиян проявился синдром адаптации (правильнее сказать «синдром дизадаптации», т.е. расстройства, нарушения адаптации. — Я.Л.), и его главными жертвами стали мужчины и женщины в рабочих возрастах, ибо на них легла основная тяжесть активного приспособления к новым экономическим и социальным условиям, главная ответственность за благополучие их семей и связанная с этим огромная психологическая нагрузка.

В условиях обвальной смены социально-экономической модели общества и перехода к новой системе условий и детерминант множество людей, главным образом в трудоактивном возрасте, оказалось подвержено воздействию больших психоэмоциональных нагрузок вследствие резко возросших сложностей социальной и, следовательно, индивидуальной жизни. Коренная ломка всего жизненного уклада, новые социальные ценности и императивы, противоречия общества и личности, межличностные, этнические, производственно-экономические отношения и конфликты достигли драматической остроты.

Максимальное повышение смертности среди мужчин среднего возраста объяснялось тем, что степень стрессированности этого контингента была наибольшей, социальная дизадаптация оказалась особенно болезненной. А.Г. Вишневский с соавторами [6] обращают внимание на то, что для мужчин ценность профессиональной деятельности и статуса, как правило, важнее, чем для женщин. Те из них, кого реформы застали в возрасте от 30 до 50 лет, приближались к пику или находились на пике своей карьеры, которая во многих случаях полностью обесценилась. Связанные с этим сильнейшие психологические стрессы и обусловили во многом возрастание преждевременной смертности.

На очень большую роль фактора психосоциального неблагополучия в ухудшении здоровья и снижении потенциала воспроизводства населения указывает ряд социальных и медико-демографических индикаторов.

Значимость психосоциальных факторов для развития нарушений здоровья беременных и их потомства подтверждают результаты проведенного нами исследования психоэмоционального статуса беременных женщин [26]. Установлено, что низкая психосоциальная адаптация повышает риск развития нарушений родовой деятельности в 13 раз, анемии беременных — в 9 раз. Психосоциальная дизадаптация будущей матери увеличивает риск развития гипоксических состояний плода и новорожденного в 3 раза, перинатального поражения центральной нервной системы — в 6 раз, в том числе неврологических синдромов — в 8 раз (рис. 4.7).

Применительно к социально-экономическим и психосоциальным факторам жизнедеятельности показатели этиологического риска развития различных форм патологии в подавляющем большинстве случаев составляли от 50 до 85 %, что свидетельствует о решающем вкладе данных факторов в формирование нарушений здоровья беременных, рожениц и новорожденных (рис. 4.8).

Каким же образом происходит развитие патологии и повышение смертности при социальном (психоэмоциональном) стрессе? Еще в 80-е гг. экспериментальными исследованиями на лабораторных биологических моделях было установлено, что резкое изменение окружающей обстановки, появление в среде обитания новых для вида, ранее не освоенных им психоэмоциональных раздражителей, вызывает сильнейший стресс, который

всегда сопровождается резким изменением гормонального статуса организма [2].

Рис. 4.7. Показатели относительного риска формирования патологии беременных, рожениц, новорожденных у женщин с низкой психосоциальной адаптацией.

Рис. 4.8. Показатели этиологического риска формирования патологии беременных, рожениц и новорожденных у лиц с низкой психосоциальной адаптацией (доля влияния фактора, %).

Механизм влияния психосоциального неблагополучия (психосоциального стресса) на здоровье и репродуктивную функцию популяции можно представить следующим образом. В од-

них случаях преобладает *психологический компонент*, и это влияет на поведение человека, которое становится главным опосредующим фактором риска. В других случаях превалирует *психосоматический компонент*, патофизиологическая реакция, когда чрезмерный и затяжной стресс снижает сопротивляемость организма и может вызвать развитие характерных патологических изменений [1, 5, 6, 24, 25, 36, 39]. Таким образом могут развиваться ишемическая болезнь сердца, язвенная болезнь желудка, нарушения функций репродуктивной системы, вегетативной нервной системы, эмоциональной сферы, иммунного статуса, невротических и психопатических расстройств, депрессий и других (рис. 4.9).

Следовательно, при воздействии мощного продолжительного стресса в сферу отбора на способность существовать в новых условиях попадают лишь те индивидуумы, которые выдерживают давление нового стрессирующего фактора и измененного гормонального статуса. Остальные элиминируются либо вследствие неадекватности поведения (агрессивность, аутоагрессивность), либо вследствие блокады функции размножения.

По мнению академика В.П. Казначеева [19], славянский суперэтнос (особенно его восточная ветвь) в отличие от многих других этносов Европы, Азии и Америки характеризуется не просто снижением адаптивного статуса, жизнеспособности, но и феноменом исчезновения эволюционного стимула воспроизводства, снижения репродуктивного потенциала. Испытывая сильный и длительный стресс, люди во имя личного выживания отказываются от использования, реализации своего репродуктивного резерва. Он как бы перерабатывается, используется человеком для сохранения его личной индивидуальной жизни. Это может происходить как бессознательно — в виде возникновения бесплодия (психосоматический механизм. — Я.Л.), так и в виде сознательного отказа от деторождения (психолого-поведенческий механизм. — Я.Л.). Количество бесплодных женщин и мужчин растет катастрофически.

По данным ряда исследований, в течение 90-х гг. распространенность бесплодия в России выросла на 200 %; у мужчин концентрация сперматозоидов снизилась до 8–20 млн. на 1 мл семенной жидкости при норме 50–80 млн. Первично бесплодные браки у молодых стали встречаться в ряде регионов у каждой пятой семьи [11].

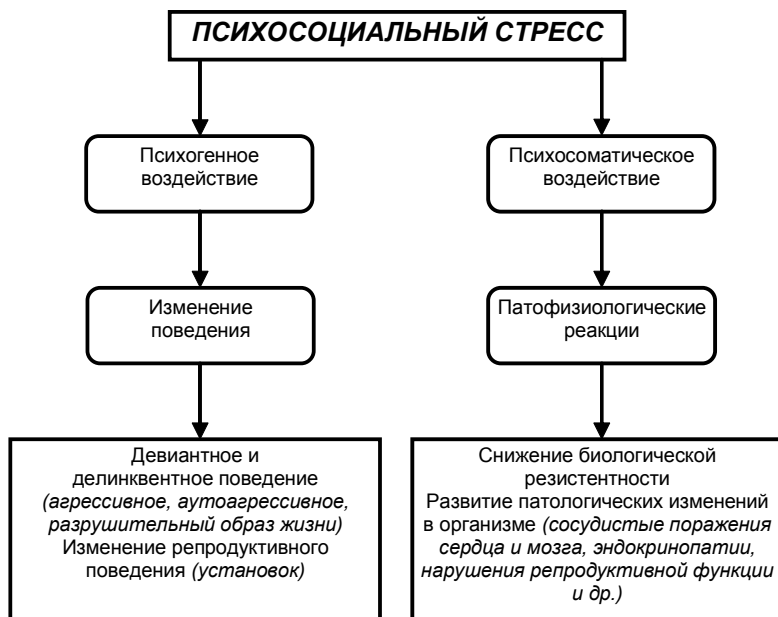

Рис. 4.9. Механизм нарушений здоровья при психосоциальном стрессе.

Однако и влияние психосоциального стресса не объясняет всего наблюдаемого ущерба здоровью населения. Это заставляет предположить, что в ходе неолиберальных реформ наряду со снижением уровня жизни и психосоциальным стрессом на общественное здоровье оказывает негативное влияние еще какой-то серьезный фактор. Ведь даже при значительном распространении стресса не происходит повышения заболеваемости и смертности почти во всех основных классах болезни, а также драматического роста убийств и самоубийств, что оказалось характерным для России в годы реформ и что не отмечалось в странах Запада в годы Великой экономической депрессии 30-х гг. XX в.

И.А. Гундаров пришел к выводу, что дополнительным (а, возможно, и главным) фактором столь трагичных изменений в состоянии здоровья россиян стал морально-психологический, духовно-нравственный кризис [11]. По мнению Гундарова, единственная логика, достаточно точно и адекватно объясняющая драматический взлет смертности, это связь последней с динамикой тех индикаторов, которые человеческой культурой исконно относят к морально-нравственным порокам и грехам: убийствам,

грабежам, внебрачным детям, брошенным родителям, самоубийствам, алкоголизму и т.д. Автор считает, что данное положение убедительно подтверждается при сравнении динамики общей смертности с динамикой духовного неблагополучия, которое он предлагает оценивать по уровню социальной депрессии, определяемой через показатель самоубийств. По оценке И.А. Гундарова, более 80 % всех причин ускоряющейся смертности в первой половине 90-х гг. пришлось на указанные социально-психологические факторы (рис. 4.10).

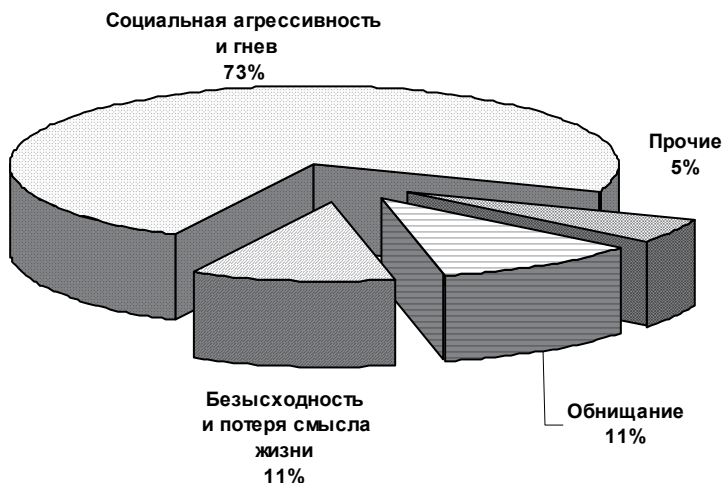

Рис. 4.10. Вклад различных причин в увеличение общей смертности 1990–1996 г. (по И.А. Гундарову).

О специфическом для России факторе кризиса в общественном здоровье несколько по-иному, чем И.А. Гундаров, но в то же время по существу во многом перекликаясь с последним, говорит академик РАМН Б.Т. Величковский [5]. Указанный фактор является, по мнению Б.Т. Величковского, нарушением «динамического стереотипа высшей нервной деятельности». Динамический стереотип (ДС) описан И.П. Павловым как форма высшей нервной деятельности, обеспечивающая устойчивое и экономное функционирование организма в стабильных условиях жизнедеятельности [30]. Для ДС не важен конкретный внешний раздражитель (стимул) как при стрессе, а в качестве побуждающего пускового механизма выступают механизмы памяти. В отличие от стресса, под-

черкивает Б.Т. Величковский, нарушение динамического стереотипа само по себе не мобилизует адаптационных механизмов организма. В обыденной жизни отражением ДС является привычка (для народа это исторически сложившиеся этнокультуральные ценности и национальная психология. — Я.Л.). Когда привычный уклад разрушен и заменен на ментально чуждую систему ценностей, вся жизнь превращается в переделывание своего «Я», в непрерывный психологический конфликт с враждебным окружением.

Еще учениками И.П. Павлова показано, что нарушение ДС вызывает развитие различных патологических процессов, в том числе депрессий и других психических нарушений. У экспериментальных животных с нарушением ДС наблюдали повышенную раннюю смертность [31].

Таким образом, важнейшими индикаторами психосоциального неблагополучия и снижения уровня духовного здоровья общества являются показатели смертности от насильственных причин (убийств) и суицидов. Первые отражают озлобленность, агрессивность; вторые — безысходность и утрату смысла жизни. Считается также, что суммарную величину духовного неблагополучия характеризует уровень общей преступности [11, 20]. Данные, представленные на рисунке (рис. 4.11), свидетельствуют о несомненной взаимосвязи (синхронности) между стремительным увеличением уровня общей преступности в Иркутской области (и, соответственно, уровня психосоциального неблагополучия) и ростом общей смертности.

Очень высокие показатели смертности от суицидов и насильственных причин указывают на большую степень психосоциального неблагополучия населения Иркутской области (рис. 4.12). За 15-летний период наблюдения (1990—2004) наиболее низкие показатели частоты завершенных суицидов (самоубийств с летальным исходом) в Иркутской области отмечались в 1990—1991 гг.: 36,7—37,3 случаев на 100 тыс. человек населения. Эти показатели превышали российский уровень частоты суицидов (26,5 ‰) в 1,4 раза, а так называемый критический уровень частоты суицидов, установленный ВОЗ (20 ‰), в 1,8—1,9 раза.

С началом активного проведения неолиберальных реформ (1992) и, соответственно, радикального изменения социально-экономической ситуации, показатели частоты самоубийств в Иркутской области стали резко возрастать, достигнув миниму-

ма в 1994–1995 гг. (60,5–63,5 ‰), когда они превысили также возросший среднероссийский уровень (42,0 ‰) в 1,6–1,7 раза (т.е. темп роста показателя в области был несколько выше, чем по стране в целом). Критический уровень частоты суицидов в эти же годы был превышен в 3,0–3,2 раза.

В 1996–1998 гг. показатель частоты самоубийств незначительно снизился (55,0–54,0 ‰), оставаясь при этом значительно выше показателей начала 90-х гг. С 1999 г. начался новый рост показателя частоты суицидов, достигший максимума (61,6–62,2 ‰) в 2001–2002 гг., который по своим значениям оказался почти таким же, как в 1994–1995 гг.

Главной причиной возрастания самоубийств в 90-е – 2000-е гг. несомненно, является резкое обострение социально-экономических и психосоциальных проблем населения [5, 11, 14]. Что же касается более высокого уровня самоубийств в Иркутской области, чем в среднем по стране, то это обстоятельство отчасти обусловлено, по мнению Т. Дмитриевой, Б. Положий и других ученых, большей подверженностью суицидальному поведению населения, проживающего в суровых (северных) климатогеографических условиях [14].

Особое значение имеет тот факт, что в последние 15 лет показатели частоты убийств и самоубийств либо находились примерно на одном уровне, либо показатель убийств был выше, иногда значительно (в 1993 г. – на 48,6 %, 1994 г. – на 33,9 %, 2002 г. – на 43,1 %, 2003 г. – на 58,3 %).

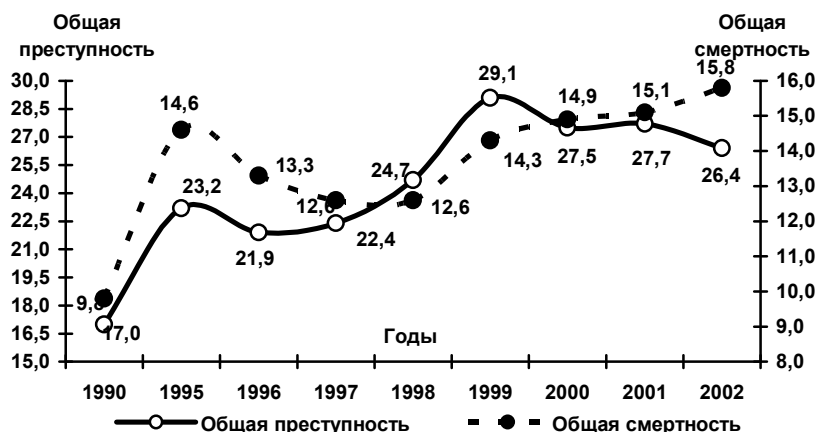

Рис. 4.11. Динамика показателей общей преступности и общей смертности в Иркутской области (на 100000 чел. населения).

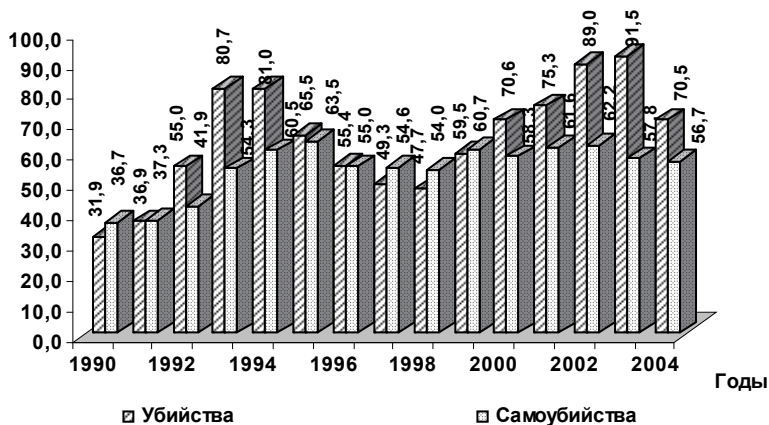

Рис. 4.12. Показатели частоты убийств и самоубийств в Иркутской области (на 100 тыс. человек населения).

Данное обстоятельство абсолютно не характерно для благополучных стран, где обычным (нормальным) считается соотношение, когда показатель смертности от насильственных причин в 5–10 раз ниже показателя частоты суицидов. Все вышеизложенное указывает на очень большую распространенность как состояний психоэмоциональной депрессии, безысходности, утраты жизненных стимулов, так и особенно социальных гетероагрессивных проявлений.

4.3. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Характеризуя человеческий потенциал страны, никак нельзя обойти вниманием такую важнейшую его составляющую как научный кадровый потенциал. Этот компонент оказывает существенное влияние на общий квалификационный потенциал трудовых ресурсов, поскольку наука является наиболее интеллектоемким сектором экономики.

До 1990 г. в СССР существовал мощный научный потенциал: по количеству научных работников (1,2 млн чел.) страна занимала первое место в мире, в то время как США имели 1 млн, Япония – 910 тыс., Германия – 431 тыс., Франция и Великобрита-

тания — по 300 тыс. человек. С тех пор в указанных странах, кроме России, численность специалистов, выполняющих НИОКР, увеличивалась ежегодно на 4–5 %.

Совсем другая ситуация стала складываться в это же время в России, особенно после начала либеральных реформ. В связи с резким, многократным сокращением финансирования научных учреждений, исследовательской тематики и другими негативными моментами начался процесс исхода кадров из науки. Только за 1990–1996 гг. занятость в сфере «Наука и научное обслуживание» уменьшилась более чем на треть. В первом полугодии 1997 г. в организации этой сферы было принято 5,2 % среднесписочной численности работников, а уволилось 9,0 % [7]. Еще большим, чем общие количественные потери, оказался качественный ущерб: по лицам, непосредственно выполняющим НИОКР, т.е. по основному составу научных кадров к 1997 г. произошло двукратное сокращение численности, в том числе по кандидатам наук численность снизилась также вдвое [там же]. В последующие годы процесс исхода кадров из науки продолжался. Приведенные факты свидетельствуют об очень большом снижении человеческого потенциала в российской науке.

В 90-е гг. существенно снизился выпуск аспирантов и докторантов: на 25 % по сравнению с уровнем 1990 г. При этом в конце указанного десятилетия диссертации среди аспирантов защищал только каждый четвертый, а среди докторантов — каждый третий, закончивший обучение [7]. Произошли также возрастно-половые изменения человеческого потенциала в науке, связанные с тем, что в значительно большей степени эту сферу деятельности стали покидать мужчины продуктивного возраста при одновременном снижении доли молодых мужчин, приходящих в науку. Вместе с общим уменьшением численности и постарением научных кадров — все это свидетельствует, что потенциал науки и перспективы его развития находятся под угрозой.

Приведенная информация становится особенно наглядной, если взглянуть на конкретные потери наиболее талантливых научных кадров. Так, воспитанник механико-математического факультета МГУ Владимир Воеводский, ныне работающий в Институте передовых разработок в Принстоне (США), в 2002 г. получил престижную Филдсовскую премию за создание нового способа решения систем математических уравнений. Выпускник

Московского физико-технического института Михаил Лукин в 1996 г. в лаборатории Гарвардского университета США добился выдающихся результатов в области квантовой физики, открывающих возможности для создания принципиально нового квантового компьютера. В настоящее время М. Лукин преподает физику в Гарварде. Физику Максиму Васильеву совместно с группой российских ученых в 2002 г. в швейцарском Центре ядерных исследований удалось разделить атом на кварки — предсказанные теорией наиболее мелкие частицы материи. Из-за материальных трудностей М. Васильев был вынужден уехать из своей страны. В национальной лаборатории в Чикаго, где он сейчас работает, ему предоставлены наилучшие условия для проведения исследований и возможность посещать любые конференции по всему миру [29].

Проблемы научного человеческого потенциала России в высшей степени красноречиво характеризует ситуация в области генетических исследований. В конце 80-х гг. Соединенные Штаты Америки и Советский Союз в заявлении, сделанном выдающимися генетиками Нобелевским лауреатом Джеймсом Уотсоном и академиком Александром Баевым, провозгласили мировую программу «Геном человека». Начало работы по геному человека в 1988 г. в США и СССР было синхронным и одинаково успешным (в то время у нас оно получило очень большую финансовую поддержку, адекватную американской). Но, начиная с 1991 г., в нашей стране по данной программе произошел, по свидетельству академика РАН Льва Киселева, полный обвал финансирования. Программу пришлось сильно сократить, переориентировав ее на более скромные, но тоже важные направления геномики [22]. А в 2002 г. решением министра промышленности, науки и технологии российская национальная программа «Геном человека» была закрыта и прекращена, причем без всяких мотивировок и объяснений. «Все это привело к тому, — считает Л. Киселев, — что сейчас Россия выглядит очень жалко на фоне того невероятного прогресса, который происходит в области генетики человека во всем мире». В 2001 г. президент США Билл Клинтон сделал сенсационное заявление о черновой расшифровке генома человека, а в 2003 г. уже Джордж Буш известил мир о том, что усилиями США, Великобритании, Франции, Германии, Японии и Китая человеческий геном расшифрован пол-

ностью. Как видим, России в числе этих шести стран нет, но даже Китай (!) изыскал средства, чтобы занять достойное место в авангарде биологической науки. Остается лишь добавить, что все меньше остается научных направлений, где Россия еще не выглядит «очень жалко». Надолго ли?

По подсчетам экспертов Комиссии по образованию Совета Европы, суммировавших стоимость рабочих мест и исследовательских программ, которыми российские ученые занимаются за границей, за 10 лет от «утечки умов» Россия потеряла 50 млрд долл. [29].

Однако процесс «утечки умов» из России продолжается. В 2002 г. из России уехали 100 тыс. научных работников. Не зря высказываются опасения, что если отношение к науке будет таким и дальше, то научная база в нашей стране может исчезнуть совсем. По мнению ректора МГУ Виктора Садовничего, остановить этот процесс может скромное повышение ученым средней зарплаты до 500 долл. в месяц [29]. Следовательно, такое весьма умеренное повышение заработка российским ученым примерно в тысячу раз дешевле, чем ныне обходится эмиграция научных кадров.

Каковы же все-таки перспективы сохранения и развития научного потенциала в нашей стране. Как показали события 2003–2005 гг., российские власти не только не пришли к пониманию необходимости преодоления кризисной ситуации в науке, но и продолжают проводить политику, ведущую к углублению этого кризиса. Так в 2003 г. правительственной комиссией по вопросам оптимизации бюджетных расходов под руководством вице-премьера А. Кудрина предлагалось лишить научные организации статуса прямых бюджетополучателей, произвести серьезные сокращения числа государственных научных учреждений и численности работающих, сократить на 20 % количество федеральных целевых программ, сократить процент бесплатно обучающихся студентов...

Теперь несколько слов о том, что собой представляет проект реформирования науки («Концепция участия РФ в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки» (2004), вызревший в недрах возглавляющего ее министерства. Документ предлагает существенно сократить число научных организаций, акционировать их и превратить в акционерные общества, фонды и некоммерческие организации. Исключение составят только «перспективные

организации», «достаточно крупные и финансово устойчивые». В итоге более чем из двух тысяч научных учреждений в России к 2008 г. должны остаться всего 100–200, которые станут основой для научного госсектора» [35].

Помимо этого Правительство РФ намеревалось отменить для государственных научных организаций установленные ранее льготы по налогам на имущество и на землю.

Если попытаться выделить главное из довольно широкого спектра мнений, точек зрения, догадок и домыслов по поводу указанной концепции реформирования науки, выкристаллизовывается несколько наиболее характерных позиций:

- ♦ предлагается имущественно-собственнические отношения в науке привести в соответствие с однозначной ориентацией на рыночную экономику, с приватизацией всего и вся в стране в соответствии с фактически взятым курсом на платную медицину, платное образование, рыночную самоокупаемость науки;

- ♦ снимается противоречие между традиционной для Российской академии наук еще с дореволюционных времен автономностью от государства и выстраиваемой ныне единой властной вертикалью;

- ♦ формулируется цель, выключающая нашу страну из конкуренции на мировом интеллектуальном рынке, в конечном итоге приход к разгрому отечественной науки [35].

Хотя научной общественности удалось все же настоять на необходимости выработки компромиссного варианта «Концепции», о чем пришли к соглашению руководители министерства, РАН и Союза ректоров, имеются резонные опасения, что и сюда чиновникам удастся «продать» многое из негатива, содержащегося в министерском варианте.

На Западе прекрасно понимают значение фундаментальных первооснов для создания новых технологий. Под развитие самых передовых, в том числе информационных технологий там подводится солидная база глубоких, перспективных фундаментальных исследований. Средства для этого берутся и из государственной казны, и у частных инвесторов. Для привлечения последних во многих странах создана эффективная система поощрений. Почему же это не понимают у нас? Почему у богатейшей по ресурсам страны вдруг не оказалось необходимых денег на собственное будущее, на науку?

Форсированная реализация перечисленных выше замыслов власти может нанести Российскому государству непоправимый урон, уничтожить научно-технический потенциал, подорвать обороноспособность, что приведет к неминуемому развалу нашей страны.

Вышесказанное является наглядным примером того, что власть должна быть ответственна перед обществом за правильность принимаемых решений (с позиций национальных интересов) и подотчетна ему в своих действиях.

В мире все больше внимания уделяется исследованию закономерностей социально-экономического и демографического развития стран, выявлению факторов, ускоряющих или тормозящих это развитие, а также установлению адекватных измерителей, индикаторов уровня развития.

Общепризнанным интегральным социально-экономическим индикатором уровня развития страны и общества является показатель средней ожидаемой продолжительности жизни (СОПЖ). Многочисленными исследованиями показано, что продолжительность жизни (а также уровень здоровья) тесно связаны с качеством жизни, уровнем доходов. Снижение СОПЖ и уровня здоровья населения как правило отмечается вслед за спадом экономики [9]. Широкое применение при оценке уровня экономического развития получил такой экономический индикатор как размер валового внутреннего продукта (ВВП) в расчете на душу населения (удельный ВВП). Этот показатель легко измерить, однако, по мнению экспертов, сам по себе он не может считаться всеобъемлющим и достаточно адекватным. Значительно более информативным и точным признается удельный ВВП, исчисленный (скорректированный) в паритетах покупательной способности (ППС). Применение данного индикатора может в 2–5 раз изменить оценку уровня развития стран.

В последние годы для оценки уровня развития стран и качества жизни населения все более активно используется синтетический показатель — индекс развития человеческого потенциала — ИРЧП (или индекс человеческого развития — ИЧР). Этот индекс рассчитывается как среднее геометрическое невзвешенное нескольких субиндексов, включающих подушевой ВВП, среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении, уровень образования взрослого населения и долю учащихся среди детей и молодежи, степень распространения информационно-коммуникационных средств, со-

отнесенных с показателями наиболее развитой страны мира (США) на конец изучаемого периода. Следовательно, ИРЧП суммирует три критерия развития: доходы, долголетие, доступность образования.

Концепция, на базе которой разработан этот индекс, представлена в сжатой форме А. Саградовым (цит. по [15, 20]) в виде пяти положений:

- развитие человека обусловлено широтой человеческого выбора и достигнутым уровнем благосостояния;
- благосостояние оценивается по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной;
- человеческое развитие зависит от удовлетворения трех потребностей: в долгой здоровой жизни, в знаниях, материальном благосостоянии;
- доход рассматривается как средство, расширяющее свободу выбора и увеличивающее число вариантов для достижения выбранной цели;
- для обеспечения достойной жизни не нужен бесконечно высокий доход, позитивное воздействие последнего на человеческое развитие ослабевает по мере его роста.

Индекс развития человеческого потенциала позволяет ранжировать страны и регионы на основе сравнения фактического состояния с наилучшими и наихудшими показателями. Величина ИРЧП может изменяться в диапазоне от 0 до 1. Чем ближе показатель к единице, тем выше уровень развития. Страны, в которых значение ИРЧП равно или больше 0,800, относятся к странам с высоким уровнем развития. К странам со средним уровнем относятся те, где ИРЧП находится в пределах от 0,500 до 0,799. В группу с низким уровнем развития входят государства с величиной индекса, меньше, чем 0,500.

Приведем данные докладов ООН о развитии человека на конец 90-х — начало 2000-х гг., где представлены рейтинги (места, занимаемые в мировой иерархии) некоторых стран по индексу развития человеческого потенциала (табл. 4.2).

Как следует из докладов ООН, по индексу развития возглавляют список стран традиционно из года в год Норвегия, Швеция, Канада. В первую десятку стран входили в конце 90-х гг. также США, Австралия, Бельгия, Япония, Нидерланды, Великобритания. Весьма близки к последним были страны второй десятки: Финляндия, Франция, Швейцария, Германия и некоторые другие.

Таблица 4.2

Рейтинги некоторых стран мира по индексу развития человеческого потенциала

	Место, занимаемое по ИРЧП		
	1998 г.	2001 г.	2002 г.
Норвегия	2	1	1
Швеция	6	4	2
Канада	1	3	3
США	3	6	6
Австралия	4	...	...
Бельгия	7	...	...
Япония	9	...	...
Великобритания	10	...	...
Финляндия	11	...	...
Германия	14	...	...
Франция	12	...	...
Швейцария	13	...	...
Израиль	23	...	...
Эстония	...	44	42
Литва	...	47	49
Белоруссия	57	53	56
Россия	62	55	60
Армения	...	72	76
Украина	78	74	80
Грузия	...	76	81
Киргизия	...	92	102
Молдавия	...	98	105
Гондурас	...	107	116
Сьерра-Леоне	174	162	173

В России в первой половине 90-х гг. в результате значительного падения уровня жизни, сокращения средней ожидаемой продолжительности жизни индекс человеческого развития снизился на 20 пунктов и более [20]. С некоторыми колебаниями это состояние и ранговое место России по показателю ИРЧП

продолжает сохраняться, что фактически говорит об отсутствии прогресса. В 2001 и 2002 гг. страна по рейтингу развития занимала соответственно 55 и 60 места.

Связь между богатством общества, его доходами и развитием человеческого потенциала не является абсолютно прямой. В конце 90-х гг. в 77 из 174 стран рейтинг по уровню среднедушевого ВВП (с учетом ППС) был выше рейтинга по ИРЧП, причем в таких богатых государствах как Бруней, Кувейт, Катар, Саудовская Аравия, Люксембург — превышение составляло 10 пунктов и более [20]. Считается, что такие страны недостаточно используют достижения своей экономики на социальное развитие нации. В странах же, где государство проводит активную и справедливую социальную политику, рейтинги подушевого ВВП и ИРЧП близки.

С точки зрения эффективности и прогрессивности социальной политики, наибольшее значение имеет не столько величина дохода, получаемого обществом, сколько характер распределения результатов экономического роста в интересах развития нации.

В 90-е гг. рейтинг России по ИРЧП был выше рейтинга по удельному ВВП, причем за счет уровня образования, в остальном ситуация явно ухудшилась. По индексу уровня образования населения страна была близка к развитым странам, а вот значения двух других индексов были на уровне развивающихся государств [20]. Следует иметь в виду, что высокий показатель образованности российского общества, который как-то сдерживает от еще большего падения уровень человеческого развития, является целиком достижением советского (социалистического) периода. Возможно, «виной» устойчивости показателя образованности является довольно большая инерционность, консервативность системы образования, которую даже нашим либеральным реформаторам оказалось не под силу столь же быстро и радикально развалить как все остальное.

По данным Центра демографии и экологии человека института народнохозяйственного прогнозирования РАН [18], в 90-е гг. в России наряду со снижением общего уровня человеческого развития возросла региональная дифференциация и разбалансированность по ИРЧП.

Распределение некоторых российских регионов по ранговым местам в зависимости от показателя развития человеческого потенциала в конце 90-х гг. представлено в таблице 4.3.

Таблица 4.3
Индекс развития человеческого потенциала по некоторым регионам РФ за 2001 г. [15]

Регионы	ВРП на душу населения, в долт. поППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Полнота охвата обучением, в %	Индекс образованности	ИРЧП	Место в России
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Россия	7438	0,719	65,29	0,672	69,8	0,893	0,761	
Москва	17454	0,862	67,4	0,707	100,8	0,998	0,855	1
Тюменская обл.	30470	0,955	66,73	0,696	69,3	0,892	0,847	2
Республика Татарстан	9812	0,765	67,63	0,711	72	0,9	0,792	3
Санкт-Петербург	7015	0,709	66,19	0,687	85,9	0,952	0,783	4
Томская обл.	8246	0,736	65,46	0,675	77,2	0,917	0,776	5
Самарская обл.	8551	0,742	64,73	0,662	71,7	0,9	0,768	7
Республика Саха-Якутия	9017	0,751	64,37	0,656	69,2	0,891	0,766	8
Красноярский край	10278	0,773	63,34	0,639	65,8	0,879	0,764	10
Белгородская обл.	6153	0,688	67,38	0,706	70,5	0,892	0,762	12
Пермская обл.	8732	0,746	63,85	0,648	65,7	0,878	0,757	15
Нижегородская обл.	7290	0,716	64,92	0,665	67,4	0,884	0,755	18
Новосибирская обл.	5079	0,656	66,26	0,688	73,5	0,904	0,749	25
Хабаровский край	6847	0,705	63,02	0,634	73,3	0,908	0,749	26
Московская обл.	5288	0,662	64,77	0,663	74,5	0,912	0,746	27
Омская обл.	4950	0,651	66,65	0,694	67,4	0,883	0,743	30

Индекс развития человеческого потенциала по некоторым регионам РФ за 2001 г. [15]

Таблица 4.3 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Саратовская обл.	4975	0,652	65,42	0,674	70,6	0,897	0,741	34
Магаданская обл.	5867	0,68	65,06	0,668	56,5	0,852	0,733	41
Алтайский край	4350	0,63	66,3	0,688	65,2	0,872	0,73	46
Иркутская обл.	6122	0,687	61,82	0,614	66,3	0,882	0,727	51
Кемеровская обл.	5300	0,663	62,77	0,63	65,1	0,876	0,723	59
Республика Хакасия	4775	0,645	63,57	0,643	66,6	0,881	0,723	60
Ленинградская обл.	6914	0,707	61,99	0,617	53,9	0,843	0,722	61
Камчатская область	4469	0,634	63,79	0,647	66,3	0,886	0,722	62
Приморский край	3584	0,597	64,37	0,656	67,8	0,889	0,714	66
Амурская обл.	4793	0,646	62,43	0,624	62,8	0,871	0,714	67
Республика Алтай	4112	0,62	62,37	0,623	67,8	0,881	0,708	69
Республика Бурятия	4014	0,616	62,47	0,625	63,2	0,869	0,703	74
Ивановская обл.	2694	0,55	63,18	0,636	69,6	0,894	0,693	75
Читинская обл.	3532	0,595	61,48	0,608	59,5	0,857	0,687	78
Республика Тыва	2244	0,519	56,48	0,525	64,6	0,876	0,640	79

Предметом рассмотрения в настоящей книге являются современные проблемы медико-демографического и социально-демографического развития России, особенно ее сибирских регионов. Поэтому очень важно выбрать для соответствующего анализа наиболее адекватные и точные критерии оценки, особенно те из них, что могут выступать в качестве интегральных индикаторов состояния изучаемого объекта. В таком контексте представляется необходимым рассмотреть значимость и пригодность индекса развития человеческого потенциала, который широко используется в мировой практике, особенно в международных докладах по человеческому развитию, где он рассматривается в качестве интегрального индикатора социального развития, т.е. как критерий гармоничности развития общества.

Однако проведенный нами анализ указывает на существенные недостатки и ограниченность данного показателя для интегральной оценки социально-демографической ситуации в регионах России. Частные составляющие данного индекса таковы, что они характеризуют главным образом материальную сторону качества жизни, причем в очень усредненном виде. Это прежде всего такой показатель как валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения (в регионах — валовой региональный продукт).

Да и такой санитарный показатель как средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении сильно зависит от младенческой смертности, определяемой прежде всего экономическим положением страны и уровнем развития здравоохранения. В России же такое явление как сверхсмертность наблюдается среди населения трудоспособного возраста и обусловлено преимущественно психосоциальным неблагополучием. Поэтому можно согласиться с И.А. Гундаровым, который считает, что ИРЧП не является достаточным индикатором для характеристики гармоничности развития общества, а отражает лишь материальные условия бытия; в нем нет главного — оценки благополучия (психосоциального. — Я.Л.), включающего удовлетворенность собой и условиями жизни [9].

Если вернуться к такому компоненту ИРЧП как подушевой ВРП, то и он, по нашему мнению, не является адекватным критерием сравнительной оценки социально-экономической и демографической ситуации в регионах России, резко различающихся

по природно-климатическим условиям. Это становится уже достаточно очевидным при проведении несложного анализа.

На диаграмме (рис. 4.13) приведены показатели бюджетной обеспеченности в расчете на одного жителя и показатели средней ожидаемой продолжительности жизни в некоторых европейских и сибирских регионах России в 2003–2004 гг. Из этих материалов следует, что бюджетные расходы на 1 человека в депрессивных (социально и демографически) областях Сибири: Бурятии, Читинской и Иркутской областях (13–14 тыс. руб.) — лишь немного выше, чем в таком благодатном по природно-климатическим условиям регионе как Краснодарский край (10,2 тыс. руб.) и существенно ниже, чем в Татарстане (20,0 тыс. руб.), Липецкой области (18,2 тыс. руб.). И это при том, что затраты на производство единицы (процента) валового регионального продукта (ВРП), или на производство «единицы комфорта» в Сибири значительно (в несколько раз) больше, чем в европейских регионах, особенно на юге России. В.П. Казначеев с соавторами [21] указывают, что стоимость человеко-часа здоровой жизни в Сибири, ее северных регионах относительно средней полосы Запада увеличивается в 3–4 и даже 5 раз. Материальные вознаграждения за труд сибиряков лишь немного превышают оплату труда на средних широтах, в то время как затраты на воспроизводство рабочей силы здесь должны быть, как минимум, в три раза выше.

Следовательно, большинство сибирских регионов (особенно Восточной Сибири) находится в крайне неравном, даже дискриминационном экономическом положении по сравнению с регионами средней полосы и юга европейской части России. То, что происходит сейчас в Сибири, — это по сути безудержное «человекопотребление», компенсируемое из рук вон плохо. Отсюда и высокая смертность, и малодетность, и растущая эмиграция. В полном соответствии с экономическим положением находятся показатели средней ожидаемой продолжительности жизни на территориях Байкальского региона (в Бурятии, Иркутской и Читинской областях) они составляли 61,5–62,5 года, т.е. были ниже показателей республики Татарстан, Краснодарского и Ставропольского краев на 4,5–5,3 года. Весьма красноречивым аргументом в пользу вышесказанного являются экономические и демографические показатели самого благополучного региона Сибири —

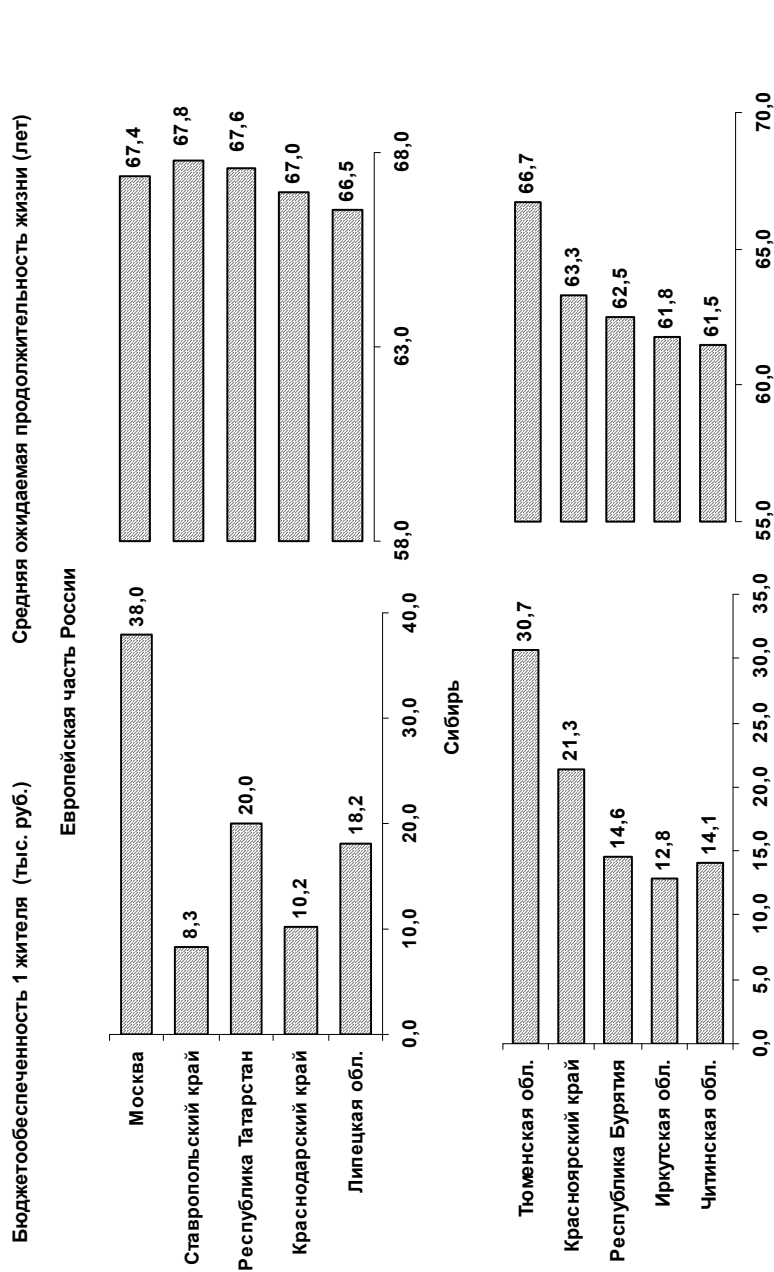

Рис. 4.13. Показатели бюджетной обеспеченности в расчете на 1 жителя и средней ожидаемой продолжительности жизни в регионах Сибири и Европейской части России.

Тюменской области, где показатель удельной бюджетной обеспеченности ровно в три раза превышал показатель Краснодарского края, что и требуется по критериям экономического равноправия. Данная закономерность подтверждается сходством показателей средней ожидаемой продолжительности жизни в этих регионах: 66,7 и 67,0 лет соответственно.

Последствия депопуляции и снижения уровня здоровья

Весь трагизм и фатальная для судеб России роль современной демографической ситуации обусловлены демографическими, экономическими, социальными, геополитическими и другими последствиями, которые несут с собой депопуляция и снижение уровня общественного здоровья.

Демографические последствия. Если прибегнуть к прямолинейным формулировкам, отбросив всевозможные эвфемизмы, то можно сказать, что в демографическом аспекте депопуляция означает самоуничтожение (самоубийство) населения, исчезновение нации и ее культуры [27].

Используя выражение Жака Ширака, некогда примененное им в отношении Европы, можно сказать, что Россия «демографически исчезает». Особенно это касается Севера европейской части России, Сибири и Дальнего Востока. Если ситуация существенно не улучшится (чему пока не видно никаких предпосылок), то по историческим меркам ждать полного демографического исчезновения российского этноса не так уж и долго — 100—150 лет.

Экономические последствия. На современном этапе развития земной цивилизации сформировалось и получает широкое признание представление о том, что наибольшей ценностью любого общества страны являются люди. Следовательно, главным (конечным) критерием экономического и социального прогресса должно выступать развитие творческого потенциала человека, удовлетворение его потребностей.

Одним из последних и важнейших достижений мировой экономической науки явилось создание концепции (теории) человеческого капитала, ставящей человека как производителя и потребителя в центр социально-экономической системы. Под человеческим капиталом понимается сформированный в результате инвестиций и накопленный людьми определенный запас здоро-

вья, знаний, навыков, мотиваций, которые содействуют повышению эффективности производства и росту доходов, благосостояния общества [17]. По указанной концепции в современных условиях именно человеческий капитал, а не заводы, оборудование и производственные запасы является краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности. Причем наиболее важными, значимыми составляющими человеческого капитала являются здоровье и образование.

Если подходить к проблеме не с позиций сиюминутной выгоды, игнорирующей совершенно социальные издержки и последствия (что стало чуть ли не аксиомой в сфере бизнеса, причем не только теневого), а с позиций общенациональных интересов и перспективы долговременного развития страны, то следует рассматривать здоровье и образование (человеческий капитал) в качестве важнейшего экономического ресурса. По словам доктора экономических наук В.Д. Белкина, наряду с природными ресурсами человеческий капитал пока что и есть крупный потенциал нашей страны, потому что мощной и все прочие потенциалы находятся в полном запустении [38].

Таким образом, экономическим последствием депопуляции и снижения уровня здоровья в России является не просто абсолютное сокращение рабочей силы, которую общество может вовлечь в производство и экономическую активность вообще. Масштабы общего ущерба (социального и экономического) особенно велики именно вследствие огромных потерь человеческого капитала, поскольку эпидемией преждевременной смертности поражена высокообразованная человеческая популяция, обладающая большими интеллектуальными и культурно-образовательными ресурсами.

Социальные последствия. Данные последствия многообразны и становятся ощутимыми довольно быстро. Например, старение населения выдвигает все возрастающие требования к социальному обеспечению и медицинскому обслуживанию лиц пожилого и преклонного возраста. Увеличение доли последних на фоне сокращающейся абсолютно и относительно численности экономически активного населения ведет к росту демографической нагрузки неработающих, требует изыскания все большего объема средств для системы пенсионного обеспечения. Пока-

зательно, что в Японии — стране, с несравнимо более высоким, чем у нас уровнем жизни, правительство было вынуждено, в связи со сверхнизкой рождаемостью, увеличить пенсионный возраст до 65 лет (правда, продолжительность жизни японцев больше на 15 лет по сравнению с россиянами).

К социальным последствиям депопуляции и сверхнизкой рождаемости относят инфантилизацию подрастающего поколения. Обычная в малодетных семьях гиперопека над детьми ведет к тому, что воспитывается эгоцентрическая, социально некомпетентная личность, замкнутая только на собственных интересах, не обладающая чувством ответственности, не способная к самостоятельному принятию решений и их реализации [3].

Считается, что депопулирующим странам свойственно нарастание разрыва и отчуждения между поколениями, разрыв межпоколенной солидарности. Разрыв межпоколенной солидарности означает одиночество и депривацию стариков. С другой стороны, образуется, по словам И.В. Бестужева-Лады, малодетная «антикультура, зверино враждебная господствующей культуре взрослых» и безжалостная к ним [3].

По мнению В.М. Медкова [27], в направлении разрыва естественных связей между поколениями действует и переход от солидарной пенсионной системы к накопительной. «Реализация благого замысла — поставить размер пенсии в зависимость от личных усилий и достижений человека — может привести к тому, — считает автор, — что остатки экономических связей, пока еще соединяющих поколения друг с другом при солидарной пенсионной системе (взрослые трудоспособные содержат детей и стариков, как бы давая первым в долг и возвращая свой долг старикам), окончательно порвутся, и в итоге рухнет еще одна (и, может быть, последняя) опора общественной солидарности и общества в целом».

Медико-биологические последствия. Депопуляция и снижение рождаемости влекут за собой негативные последствия для здоровья нации. В результате преобладания доли первенцев среди родившихся происходит ухудшение психобиологических характеристик населения, поскольку первенцы имеют менее благоприятные показатели здоровья по сравнению с детьми последующих очередностей. Кроме того, высокая доля первенцев обуславливает и увеличение сдвига в соотношении полов (т.е. соотношении маль-

чиков и девочек среди родившихся живыми) [27]. Все эти изменения могут стать дополнительными факторами роста смертности и снижения ожидаемой продолжительности жизни.

Чем грозит продолжение медико-демографического кризиса и сохранение его причин

Для России, как ни для какой другой страны мира, совершенно особое геополитическое значение имеет проблема численности населения. Обусловлено это огромными размерами ее территории, где плотность населения весьма невысокая — 8,5 чел. на км². Среди крупнейших держав этот показатель является самым низким. Он ниже показателей США — в 3 раза, Западной Европы — в 17 раз, Китая — в 15 раз, Индии — в 34 раза, Японии — в 38 раз (рис. 4.14).

Если же обратить внимание на азиатскую территорию России, с плотностью населения 2,5 чел. на км², то отличие становится просто разительным. Оптимальной же плотностью населения при его современной технической, культурной и экономической базе считается показатель 20–25 чел. на км² [19]. Лишь при такой заселенности человеческое сообщество может обустроить свою зону обитания, обеспечить себя сырьевой базой, промышленностью, энергетикой и культурой.

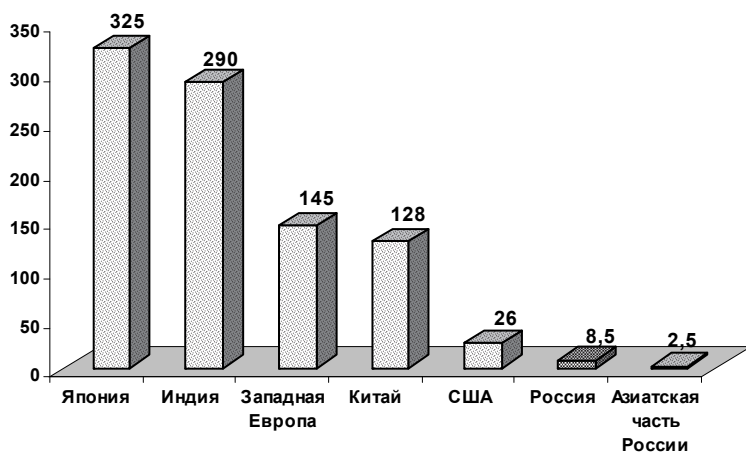

Рис. 4.14. Плотность населения в России и странах мира (количество человек на кв. километр территории).

Если же плотность населения опускается до цифры ниже 2-х чел. на км², то, согласно расчетам мировых центров, такое количество народонаселения не может обеспечить обустройство страны [там же].

Практически все демографические прогнозы для России показывают удручающую картину. По умеренному прогнозу ООН 2000 г. (в варианте средней рождаемости), к 2050 г. население России сократится примерно до 105–107 млн чел. Согласно прогнозу С.П. Ермакова, численность населения России уже в 2040 г. будет составлять 107,7 млн чел. Американский демограф Фишбург считает, что к середине XXI в. россиян будет 75–100 млн, т.е. сто миллионов в лучшем случае. По недавно сделанным прогнозам Всемирного банка, уже не к середине XXI в., а в 2030 г. численность населения России может снизиться до 100 с небольшим млн. человек. С.П. Ермаков вполне резонно утверждает, что подобные обстоятельства «могут расцениваться как геополитическая, экономическая и социальная катастрофа».

С позиций виктимологии — науки о жертвах — определенные свойства страны делают ее притягательной для агрессора. Степень притязания соседних государств на территорию страны возрастает по мере ее обезлюдения. И.А. Гундаров считает, что Россия станет такой жертвой, если численность ее населения сократится в два раза [9]. За 13 лет, прошедших между последней и предпоследней переписями населения, с карты России исчезли 11 тыс. сел и 290 городов. Еще 13 тыс. деревень — почти каждая десятая — остались без жителей. Они только числятся. Вычеркнуть их из реестров населенных пунктов не дает только то, что там кто-то остался прописан. В последние годы вследствие естественной убыли население России каждые сутки уменьшается на 2–3 тыс. чел., что равносильно исчезновению 2–3 деревень в день. В год — по губернии, размером с Псковскую или Новгородскую.

В мире высокий уровень рождаемости продолжает сохраняться в традиционных обществах (Бразилия, Индия и др.) или в странах с четкой консолидирующей идеологией и национальной идеей (США, Китай). Между тем особенностью традиционного российского общества являлся высокий уровень плодovitости семей, на протяжении веков (вплоть до середины XX в.) заметно превышавший уровень плодovitости любого другого

европейского этноса [23]. В 1897 г. показатели рождаемости в 50-ти европейских губерниях России были самыми высокими в мире. На каждую женщину детородного возраста приходилось около 8 детей (в традиционном обществе был культ семьи, а аборт считался грехом) [там же]. Это еще один аргумент против того, что наблюдаемое резкое сокращение воспроизводства населения до уровня, более низкого, чем в европейских странах, является «естественным демографическим процессом (переходом)».

Ситуация в Сибири (демографическая, социальная, экономическая) становится все более тяжелой.

Вследствие очень высокого уровня смертности и низкого уровня рождаемости в Сибирском федеральном округе идет устойчивая убыль населения (табл. 4.4). Наибольшие потери населения за счет естественной убыли наблюдались в Кемеровской области (7,8 ‰), наименьшие — в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе (0,3 ‰). Стабильная тенденция убыли населения сохраняется в Алтайском и Красноярском краях, Иркутской, Новосибирской, Омской, Читинской областях. В то же время в национальных округах: Агинском Бурятском, Таймырском, Эвенкийском, а также республиках Алтай и Тыва отмечался естественный прирост населения.

В Иркутской области естественная убыль населения составляла в 1993–2004 гг. — в среднем 10 240 чел. в год. Всего же с учетом миграционного оттока численность населения области сократилась за 1993–2004 гг. на 255 703 чел.

За 1989–2004 гг. население Сибирского федерального округа сократилось на 1,3 млн чел., в том числе за счет превышения числа умерших над числом родившихся — на 811 тыс. чел. (62 %); в результате миграционного оттока населения — на 496 тыс. чел. (38 %).

Согласно разработанным Госкомстатом РФ демографическим прогнозам (исходящим из сохранения существующих деструктивных тенденций в экономике, социальной и демографической сферах) численность населения Сибири, составившая в 2005 г. около 23,1 млн, снизится к 2015 г. до 22,3 млн, к 2020 г. — до 21,9 млн, к 2025 г. — до 21,6 млн (рис. 4.15).

По данным социологических опросов, 8 из 10 молодых людей хотели бы переехать из Сибири в европейскую часть страны, и это вполне объяснимо, ведь практически в сибирском регионе не развивается инфраструктура, не прибавляется новых дорог,

Таблица 4.4
Естественный прирост, убыль (–) населения в России и по регионам Сибирского федерального округа (человек)

	2000	2001	2002	2003	2004
Российская Федерация	–958532	–943252	–935305	–888525	–792925
Сибирский федеральный округ	–100679	–97269	–97850	–93968	–84317
Республика Алтай	262	163	191	219	498
Республика Бурятия	–1501	–2180	–1574	–1879	–1469
Республика Тыва	701	827	1151	1643	2037
Республика Хакасия	–2470	–2985	–3162	–3243	–2310
Алтайский край	–13139	–13420	–14139	–13167	–12841
Красноярский край	–16345	–13771	–13669	–13840	–11515
в том числе Таймырский АО	22	124	211	239	292
Эвенкийский АО	28	40	26	59	49
Иркутская область	–12767	–11955	–12244	–11805	–10539
в том числе Усть-Ордынский Бурятский АО	–72	19	7	–37	–116
Кемеровская область	–22596	–21906	–22165	–22425	–20692
Новосибирская область	–15384	–14520	–14446	–13190	–12142
Омская область	–10350	–10304	–9995	–8433	–8629
Томская область	–3889	–3851	–4145	–4022	–2975
Читинская область	–3201	–3367	–3653	–3826	–3740
в том числе Агинский Бурятский АО	250	330	311	389	322

портов, аэропортов и др. Территория все больше приходит в упадок (Мигранян А., 2006).

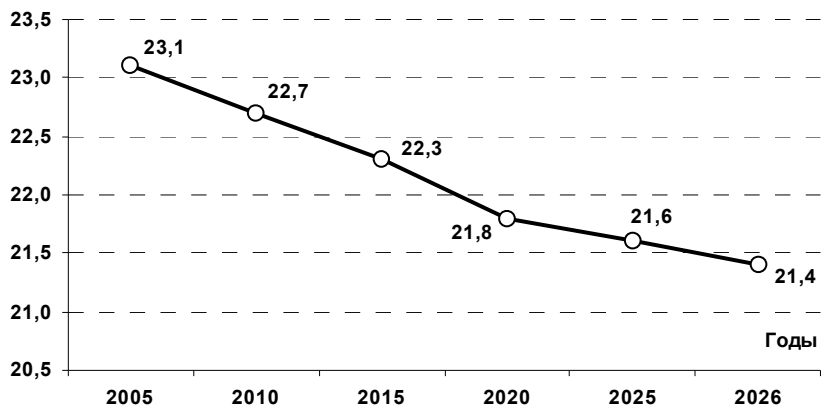

Рис. 4.15. Прогноз численности населения Сибири (млн чел.).

На состоявшемся в апреле 2006 г. совместном заседании Совета при полномочном представителе президента РФ в Сибирском федеральном округе, Совета законодателей СФО и Совета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» полпред А. Квашнин отметил, что «сегодня в Сибири сложилась ситуация, близкая к критической», так как федеральный центр практически не участвует в развитии Сибири. В последние три года доля СФО в общем объеме финансирования федеральных целевых программ составила менее 5 %, а предыдущая федеральная программа «Сибирь», разработанная в 1998 г., в 2003 г. фактически была закрыта. В июне 2002 г. правительством РФ была утверждена «Стратегия экономического развития Сибири», но уже 4 года положения этого документа не реализуются. В Сибири показатели экономического развития, уровня жизни населения, рождаемости ниже общероссийских характеристик [32]. По оценкам А. Квашнина, сейчас происходит фактическая деиндустриализация Сибири, растет доля экспорта необработанного сырья.

С 1995 по 2003 г. доля СФО в валовом внутреннем продукте России снизилась с 15 до 10,9 %. Из Сибири уезжает население, и огромные территории остаются без трудовых ресурсов (по образному выражению В.П. Казначеева, образуется «демогра-

фический вакуум»). Насколько все вышесказанное противоречит национальным интересам и безопасности страны, доказывать излишне.

Говорить об устойчивости социально-демографической системы и тем более о наличии условий для устойчивого развития можно тогда, когда внешние и внутренние факторы не ведут к существенному снижению уровня общественного здоровья и жизнедеятельности системы, а также сокращению воспроизводства населения, ограничению его репродуктивной способности и активности.

Следовательно, проводимая в стране социально-экономическая политика совершенно неадекватна современным демографическим проблемам. Ситуация, характеризующаяся разбалансированностью основных жизнеобеспечивающих процессов с резким выпадением из парадигмы развития страны демографической компоненты, определяет в настоящий период недопустимые масштабы потерь общественного здоровья и снижения воспроизводства населения.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 4

1. *Александровский Ю.А.* Социально-стрессовые расстройства / Ю.А. Александровский // Русский медицинский журнал. — 1996. — Т. 3, № 11. — С. 689—694.
2. *Беляев Д.К.* Генетика, общество, личность / Д.К. Беляев // Человек в системе наук // Отв. ред. И.Т. Фролов. — М.: Наука, 1989. — С. 155—164.
3. *Бестужев-Лада И.В.* Депопуляция: социальные проблемы / И.В. Бестужев-Лада // Демографические проблемы и семейная политика: региональные проблемы. — М., 1999. — С. 10—14.
4. *Борисов В.А.* Депопуляция в России: причины и следствия, пути преодоления / В.А. Борисов // Демографические проблемы и семейная политика: региональные проблемы. — М., 1999. — С. 17.
5. *Величковский Б.Т.* Реформы и здоровье населения страны (пути преодоления негативных последствий) / Б.Т. Величковский. — М., 2001. — 36 с.
6. *Вишневский А.* Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действия / А. Вишневский, В. Школьников. — Моск. центр Карнеги. Научн. доклады. — М., 1997. — Вып. 19.

7. *Галаева Е.В.* Развитие человеческого потенциала в России / Е.В. Галаева // Российские реформы: социальные аспекты. — М., 1988.
8. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. — М.: Изд-во АСТ, 2001. — 560 с.
9. *Гундаров И.А.* Демографическая катастрофа в России / И.А. Гундаров. — М.: УРСС, 2001.
10. *Гундаров И.А.* Нация без будущего? // Здоровье населения как фактор обеспечения национальной безопасности России / И.А. Гундаров // Аналитический вестник комитета по охране здоровья Государственной Думы РФ. — М., 1997. — Вып. 12. — С. 41–47.
11. *Гундаров И.А.* Почему умирают в России. Как нам выжить? / И.А. Гундаров. — М.: Медиа Сфера, 1995. — 100 с.
12. *Десягин М.* Некомпетентность правительства — угроза безопасности России / М. Десягин // Трибуна. — 2001. — 14 февраля.
13. Демографический ежегодник РФ, 2001. — М., 2001.
14. *Дмитриева Т.* Роль клинической суицидологии в системе мер по снижению преждевременной смертности и увеличению продолжительности жизни населения: доклад на заседании президиума РАМН / Т. Дмитриева, Б. Положий // Мед. газета. — 2005. — 26 октября.
15. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / Под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. — М.: Весь Мир, 2004. — 160 с.
16. *Дугин А.* Быть русским — значит быть антиамериканцем или почему мы не любим Штаты / А. Дугин // КП. — 2003. — 26 марта.
17. *Дятлов С.А.* Инвестиции в человеческий капитал: Критерии эффективности / С.А. Дятлов // Изв. Санкт-Петерб. ун-та. — 1996. — № 4. — С. 32–51.
18. Информ. бюл. Центра демографии и экологии человека ИМП РАН. — 2000. — № 43.
19. *Казначеев В.П.* Проблемы человековедения / В.П. Казначеев / Науч. ред. и послесловие А.И. Субетто. — Москва-Новосибирск, 1997. — 352 с.
20. *Казначеев В.П.* Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века» / В.П. Казначеев, А.И. Акулов, А.А. Кисельников, И.Ф. Мингазов // 2-е изд., доп. и переработ. под общ. ред.

акад. В.П. Казначеева. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. — 463 с.

21. *Казначеев В.П.* Ноосферная экология и экономика человека. Проблемы «Сфинкса XXI века» / В.П. Казначеев, А.А. Кисельников, И.Ф. Мингазов Под общ. ред. акад. РАМН В.П. Казначеева. — Новосибирск, 2005. — 448 с.

22. *Киселев Л.* Беловик человека? / Л. Киселев // НГ. — 2003. — 21–23 апреля. — № 28.

23. *Корешкин А.И.* Вставайте люди русские! / А.И. Корешкин. — М.: Якуз, Эксмо, 2004. — 432 с.

24. *Лагерлеф Х.* Психофизиологические реакции в период эмоционального стресса: медицинские последствия этих реакций / Х. Лагерлеф // Эмоциональный стресс // Под. ред. Л. Леви: пер. с англ. — Л.: Медицина, 1970. — С. 270–276.

25. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус // Эмоциональный стресс // Под. ред. Л. Леви: пер. с англ. — Л.: Медицина, 1970. — С. 178–208.

26. *Лещенко Я.А.* Влияние социально-психологических факторов на состояние здоровья беременных и родильниц / Я.А. Лещенко, Т.М. Моглиценко, И.В. Мыльникова // Пробл. соц. гигиены, здравоохран. и истории медицины. — 2002. — № 4. — С. 23–25.

27. *Медков В.М.* Демография / В.М. Медков. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.

28. Население России 1997: Пятый ежегод. демографич. доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский // ИНП РАН. Центр демографии и экологии человека. — М., 1998.

29. Наши гении кормят Запад // АиФ. — 2003. — Апрель.

30. *Павлов И.П.* Динамическая стереотипия высшего отдела головного мозга / И.П. Павлов // Полн. собр. соч. — Т. III, книга 2. — М.—Л.: АН СССР, 1951. — С. 240–244.

31. *Петрова М.К.* О роли функционально ослабленной коры головного мозга в возникновении различных патологических процессов в организме / М.К. Петрова. — М.: Медицина. — 1955. — С. 104.

32. *Полонская И.* Один совет хорошо, а три лучше / И. Полонская // Рос. газета. — 2006. — 4 апреля. — С. 6.

33. *Руткевич М.Н.* Депопуляция или вымирание? / М.Н. Руткевич // Социол. исследования. — 1996. — № 3. — С. 104–110.

34. *Рыбаковский Л.Л.* Прикладная демография / Л.Л. Рыбаковский. — М., 2003.

35. *Смирнов К.* Вчера — Лысенко. Сегодня — Фурсенко / К. Смирнов // НГ. — 2004. — 25–10 октября. — № 79. — С. 23
36. *Судаков К.В.* Устойчивость к психоэмоциональному стрессу как проблема биобезопасности / К.В. Судаков // Вестник РАМН. — 2002. — № 11. — С. 15–17.
37. *Тишук Е.А.* Некоторые вопросы состояния здоровья населения Российской Федерации / Е.А. Тишук // Проблемы соц. гигиены, здравоохран. и истории мед. — 2001. — № 6. — С. 3–8.
38. Труды семинара «Реалистическое моделирование: Стенограмма заседания на тему: «Бизнес и здоровье нации». — М.: «Университет и школа», 2002.
39. *Ширинский И.В.* Влияние социально-стрессовых воздействий на иммунную и вегетативную нервную системы / И.В. Ширинский, С.В. Труфакин, О.А. Малышева // Бюлл. СО РАМН. — № 1. — С. 31–35.
40. *Щепин О.П.* Медико-демографические проблемы в Российской Федерации / О.П. Щепин, Е.А. Тишук // Вестник Российской АМН. — 2005. — № 9. — С. 3–6.
41. *Щепин О.П.* Проблемы здоровья населения РФ и его прогноз на период до 2005 г. / О.П. Щепин // Проблемы соц. гигиены, здравоохран. и истории мед. — 2001. — № 3. — С. 3–10.
42. Human Development Report 2001. — N.Y. — 2001. — P. 141–144.

Глава 5

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В РОССИИ – ПРОВЕРКА ВРЕМЕНЕМ И ПРАКТИКОЙ

Прежде чем обратиться непосредственно к предмету исследования в настоящей главе, нелишне попытаться ответить на вопрос, какими были природно-географические, исторические, этнокультуральные, социально-экономические условия и предпосылки для внедрения неолиберального проекта в России. Важно разобраться в сути и основах функционирования сложившегося в Советском Союзе общества социалистического типа, его слабых и сильных сторонах, причинах развившегося кризиса этого общества, факторах, приведших его к гибели.

Мы не имеем здесь возможности глубоко и детально проанализировать эти проблемы, но и оставить их совсем без внимания, проигнорировать тоже нельзя, т.к. иначе невозможно понять истоки, корни процессов и явлений, происходящих в постсоветской России. По нашему мнению, весьма интересны и во многом справедливы взгляды на вышеуказанные проблемы крупнейшего русского философа и социолога второй половины XX в. Александра Зиновьева, экономиста Михаила Антонова, ученого-системщика Ивери Прангишвили и писателя с синкретическим образованием Андрея Паршева. Ниже мы рассмотрим точки зрения этих и других авторов.

5.1. О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ДЕТЕРМИНИЗМЕ

По мнению А.А. Зиновьева, в российской истории и в событиях последних десятилетий многое останется непонятным, если не принимать во внимание всю совокупность природных и этнологических факторов России, включая размеры территории, климат, почву, характер и традиции населяющих страну народов. Автор считает поразительным то обстоятельство, что указанные факторы всегда игнорировались в суждениях о со-

ветском обществе, а также то, что советские реформаторы, которые должны были бы понимать их роль в жизни страны, начисто «позабыли» о них, пускаясь в перестроечную авантюру [16].

Значение природно-географических факторов для экономического развития нашей страны весьма убедительно обрисовал А.П. Паршев в своей книге «Почему Россия не Америка» [28]. Приведем несколько фактов из указанной книги. Автор обращает внимание на то важнейшее обстоятельство, что Россия является фактически самой холодной страной в мире. Среднегодовая температура у нас минус 5,5 °С, а в Финляндии — плюс 1,5 °С. А по суровости климата (разность температур: летней и зимней, дневной и ночной) ничего близкого к нашей стране вообще нет нигде. Согласно введенным географом Реклю критериям «эффективной территории» (т.е. пригодной для жизни), которая находится ниже 2 тыс. м над уровнем моря, со среднегодовой температурой не ниже минус 2 °С, лишь треть территории нашей страны эффективная. Оленьи пастбища в стране занимают 19 % площади, а пригодные для сельского хозяйства земли — 13 %. Сельскохозяйственные работы в средней полосе России идут с мая по октябрь, а во Франции — практически круглый год.

Существует метод измерения естественной урожайности территории в самах — это количество собранного урожая по отношению к посаженному. Например, сам-2 значит, что на пуд посеянных семян собрано 2 пуда. У русских крестьян урожай на черноземной почве бывал сам-2 или сам-3, а в Западной Европе еще в XVIII в. — сам-12.

Суровые зимы, большие перепады температур, замерзание водных путей и огромное пространство на суше способствуют тому, что издержки любого производства в России заведомо выше, чем на Западе и других странах мира. Следовательно, для эффективного функционирования экономики страны в целом, когда доход перекрывает издержки в таких неблагоприятных природных условиях, требуется государственное регулирование условий применения и перемещения капитала. При свободном перемещении капитала и единых мировых ценах капитал всегда стремится уйти туда, где затраты на производство (издержки) ниже, и тогда «сбежавший» из страны капитал замещается импортом товара. Одни и те же товары на

мировом рынке всегда были дешевле российских. От разорения отечественного неконкурентоспособного по условиям климата и сухопутных расстояний хозяйства нужен протекционизм, государственная защита внутреннего рынка от агрессии мирового рынка. Определенная экономическая закрытость страны здесь предпочтительнее либеральной открытости (с позиции общества в целом. — Я.Л.).

При «свободе торговли» устремления капитала всегда были направлены из России за границу. Свободная конвертируемость рубля вводилась в России дважды. Первый раз в конце XIX в. при золотом рубле из России на Запад ушел огромный объем золотого запаса. При установленной свободной конвертируемости рубля в доллар в конце XX в. из России на Запад в первую очередь утекли мобилизационные запасы стратегического сырья (уран, титан, ртуть, ниобий, осмий), т.е. невозобновляемые ресурсы [14]. При этом большая валютная выручка осталась на Западе. И в первый и во второй раз свое хозяйство оказалось по сути разрушено, а иностранные инвестиции в страну не пришли. При издержках в России заведомо больших, чем вовне ее, и при совокупном риске всех убытков иностранных инвесторов не привлекает идея вложения капитала в развитие российского производства. В результате в Россию пришел только кредит и только под гарантии либо заклада российских ликвидных ценностей, либо государственных обязательств выплаты процентов и возврата долга [там же]. Словом, Запад опять обогатился, Россия же только потеряла.

Не нужно быть гением, считает А.А. Зиновьев, чтобы заранее знать, что разрушение существовавшего социального строя должно с необходимостью привести большинство регионов страны и народов к примитивному докоммунистическому* состоянию, а не к подъему на уровень богатых стран Запада [16]. «Самые элементарные расчеты показывают, — утверждает он, — что с теми природными факторами, какие имеются в России, достичь больше того, что было достигнуто в советский период, просто невозможно. Для этих природных факторов коммунизм был оптимальным способом их организации» [там же].

* **Примечание.** Везде, где Зиновьев употребляет термины коммунизм, коммунистические общество, строй и т.д., речь идет фактически о социалистической формации, существовавшей в Советском Союзе.

5.2. СУЩНОСТЬ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА И СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ. КРИЗИС ВЛАСТИ И ИДЕОЛОГИИ

В СССР всего за полтора десятилетия — к середине 30-х гг. — были созданы основы общества, дотоле миру неизвестного. Ряд современных исследователей указывает на парадоксальный факт: люди, жившие в этом обществе, причем не только рядовые граждане, но и высшее руководство, не осознавали его глубинной сущности [1, 16, 21]. Даже в последнем десятилетии существования данной социально-экономической формации генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов высказал неожиданный для всех тезис: «Мы не знаем общества, в котором живем». Если не учитывать мнение нескольких историков и политологов, это высказывание остается справедливым и в наше время.

На наш взгляд, очень интересную и глубокую характеристику основных атрибутивных признаков и особенностей советского общества дал экономист и писатель Михаил Антонов [1]. Его осудили в 1968 г. за то, что он обвинял брежневский режим в «оппортунизме» и «перерожденчестве». М. Антонов считает, что нужно различать советский *проект* и советский *строй*. Проект — это тот идеал, к которому стремились в СССР, а строй — то, что смогли выполнить из всего проекта.

Проект (если иметь в виду его главную цель) — это коммунистическое общество, представления о котором были смутными и неопределенными. Но советским людям (в основной массе) было достаточно того, что это общество представлялось наиболее справедливым и гуманным по сравнению со всем, что ему предшествовало.

Другое дело советский строй — вполне осязаемое явление, воплощенное практически. Вот как характеризует М. Антонов важнейшую основу советского строя — его хозяйственную и финансовую систему: «Созданная при Сталине советская хозяйственная система принципиально отличалась от западной. Еще Аристотель различал два типа хозяйственных систем — *экономику*, целью которой было удовлетворение потребностей, и *хрематистику*, нацеленную на получение прибыли.

Хотя наука о капиталистическом хозяйстве получила название политической экономии, в действительности в странах За-

пада воцарилась самая настоящая хрематистика — производство ради максимальной прибыли.

В России с ее суровыми природно-климатическими условиями прибавочный продукт всегда был скудным, на первом плане стояла задача выживания, а не получения максимума прибыли. А СССР в дополнение к этому еще постоянно находился в положении осажденной крепости или военного лагеря. Необходимость быстрой индустриализации и перевооружения армии обусловила возникновение у нас *мобилизационной экономики*. И работа оборонного комплекса, куда шли самые большие и лучшие ресурсы, не могла строиться, исходя из стремления получить прибыль.

Советская хозяйственная система мыслилась как единый народнохозяйственный организм. Собственность на средства производства была общественной — либо государственной, общенародной, либо колхозно-кооперативной. Существовала и личная собственность, причем жилье, формально принадлежавшее государству, на деле находилось в пользовании граждан, плата скорее за него была скорее символической. Советские люди, считавшие это естественным положением вещей, и не задумывались над тем, что каждая семья фактически владела жилищем, которое на Западе пришлось бы приобретать за десятки тыс. долл. Это был один из видов дивиденда, который (как и бесплатное образование и здравоохранение) каждый советский гражданин получал на принадлежащую ему долю общенародной собственности.

В СССР установилась и отличная от западной система цен. В капиталистических странах цены на товар первой необходимости обычно устанавливаются относительно высокими, а на товары длительного пользования — относительно дешевыми (вот почему советских туристов удивляла дешевизна автомобилей и видеомагнитофонов). Это было обусловлено политикой, проводимой в интересах состоятельных слоев населения. У бедных почти все доходы уходили на приобретение дорогих предметов первой необходимости, и потому эти слои населения не имели возможности выбиться из бедности. В СССР, наоборот, цены на хлеб, молоко и другие товары первой необходимости были низкими, почти на уровне себестоимости (а порой и ниже ее — тогда государство выделяло предприятиям-производителям дотации), а на товары длительного пользования — довольно высоки-

ми. Это приводило к тому, что бедность в стране с каждым годом уменьшалась, богатство не могло стать кричащим, и общество постепенно становилось обществом среднего класса.

Поскольку системы цен в СССР и в странах Запада были принципиально различны, советское хозяйство могло нормально функционировать лишь в условиях изоляции его от внешнего рынка. Внешняя торговля была монополией государства, предприятия самостоятельно выходить на мировой рынок не могли. Рубль был принципиально неконвертируемым и на валюты других стран не обменивался.

Вопреки тому, что утверждают ныне либеральные реформаторы, производство в СССР было весьма эффективным, если под эффективностью понимать не прибыльность, а соотношение затрат и результата. Даже в сельском хозяйстве, которое традиционно считалось самым отсталым звеном советской экономики, при количестве тракторов на 1 тыс. га пашни в 10 раз меньшем, чем у фермеров Запада, себестоимость тонны зерна была в 3–4 раза ниже» [1].

В советской хозяйственной системе существовало не такое, как на Западе, понимание не только эффективности, но и рентабельности. В условиях мобилизационной экономики важно стремиться не к узкоэкономической эффективности, а думать прежде всего о выживании страны. В СССР товары широкого потребления часто по качеству, а еще чаще по внешнему виду и упаковке уступали импортным. Это происходило не только вследствие отсталости технологии или отсутствия стимулов у изготовителей, но и потому, что лучшие ресурсы страна направляла на развитие тяжелой промышленности и укрепление обороны [там же].

Пройдя несколько промежуточных этапов, к середине 30-х гг. в СССР сформировалась такая модель общественного строя, которую директор Института проблем управления РАН И.В. Прангишвили охарактеризовал как авторитарно-мобилизационный социализм с тоталитарными извращениями [30]. Хотя такой социализм (30–50-х гг.) справедливо характеризуют как примитивный, негуманный, недемократичный, в рамках авторитарно-мобилизационной модели страна добилась выдающихся успехов: в кратчайшие сроки провела индустриализацию, обеспечила победу во Второй мировой войне, восстановила разрушенное войной хозяйство, ликвидировала атомную монополию

США, надежно обеспечила безопасность государства, первой совершила выход в космос.

А.А. Зиновьев [16] обращает внимание на то, что на Западе в свое время тревогу породил отнюдь не «черный провал» и не «застой» в советской истории (как об этом стала трубить западная пропаганда после 1985 г.), а, наоборот, беспрецедентные успехи Советского Союза во всех сферах жизни и заразительный успех социализма для сотен миллионов людей на планете. Нужно просто быть циничным негодяем, считает он, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря социализму, а потомки будут поражены тем, как много было сделано в эту эпоху, причем в тяжелейших исторических условиях.

Советская идеология, говоря о неизбежности кризисов при капитализме, утверждала, что социалистическое общество является бескризисным. А.А. Зиновьев [16] считает это фатальным заблуждением советских идеологов, поскольку кризисы — обычное явление в жизни всякого общества. Причем каждому типу общества, поясняет он, свойственен свой, характерный для него тип кризиса. Для капиталистического общества свойственен так называемый экономический кризис, который проявляется в перепроизводстве товаров, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Коммунистический (социалистический. — Я.Л.) кризис принципиально отличается от него. Он заключается в дезорганизации всего общественного организма, достигая в конце концов уровня дезорганизации всей системы власти и управления. Он охватывает все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, общественную психологию, нравственное состояние населения [там же].

Еще с 30-х гг. в советской социально-экономической системе стали назревать кризисные явления, в дальнейшем авторитарно-мобилизационная модель исчерпала себя, и страна оказалась в идеологическом и теоретическом тупике [1, 30]. М. Антонов [1] считает, что все дальнейшие проблемы и беды советского социализма проистекали из-за того, что за все годы существования советского общества так и не была создана теория социализма, в первую очередь экономическая теория. Формально коммунистическая партия руководствовалась теорией марксизма-ленинизма, но в действительности строительство социализма в СССР шло путем «социалистического праг-

матизма», т.е. методом проб и ошибок. Для исследований советского народного хозяйства как бы использовали специфическую науку — политическую экономию, хотя Маркс и Энгельс подчеркивали, что это наука только о товарном, капиталистическом производстве. Но все российские марксисты в силу присущего им евроцентризма и не помышляли, что для анализа советской хозяйственной системы нужна совсем другая экономическая теория. А новую теорию можно было создать, лишь осознав, что Россия — иная цивилизация, чем капиталистический Запад (Маркс же построил свою теорию, обобщив опыт развития капитализма в Англии первой половины XIX в.) [там же].

Вследствие всего вышеизложенного, очередной этап в развитии советского общества стал процессом формирования *авторитарно-бюрократической модели социализма*, которая имела много недостатков: научно-технические достижения внедрялись плохо, а способности людей не находили применения, вследствие чего темпы роста ВВП и экономики в целом были низкими; преобладал уравнилельный подход в оплате труда, не учитывающий должным образом результаты трудовой деятельности; не было реального участия людей в управлении государством и т.д. [30].

Мы согласны с мнением И.В. Прангишвили [30], что сложившаяся в 70-80-е гг. в Советском Союзе авторитарно-бюрократическая модель социализма была *незакономерной, уродливой, исторически случайной*. Среди народа зрело недовольство существующей системой. Но все это, подчеркивает А.А. Зиновьев [16], не означало желания людей поломать свой социальный строй и установить вместо него капитализм. Идея смены общественного строя пришла уже в ходе перестройки, когда стало ясно, что ее замыслы провалились.

В предисловии к настоящей книге приводилось мнение [36] о том, что главной причиной развития глубокого кризиса, приведшего к распаду СССР и демонтажу социалистической системы, явились крайне неудачные реформы М.С. Горбачева. Такой же точки зрения придерживаются и другие исследователи [1, 4, 16, 21 и др.]. Проводившаяся под лозунгом перемен горбачевская перестройка не привела к позитивным результатам, а лишь еще больше усложнила ситуацию в стране. Руководство

страны не понимало суть и глубину происходящих процессов, поэтому не владело средствами и способами управления ими. «Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, — пишет А.А. Зиновьев, — но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они и не помышляли ранее» [16].

Следует остановиться еще на одном чрезвычайно важном обстоятельстве. В западных средствах массовой информации развившийся в 1980-е гг. в Советском Союзе кризис изображается как результат исключительно внутренних причин, главным образом — как результат банкротства социалистического строя. По убеждению А.А. Зиновьева, это — вопиющая пропагандистская ложь. Можно признать, считает он, что в созревании кризиса в Советском Союзе решающую роль сыграли причины внутренние (хотя не они одни), но в разворачивании кризиса и в последующем крахе страны решающая роль принадлежит причинам внешним. Советский Союз и Россия были разгромлены в ожесточенной борьбе с превосходящими силами внешнего врага, имя которого — Запад [16].

По мнению А.А. Зиновьева, ошибочно сводить взаимоотношения Запада и коммунистического мира исключительно к противостоянию социальных систем. Россия задолго до революции 1917 г. стала сферой колонизации для западных стран. В результате революции Запад эту сферу потерял. Победа СССР над Германией и расширение сферы его влияния в мире резко сократили возможности Запада в отношении колонизации планеты. В перспективе над Западом нависла угроза вообще быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку. В этой ситуации идея «холодной войны» против наступающего коммунизма возникла как нечто само собой разумеющееся. Главным оружием в «холодной войне» были средства идеологии, пропаганды и психологии [там же].

«Холодная война» была совершенно особым геополитическим явлением. Это была первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа. Организаторами «холодной войны» ставилась задача разложить советское общество идейно, морально и политически, расшатать социальные и поли-

тические структуры, разрушить идейно-психологическую устойчивость населения [4, 16, 35].

А.П. Шевякин [35], исследовавший процессы, приведшие к распаду СССР, отмечал системный характер «холодной войны». По его мнению, ее составляющими были: а) информационно-психологическая война (доведение объектов воздействия до измененного состояния сознания, сужения интеллектуальной базы, встраивания в свой контур управления руководящей элиты страны-жертвы); б) организационная война (разработка и применение средств манипулирования высшим партийным руководством); в) финансово-экономическая война (цель — выкачать из СССР как можно больше ресурсов, лишив его возможности широкого маневра в управлении материальными и финансовыми средствами, не позволить выйти на новые рубежи научно-технической и информационной революций; пожалуй, главным средством этой войны была гонка вооружений, требовавшая колоссального напряжения от нашей страны и непомерных финансовых затрат); г) технологическая война (лишение доступа к высоким технологиям, дезинформация в технологической области, проведение замаскированных технологических диверсий); д) культурная война (внедрение американских стандартов в национальное искусство); е) историческая война (провокации, направленные на выяснение вопросов «кто здесь раньше жил», «кто кому и сколько обязан», разрушение исторической памяти народов); ж) этническая война (разрушение дружбы народов, их разъединение и разжигание вражды).

А.А. Зиновьев подвел итог вышесказанному следующим образом: «Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) деморализовал советское общество и прежде всего его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени» [16].

По мнению ряда авторов [4, 16, 35], самый важный урок «холодной войны» состоит в том, что в результате обнаружилась самая главная цель Запада в этой войне — разрушение Советского Союза и России с любым социальным строем.

5.3. НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Для уяснения и оценки всего, что в последние полтора десятилетия произошло и происходит со страной, ее жителями, а в особенности того, что можно ожидать в близком и отдаленном будущем, очень важно понять, создание какого государства и общества являлось целью российских реформ 90-х гг. и насколько успешно реформаторами решались и решаются задачи по достижению поставленной цели. В значительной мере о стратегических замыслах можно судить по принятой в начале реформ (1993) новой Конституции России. Статья 7 основного закона гласит: «**1.** Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. **2.** В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Итак, цель реформ — построение социального государства, в котором обеспечивается достойная жизнь всех граждан (во всех отношениях, разумеется).

Конечно, для этого были нужны не просто политические решения, но, прежде всего, тщательный и всесторонний анализ по выбору модели или парадигмы развития и соответствующего механизма реализации последней.

Здесь надо сделать небольшое отступление, сказав, что в мире после довольно долгого забвения, в последней четверти XX в. в сферах государственно-экономического строительства вновь стали модными либеральные идеи (неолиберализм). В какой-то мере это было реакцией на застой и трудности, которые испытывали планово-распределительная экономика и командно-административная система управления в СССР, где они перестали стимулировать развитие и, наоборот, стали его тормозом (хотя до этого многие социалистические рецепты применяли и внедряли у себя самые развитые капиталистические страны).

Одним из крупных ученых-социологов, обосновывавших в 80-е гг. необходимость демонтажа социалистической экономической системы и перехода на новые принципы хозяйствования (либеральные, рыночные. — Я.Л.), была академик Татьяна Заславская. Вот как спустя 20 лет (2005) она охарактеризовала замыслы и намерения идеологов и вдохновителей горбачевской перестройки и либеральных реформ: «Перед реформаторами стояли две задачи. Первая: создать новый экономический, политический и социальный механизм функционирования общества, открывающий для большинства людей свободу конструктивной деятельности. Второй, не менее важной задачей было пробудить и побудить полуспящих граждан к личной и групповой активности, поднять их инновационно-деятельностный потенциал» [31].

О том, что было выбрано и продекларировано в качестве главного средства достижения благородной цели реформ, лаконично сформулировано в докладе Совета по национальной стратегии [12]: «Постсоветское государство провозгласило (отчасти явно, отчасти неявно) либерализм в качестве идеологической основы своей деятельности. Реализация либеральной доктрины была призвана создать равные условия для раскрытия способностей, предприимчивости и инициативы людей. Важными этапами прикладной реализации этой доктрины стали либерализация цен, приватизация основной, наиболее доходной и наименее нуждающейся в масштабной капиталоемкой реконструкции части государственной собственности, кардинальное снижение роли государства в экономической жизни. Одномоментно был расторгнут советский социальный контракт, который гарантировал минимальные социально-экономические гарантии в обмен на социально-политическую лояльность».

Каковы же основные неолиберальные принципы, положенные в основу социально-экономической политики, проводимой в стране с 1992 г., и остающиеся незыблемыми по сей день. Академик РАН Николай Петраков охарактеризовал последние следующим образом: «под сохранением либеральных ценностей и ельцинского духа реформ неизменно понимается отказ от любых «популистских» (с точки зрения неолибералов. — Я.Л.) шагов, к числу которых относятся все социальные программы, рост зарплаты бюджетникам, повышение пенсии, пособий и т.д. К

либеральным ценностям относят также снижение налогового бремени богатых, закрепление природной ренты за приватизированными естественными монополиями и легализацию методов монопольного ценообразования, а также упрощение процедуры вывоза капитала из страны» [29]. Чем оборачивается реализация указанных принципов для населения страны, показано в главе 3.

Политолог Борис Кагарлицкий считает возврат идей неолиберализма скорее не прогрессом, а регрессом, поскольку он противоречит глобальной исторической тенденции [18]. И здесь Россия оказалась вновь впереди планеты всей, с какой-то безрассудностью круша и ломая все до основания, слепо уповая на «свободный рынок» и некий идеализированный капитализм.

Весьма затруднительно обозначить сущность созданной в России в ходе либеральных реформ социально-экономической системы каким-то кратким термином. Архитектор реформ Е. Гайдар в 1992 г., начиная свои преобразования, обещал скорое наступление «цивилизованного» правового государства [5]. Но уже в 1994–1996 гг. Гайдар давал сформировавшейся системе такие наименования, как: «бюрократический капитализм», «плохой государственный капитализм», «коррупцированный бюрократический капитализм» [6, 7]. В 1997 г. Гайдар констатировал факт образования «олигархического общества» в стране и при этом высказал предположение, что «сочетание имперской риторики, экономического авантюризма и крупномасштабного воровства могут стать определяющим долгосрочным фактором российской действительности» [8]. Пожалуй, лаконичнее и вернее не скажет и заклятый враг неолибералов.

Борис Немцов на посту первого заместителя премьер-министра (1997) определил государственную политико-экономическую систему как «бандитский капитализм» [24]. Самое удивительное, что вышеприведенные нелцеприятные характеристики эти государственные деятели давали продукту, возросшему на дрожжах проповедуемой и реализуемой ими неолиберальной доктрины. Однако весьма показательно, что ни эти, ни другие известные либералы не признали принципиальной ошибочности и ущербности российских неолиберальных реформ, напротив, с каким-то маниакальным упорством они продолжают гнуть свою линию.

Многие специалисты: экономисты, политологи, этнологи, социологи и др. — считают выбранную (или навязанную) либеральную экономическую модель да и сам механизм реформирования социально-экономической системы непригодными для России, подтверждением чего является уже то, что реформы не выдержали проверки временем.

Игорь Гундаров, Борис Кагарлицкий указывают на тот факт, что либеральная модель нигде, кроме Западной Европы и США успеха не имела; в Латинской Америке и в Африке эксперимент по ее внедрению провалился [13, 19]. «Никто почему-то не подумал, — говорит Б. Кагарлицкий, — что ни латиноамериканцев, ни африканцев, ни индусов свободный рынок не сделал богатыми и счастливыми, хотя коммунисты там у власти не были, а если где-то и были, то мало отличались от антикоммунистов».

Здесь очень уместно вспомнить пример Аргентины, проводившей под руководством министра экономики Доминго Кавалло по рецептам МВФ ультралиберальные реформы, которые, по заверениям западных экспертов, должны были привести к ее процветанию. В частности аргентинцы отказались от самостоятельной денежно-кредитной, научно-технической, промышленной и структурной политики; был введен жестко фиксированный курс национальной валюты по отношению к доллару; иностранным инвесторам разрешили ввозить и вывозить из страны столько капиталов, сколько они хотят. И никто был не в праве им мешать — в руки иностранцев были проданы самые лакомые куски экономики: добыча нефти и газа, телекоммуникации, банки и энергетика [9].

Аргентинские реформы всячески превозносились на Западе. Мало того, они навязывались и России как пример для подражания (так, после дефолта 1998 г. МВФ настойчиво рекомендовал команде Ельцина привлечь в качестве экономического советника именно Кавалло). При этом наиболее крупными и серьезными экономистами реформа Кавалло рассматривалась как эксперимент, доведенный до крайности (ультралиберальная модель). Это была такая проверка всей доктрины неолиберализма, какую никогда бы не позволили в собственных странах [2].

Отрезвление наступило в 2000–2001 гг., когда неолиберальный эксперимент потерпел полное фиаско: в Аргентине разразилась самая настоящая социально-экономическая катастрофа.

Что же произошло в этой стране Латинской Америки за десятилетие реформ. Из страны в виде интересов и прибылей компаний ушло более 60 млрд долл.; еще 23,8 млрд долл. Запад заработал на торговле с этой страной, в такую сумму вылился дефицит торгового баланса страны за десять лет; более того, платежи по долгу за этот же период составили 180 млрд. долл., при этом сам внешний долг вырос с 60 млрд в 1990 г. до 145 млрд (54 % ВВП) в 2000 г. [2]. В итоге перестало существовать народное хозяйство как целостная система, ориентированная на интересы страны, на его месте возникла «периферийная» экономика, структура которой определяется интересами США; демонтированы или парализованы системообразующие для страны отрасли, за исключением нефтяной; наиболее тяжелый ущерб понесли самые передовые отрасли, прежде всего машиностроение [9]. В результате реформ Аргентина утратила сильный научно-технический потенциал (недавно лучший в Латинской Америке), потеряла и национальную банковско-финансовую систему (банки скуплены иностранным капиталом); произошла криминализация финансовой сферы. Хозяйство в стране не развивалось, а продавалось, накладывая все более тяжелое бремя на следующее поколение; выросла вчетверо безработица, приблизившись к отметке 20 %, жертвами ее стали средний класс, квалифицированная часть населения; у 36,1 % жителей доходы не позволяли приобрести минимальную потребительскую корзину продовольствия; в состоянии ниже порога бедности оказались 40 % детей в возрасте до 14 лет [там же]. И это в стране с идеальными почвенно-климатическими условиями для производства продовольствия!

Возвращаясь к нашим реалиям, следует иметь в виду, что и неолиберальная модель реформ, внедрявшаяся ельцинским руководством в 90-е гг., включала с некоторыми вариациями основные элементы программы Кавалло, так что неудивительны разрушительные ее результаты в хозяйственной и социальной сферах.

Каким же образом в действительности были проведены реформы 90-х гг. в России и что в результате этих преобразований получилось?

В докладе Совета по национальной стратегии (СНС) [12] созданная модель социально-экономической системы характеризуется как олигархический капитализм (олигархическое государство). Указывается на то, что ключевую роль во всех основ-

ных сферах жизнедеятельности страны стала играть очень небольшая группа лиц, обладающая реальной властью прежде всего в экономике (олигархия — власть немногих). В докладе отмечается, что олигархический слой сформировался вне рамок рыночных механизмов. Конклав олигархов был создан на основании субъективных решений Кремля, принимавшихся в 1993—1999 гг. Основой формирования олигархического конклава был процесс приватизации: президентская власть почти безвозмездно передала субъектам этого конклава наиболее привлекательные объекты собственности (в первую очередь промышленные и инфраструктурные) на территории России.

Олигархический строй современной России выработал свою систему базовых ценностей, которую с известной степенью точности можно назвать *антинациональной* (выделено мною — Я.Л.). Как субъекты российской экономики олигархи выступают в основном в роли иностранных инвесторов. Олигархическая собственность на территории России оформлена на иностранных юридических лиц, преимущественно на оффшорные компании. Олигархи апеллируют к ресурсу других государств как гарантов их интересов на политико-экономическом пространстве России.

Известно, что семьи большинства олигархов постоянно живут за пределами России, за рубежом обучаются их наследники. Многие указывают на то, что большинство олигархии не связывает личные и семейные стратегические интересы с Россией как геополитической и этнокультурной сущностью.

В докладе СНС продолжение масштабного вывоза капитала за пределы России объясняется не только особенностями инвестиционного климата страны, но и базовыми представлениями олигархии о личной (семейной) стратегии. Эта стратегия обычно связана с Западом и почти никогда — с Россией. Показано также, что использование теневых механизмов влияния в ходе реформ обеспечило беспрецедентную в современности концентрацию капитала в частном секторе. По данным аналитического доклада Питера Буна и Дениса Родионова, сотрудников московского офиса инвестиционного банка UBS Brunswick Warburg, 85 % капиталов 64 самых крупных российских компаний, больше не контролируемых государством, находятся в руках всего лишь у восьми групп акционеров.

Совет по национальной стратегии считает, что олигархический класс не стал ни национально, ни социально ответственной элитой России. В связи с этим олигархическая модернизация (так СНС формулирует суть российских либеральных реформ) всегда исходила из интересов:

- максимизации прибыли олигархов;
- максимизации рыночной капитализации принадлежащих олигархам корпораций;
- легализации капиталов и других ресурсов в США и странах Западной Европы.

И никогда она не исходила из стратегических интересов России как геостратегической и этнокультурной сущности.

В силу этого олигархическая модернизация неразрывно связана с комплексом негативных факторов, включая следующие: структура экономики смещается в сторону сырьевой и транзитной; недооценивается и/или полностью игнорируется снижение интеллектуально-технологического потенциала нации; игнорируется роль места ВПК не только как несущей конструкции советской экономики, но и как важного элемента геостратегической эволюции страны; основной источник коррупции, эрозии государственного функционирования — открытое попрание олигархами легальных норм — задает образцы нигилистического отношения к государству, стимулируют противоправную активность в хозяйственной жизни [12].

С. Меньшиков считает, что в российской экономике с переходом к капитализму сложилась инерционная самодовлеющая система, которая движется по спонтанно присущей ей траектории, и изменить ее крайне трудно [23]. Автор называет главные институциональные черты этой системы:

- × преобладание монополии над конкуренцией;
- × доминирующая позиция финансово-олигархических групп при относительно слабом развитии банковского звена;
- × тесное сращивание олигархии с государством при крайне слабой регулирующей роли последнего;
- × непомерно высокая доля валовой прибыли в национальном доходе;
- × непомерно высокая доля теневого сектора и национального продукта, поглощаемого коррупцией и организованной преступностью [там же].

С. Меньшиков поясняет, как эти особенности системы порождают закономерности функционирования экономики. Так, преобладание монополии создает ориентацию компаний на получение прибыли не столько от увеличения объемов производства и продаж, сколько от максимизации разрыва между ценой и издержками производства. Практически нет примеров внедрения производства новых видов товаров отечественного происхождения. Даже крупные компании не в состоянии наладить выпуск достаточно прогрессивных новых моделей. Одна из причин — нежелание вкладывать капиталы в модернизацию производства и строительство новых предприятий. За более чем десятилетие своего существования российский капитализм не построил ни одного крупного нового предприятия, довольствуясь лишь загрузкой существующих мощностей и использованием уже разведанных ранее и освоенных месторождений природных ресурсов [там же].

Господствующие в экономике финансово-олигархические группы были созданы в своем большинстве лицами, сосредоточившими свои усилия на финансовых и иных спекулятивных операциях. Их главным интересом было не столько развитие и совершенствование производства, сколько захват наиболее прибыльных объектов бывшей государственной собственности и их использование в целях обогащения [там же].

Тормозящее влияние на экономическое развитие оказывает тесное сращивание олигархии с государством на всех уровнях. С. Меньшиков отмечает, что при Ельцине не только его так называемая «семья», т.е. круг особо приближенных бизнесменов и чиновников, была практически куплена несколькими олигархами, но и значительная часть всего бюрократического аппарата подчинялась тем или иным группам и выполняла их волю. Само государство одно время представляло собой сегментированную кормушку для объединенных кланов дельцов и коррумпированных чиновников, переплетенных с преступными группировками [там же].

Согласно неолиберальной модели, поясняет С. Меньшиков, государство должно лишь заботиться о создании благоприятной общей атмосферы экономического развития посредством серии реформ в интересах бизнеса, но при этом сводить к минимуму свою роль регулятора экономики и прямое участие в ней. Эта

модель лежит в основе экономической политики и первого, и второго правительств, поставленных у власти В. Путиным, и по большому счету предполагает отказ от активного участия государства в восстановлении экономического равновесия. Но либеральная модель более или менее успешна только в тех экономиках, которые растут равномерно и не страдают от крупных диспропорций. К российской экономике в ее современном состоянии эта модель, по убеждению С. Меншикова, не только не применима, но и наносит ей немалый вред [23].

Известный в мире специалист по экономике России Жак Сапир, директор Высшей школы общественных наук (Франция), назвал результаты реформ 90-х гг. «российским крахом» в книге с одноименным названием [32]. Прямым виновником этого краха автор считает ближайшее окружение Ельцина, называющее себя либеральными экономистами и демократами, (Гайдар, Чубайс, Федоров, Лившиц и др.), обвиняя их в «глубоком и коренном непонимании самого принципа демократической легитимности». По убеждению Сапира, набор методов, навязанный либерал-реформаторами государству, подорвал его намного больше, чем их маниакальное стремление к ослаблению государственного регулирования и сокращению бюджета. Разрушительную роль сыграли и внешние займы и рекомендации МВФ, ошибочность (или даже абсурдность) которых была очевидна для очень многих видных представителей мировой экономической элиты, и всемерно поощряемая коррупция чиновников, и система специальных воздействий («промыывание мозгов»), развернутых в средствах массовой информации.

Таковы основные признаки проводимой с 1992 г. и продолжаемой в настоящее время экономической трансформации. А каковы же социальные итоги этих преобразований?

Материалы, обобщающие аналитические исследования, оценки всех основных сторон жизнедеятельности общества и приведенные в настоящей книге, весьма убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют о полном провале российских либеральных экономических реформ, если их результаты рассматривать с общенациональных и социальных позиций.

Все же считаем необходимым привести несколько обобщающих оценок итогов реформ, сделанных крупными специалистами и видными деятелями.

Очень емко и точно обозначены результаты и итоги неоллиберальных реформ Ельцина видным американским историком и политологом, специалистом по России, профессором Стивеном Козном: «Начиная с 1991 г., российская действительность представляла собой самый жестокий правительственный кризис мирного времени в XX в.: упадок сельского хозяйства, во многом превосходящий тот, что случился в начале 30-х гг. по вине сталинской коллективизации; беспрецедентная зависимость от импорта (в особенности продуктов питания и лекарств); благополучие 2–3-х «потемкинских» городов на фоне нищеты и полунисщеты 75 % населения; большее количество сирот, чем было после Второй мировой войны, стоившей Советскому Союзу 30 млн жизней; превращение из супердержавы в государство-попрошайку, существующее на иностранные займы и терзаемое, согласно сообщениям российской прессы, «голодом, холодом и нищетой», чьи отдаленные районы «с ужасом ждут приближения зимы».

Академик Т. Заславская дает следующую оценку влиянию, оказанному неоллиберальными реформами на человеческий потенциал России, выделяя четыре главных вектора такого влияния [31]: «Во-первых, социально-демографическое развитие российской социальной общности. *Здесь результаты просто ужасны* (выделено мною. — Я.Л.) Средняя продолжительность жизни россиян сократилась на целых семь лет За счет повышения уровня смертности умерли миллионы мужчин. А то, что сейчас происходит с медициной, просто петля на шее нации. Для значительной части граждан медицина вообще перестала существовать. Второй вектор развития — социально-экономический. И здесь нам тоже похвастаться нечем: высокая безработица, слабое использование трудового и квалификационного потенциала, высокий уровень бедности, огромная дифференциация личных доходов. Если разница между доходами 10 % самых богатых и самых бедных граждан СССР составляла четыре с чем-то раза (при социально допустимой норме 8–10), то сейчас она не менее 30–40 раз. Доходы 40 % россиян не достигают регионального прожиточного минимума, а многие не имеют и его половины! Кто и когда сможет это исправить?.. Третий вектор социокультурный — развитие образования, науки и культуры. Но если в стране ужасающая бедность, то ей ведь не до науки и культуры. У обра-

зования — тоже петля на шее. Массовый отсев учащихся из всех классов растет, грамотность выпускников невысока. А про науку что говорить? Министром науки и образования назначен человек, который, похоже, хотел бы искоренить и то и другое, а министр здравоохранения, на мой взгляд, совершенно равнодушен к людям. Четвертый вектор — инновационно-деятельностный, отражающий энергетику нации. Это развитие мелкого предпринимательства, разных направлений искусства, социальной и политической активности граждан, что во многом определяет жизнеспособность народа. Я искренне надеялась, что новые правила игры помогут пробуждению народной энергии. Ведь большинство стран — членов мирового сообщества — сравнительно быстро развиваются. А Россия по индексу развития человеческого потенциала в 1992 г. занимала 30-е место из 175, а сейчас скатилась примерно на 60-е, в связи с чем переведена из категории развитых в категорию среднеразвитых стран».

Подобные выводы и оценки российского неолиберального проекта представлены также в книге С.Ю. Глазьева, С.Г. Кара-Мурзы, С.А. Батчикова «Белая книга: Экономические реформы в России 1991–2002 гг.» [11].

Чтобы разобраться в причинах неудач и провалов следует рассмотреть суть выбранной модели реформ, механизма и практики их проведения в российских условиях.

Приведем мнение известного политолога Сергея Кара-Мурзы: «15 лет народ терпеливо ждал окончания эксперимента над собой, снося все тяготы. Не дождался Любая социальная программа за такой срок обязана раскрыть потенциал. На мой взгляд, фатально ошибочна сама доктрина реформы. То, что в ходе ее реализации появилась возможность много украсть, мелочь по сравнению с потрясением, которое испытывает страна в целом. Выгоднее говорить о том, кто и сколько вывез за границу, кем и какие построены дачи. Но суммы похищенного у государства и народа — ничто на фоне потерь, понесенных Россией, ее хозяйством, культурой и людьми. Проблема воровства нефундаментальна, в программе реформы ложные постулаты, на которых она основана. Это просчеты не политического или социально-экономического, а философского плана» [20].

По-видимому, проблема еще шире: разработка обоснования и программы реформ должна тщательнейшим образом учиты-

вать природно-географические, историко-этнические, демографические, культурно-психологические и, конечно, духовно-философские аспекты.

Упомянув об идейно-философской подоплеке и обоснованности российских экономических реформ, обратимся к взглядам на природу либерализма выдающегося русского философа Николая Бердяева. Не останавливаясь на подробном рассмотрении мыслителем различных аспектов этого понятия, например религиозного, приведем лишь некоторые его суждения, не утратившие, на наш взгляд, своей актуальности для оценки как либеральной доктрины вообще, так и ее современных неолиберальных воплощений, особенно в экономической сфере. «Либеральное начало есть одно из начал человеческой жизни, но оно не может быть утверждаемо как начало единственное и безраздельно господствующее... Либерализм должен сочетаться с более глубоким, не внешним консерватизмом, равно как и социальным реформизмом...

Чисто либеральная идеология переносит все в личность как единственную реальность. Но этим номинализмом подрывается в итоге реальность самой личности. Ибо реальность личности предполагает другие реальности... Рационалистический либерализм отрицает существование онтологической иерархии. Но этим отрицает он и личность как члена иерархии реальностей... Индивидуальный либерализм отрывает индивидуум от всех органических образований. Такого рода индивидуализм опустошает индивидуум, вынимает из него все его сверхиндивидуальное содержание, полученное от истории, от органической принадлежности индивидуума к его роду и родине, государству и церкви, человечеству и космосу. Либеральная социология не понимает природы общества...

Когда либерализм видит в свободе человека и неотчуждаемых правах его высокую цель, он утверждает неполную, но несомненную истину. Но когда он начинает временным и относительным политическим и экономическим средствам придавать почти абсолютное значение, когда в исканиях новых форм социальной организации он начинает видеть недопустимое нарушение своей отвлеченной доктрины, он вырождается и разлагается...

Нельзя не признать, что господство отвлеченного либерализма в жизни экономической дало свои отрицательные злые

плоды. Ничем не ограниченный экономический индивидуализм, отдающий всю хозяйственную жизнь целиком во власть эгоистической борьбы и конкуренции, не признающий никакого регулирующего принципа, не имеет как будто никакой обязательной связи с духовным ядром либерализма, т.е. с утверждением прав человека. Несостоятельность так называемого экономического либерализма давно уже выяснилась» [3].

Любопытную трактовку культурно-исторических и этнопсихологических факторов и предпосылок приемлемости или неприемлемости, пригодности или непригодности социально-экономических и государственно-политических конструкций (систем) для разных стран, в том числе России, дает Андрей Девятков [14]. На Западе распространилась и утвердилась конструкция власти, обозначенная автором как демократия. При этом общество делится на две основные группы: «активные / пассивные» (соответственно 10 и 90 % от всего населения). Общество Запады широко оперирует понятиями «средний класс», «высший класс» и «буржуазия». Граница в «высший класс» открыта для активных и то не для всех, а примерно для половины из этой группы — тех, кто рождаются волевыми, работающими, деловитыми, бережливими, коммуникабельными и нахрапистыми. Они становятся хозяевами своего дела и поднимаются наверх. Другую половину активных и напористых составляют самодовольные, бесхозяйственные, расточительные, лишенные делового чутья наивные мечтатели. Сюда же относится еще одна очень небольшая категория активных. Это — бескорыстные, непрехотливые, невзыскательные к житейским благам «святые праведники». Остальные 90 % общества составляет пассивное большинство, не имеющее выдающихся (волевых, деловых. — Я.Л.) качеств, неустойчивое в своих настроениях, следующее за активными, примыкая к одной из вышеупомянутых групп в зависимости от давления материальных условий их жизни и распространения в обществе той или иной идеи счастья.

...Что касается идей, то активисты из «святых праведников» в свое время дали обществу Запады идею протестантской этики, мотивировавшей индивидуализм, накопление капитала и разрешавшей кредит (другие ветви христианства тогда были неприемлемы к ростовщичеству). Движимые убеждением, что личное материальное благополучие, богатство есть признак праведнос-

ти и угодности Богу, и сделавшие упор на кредитной деятельности, активисты из группы «хозяев» в комфортных для экономики природных условиях Запада тяжким трудом разбогатели...

...После продолжительной борьбы идей в XIX в. на Западе пассивное большинство примкнуло к идее частного капитала как критерия богатства и общественного статуса... Кредит и банковский капитал Запада (прежде всего американский) развивался как самый близкий к цели общества демократии — стяжанию денег и стал доминировать не только у себя, но и в мире, собирая гигантский «урожай» процентов с заемщиков денег...

...Только около 10 % работоспособного населения Запада имеют очень низкие доходы или содержатся на «диете» пособия по безработице, что есть необходимое условие процветания для остальных 90 %...

...Девиз западного общества: «Традиция (национальная) — Демократия (представительная / права человека) — Капитализм»...

...Основным рычагом управления пассивной массой при демократии стал соблазн — инструмент гордого либерализма. Контроль же власти над человеком через поощрение его слабости провоцирует малодушие (цинизм, зависть, лицемерие, самолюбие, алчность), расширяет границы «дозволенного» (бессовестность, разврат, содомию). Трудозанятость и законопослушность — основные социальные достоинства. Информационные технологии («промывание мозгов») позволяют мягко насаждать стереотипы сознания и поведения, управлять «течением мысли». Общество все более подпадает под поголовный, отнюдь не либеральный контроль расходов граждан через систему расчетов по кредитным карточкам.

А вот что говорит А. Девятков [14] об идейных и этнопсихологических особенностях российского общества. По мнению автора, очень многое в развитии страны объясняется тем, что в России традиционной и устоявшейся формой конструкции власти является аристократия (при любых внешних государственно-политических формах). Общество как бы делится по критерию «знать / народ». Основной общественный инстинкт — приобщение к славе. Отношения подчинены целесообразности. Психология общинная держится на доверии людей друг к другу. Справедливость понимается как равенство. Сознание в России традиционно православно. Внутри значения «правильно славить Бога» идея право-

славия подразумевает и причастность к Божественной славе, которой удостаиваются подвижники. «Славные» у русских — это люди духовного, нравственного подвига (мученики за идею) и герои мирского служения, прежде всего среди воинства.

...Если мерить душу на душу, то православной меркой будет именно слава (в вышеуказанном смысле — Я.Л.). Если же мерить души деньгами или властью, то у русских, по словам Достоевского, возникает «не то, что зависть, тут является какое-то невыносимое чувство нравственного неравенства, слишком язвительного для простонародья» (цит. по [14]).

А. Девятков считает, что либеральные идеи реформ овладевали умами тоталитарного православного общества периодически (после смены трех, реже четырех поколений) в периоды упадка. «В традиционном сословном обществе наследуемый характер привилегий развращает высшие сословия, приводит их к духовной деградации. Неизбежно наступает застой в развитии. Вожжи страха ослабевают. В обществе возобладают идеи либерализма, которые проталкивают активные из групп наивных «мечтателей» и «святых праведников» (революционеров, диссидентов). Знать ищет выхода и, неспособная к личному подвигу ради идеи, склоняется к реформам в пользу либерализма. Пассивные трудовые сословия примыкают к либеральным идеям «союза завистников и неудачников». Происходит характерный для русских моментальный слом в никем непредвиденной резкой форме. Сословные границы рушатся. Происходит перегруппировка «пассивных» на «активных» в верхах, «хозяева» поднимаются и двигают вперед развитие. Народ, хранитель вековой коллективистской традиции и общинного духа, в своей массе не рассыпается на индивидов, а эмоционально сопротивляется насилию озападнивания. Гармония в обществе восстанавливается в старой сословной форме — «знать / народ».

В пояснение своей концепции А. Девятков указывает, что в 1917 и 1991 гг. в условиях скачков в развитии техники (соответственно, промышленной и информационной) сковывающая рывок технического прогресса аристократическая конструкция власти в России разрушалась до основания (полного краха прежней идеологии, смены идеалов) и носила характер революции: в первом случае — социалистической (открывала надежду на проявление способностей и лучшую справедливую жизнь для

всех), а в 1991 г. — либеральной контрреволюции (только для 10 % «активных») (следует помнить, что «активность» и «активные» у нас в отличие от западных стран в значительной части весьма специфичны. — Я.Л.).

В последние десятилетия существования СССР пример достигнутого благополучия богатым Западом со свободой частной инициативы на фоне ущербного монополизма и весьма скромного достатка советского хозяйства давил и на знать, и на народ комплексом неполноценности системы. На явную полноценность общества в науке и технике (космической, ядерной, авиационной, атомной, подводной), электроэнергетике, образовании, культуре закрыли глаза... Как бревно в глазу раздражали отсталость гражданских технологий и дефицит хорошего ширпотреба.

Первопричина неодинаковости результатов хозяйствования лежала и лежит, по мнению А. Девятова, не столько в различии политических систем, сколько в очевидных различиях среды обитания, жизненного пространства (холода и расстояния). Зависть к комфортным условиям Запада, желание жить («как у них там») не оправданы природой. «Однако, — продолжает автор, — партийное «дворянство» уже прогнило в привилегиях и догмах... Оно было не способно к подвигу за идеал, к целеполаганию реформ вовнутрь, на себя. Партократия стала искать выход не в опасном для ее власти снятии преград для инициативы своих активных внутри своего общества, а в контролируемой ею же либеральной перестройке с целеполаганием вовне: общечеловеческих ценностях, свободе торговли, открытом обществе, правах человека. Когда же подогреваемая Западом перестройка стала выходить из под контроля партноменклатуры, последняя раскололась. Часть перегруппировалась в новые демструктуры власти и «конвертировала власть в деньги». Наиболее активная комсомольская часть номенклатуры оседлала приватизацию государственной собственности. А «святые праведники» и «мечтатели» ушли в оппозицию» [14].

К слову о святых праведниках. К таковым в России традиционно относили альтруистов, бескорыстно отстаивающих интересы общества, при этом не подверженных всевозможным конъюнктурным расчетам (в том числе политическим) и подчеркнуто дистанцирующихся от власти.

В послесталинскую эпоху в советском обществе время от времени появлялись отчаянные головы, осмеливавшиеся выступать против партийно-бюрократической номенклатуры и управляемого ею тоталитарного государства, а также ратовавшие за развитие страны по пути передовых демократических обществ западного типа. Это были инакомыслящие или, как их стали называть на западный манер, диссиденты, большинство которых являлись обычно литераторами или представителями других гуманитарных областей деятельности.

Не случайно, начиная с периода горбачевской перестройки, в широких кругах интеллигенции резко возросли популярность и влияние некоторых диссидентов, которых стали воспринимать как пророков и духовных вождей демократических преобразований. К числу подобных фигур наиболее крупного масштаба следует в первую очередь отнести писателя Александра Солженицына. Кто, как не этот деятель — жертва коммунистического режима и ярый его противник — может быть лучшим, беспристрастным судьей неолиберальных реформ и их творцов. И вот каковы оценки выдающегося писателя-публициста: «В России к концу 90-х гг. установилось призрачно-показное существование. Как будто у нас республика со свободными выборами. Как будто «свободная пресса». Как будто все усилия правительства направлены к поднятию производства. Как будто власти напряженно борются с коррупцией государственного аппарата и разгулом преступности, но только многоизвестные коррупционеры остаются на местах, а убийцы почти никогда не найдены. Уголовный мир торжествует в России от самого начала великих реформ. Они пришли и к деньгам, и подчинили себе общественную идеологию...

Едва-едва достает где-то наша высшая наука, но гибнут ее совершеннейшие установки: нет средств даже на их поддержание...

Вся больничная медицина сверху донизу истощена в медикаментном и аппаратном запасе, она все недоступней для пациентов без больших денег и самих врачей заталкивает в последний измот...

А что не показное — это *демографическое крушение*, (выделено мною — Я.Л.) даже просто зловещее вымирание... Годовая убыль — как если бы в России бушевала Гражданская война. Такое падение численности населения не происходило нигде в

мире даже после Второй мировой войны. И по всем данным оно будет происходить и впредь. И разве наших речистых политиков это вымирание волнует? Кто из них пытался его остановить? Создать устойчивые условия бытия, в которых народ мог бы сохраниться?

Вся эта наша жизнь, как она покатилась с хапужными наживщиками, всеми средствами, внедряющими мораль: нравственно то, что выгодно. Честный труд достоин презрения, он не кормит...

И кто же властен надо всем, что совершается в стране? Сказать ли — исполнительная власть, законодатели и банкиры? Или сказать одним словом — олигархия? Во всех случаях будет ясно, что эта сплотка корыстных людей бесконечно равнодушна к судьбе подвластного им народа, и даже к тому, выживет ли он вообще или нет» [33].

«В результате ельцинской эпохи разгромлены или разворованы все основные направления нашей государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни. Мы буквально живем среди руин, но притворяемся, что у нас нормальная жизнь. Мы слышали, что у нас проводятся великие реформы. Это были лжереформы, потому что они оставили в нищете более половины населения страны. Продолжим реформы. Как это понять? Продолжим разграбление России до конца? Не дай Бог, те реформы продолжать до конца» [34].

Приведем еще несколько обобщающих оценок российского неолиберального проекта.

Очень точные (и беспощадные) оценки этому проекту даны американским историком и политологом, профессором Стивеном Козном: «Россия при Ельцине жила во многом за счет накопленных при советской системе ресурсов, от запасов капитала до работок в сфере образования, в то время как «реформы» только конфисковывали, перераспределяли и растаскивали ее собственность и другие блага. В 90-е гг. в России экономический и социальный распад нации был настолько глубок, что привел к беспрецедентному явлению — демодернизации страны в XX веке» [22].

«Когда московские «реформаторы на американской тяге», в конце концов, покинут сцену — а это так или иначе скоро произойдет, — в наследство они оставят помимо миллионов преждевременных смертей, «социальную проблему № 1» — всерос-

сийскую бедность. На заре нового тысячелетия почти половина граждан России живет за официальной чертой бедности и еще 25–30 % не поднимается выше этой черты (Robert Lyle со ссылкой на отчет всемирного банка в RFE / RL Newslain, April 29, 1999). Такое падение уровня жизни является беспрецедентным для мирного времени. И это по сути единственный «переход», имевший место в посткоммунистической России. Да, бедность существовала и в Советской России, но никогда еще в новейшее время это явление не носило такой масштабный, такой глубокий, такой отчаянный характер. И что особенно важно с политической точки зрения, никогда оно не сопровождалось такой неприкрытой коррупцией во всех эшелонах власти и таким размахом нечестного обогащения. Эта катастрофическая реальность и есть сегодня главный контекст для правдивого журнализма, значимого научного анализа и человеческой политики — неважно, русских или американских» [22].

Добавим несколько выдержек из выступлений, заявлений политиков, публицистов, партий и движений.

«Спустя десять лет реформаторства в России вряд ли найдется простак, который сомневается в истинной цели реформы, производимой в стране после наступления «демократии». Это, разумеется, присвоение группой лиц государственной собственности, бюджетных и внебюджетных средств, а также присвоение поборов с населения. Именно в результате реформ, проводимых в 90-е гг. нынешними лидерами СПС, возникли олигархи и криминальная экономика, обеспечивающая (по оценке экспертов РАН) выживание только 20 % населения страны» (писатель и публицист С. Норка) [25].

«Левые» привели Советский Союз к развалу, после чего Россией занялись «правые», и это окончилось экономическим крахом» (из программы партии «Единая Россия» [27]). Примечательно, что о вине «правых» за экономический крах говорится в программе партии, о поддержке которой на ее съезде в сентябре 2003 г. объявил президент В. Путин. Удивительно здесь то, что политику правительства, сформированного и поддерживаемого тем же В. Путиным, определяют как раз правые либералы (Греф, Кудрин и др.), причем суть этой политики ни в чем принципиально не изменилась по отношению к той, что проводилась ранее Е. Гайдаром, А. Чубайсом, Б. Федоровым, Б. Немцовым и др.

«Правые либеральные силы несут главную ответственность за результаты реформ, которые проводились в предшествующее десятилетие. Была утрачена возможность технологического прорыва, значительная часть интеллектуального, культурного и технологического потенциала страны. И при этом общество не услышало анализа ошибок — от грабительской приватизации до дефолта 1998 г.» (Заявление Социал-демократической партии России, июнь 2003 г.) [15].

Политолог Сергей Кара-Мурза [20] обращал внимание на то, что «и в нашей, и в западной науке было достаточно расчетов, свидетельствующих о том, что затеянный в России эксперимент, обречен на неудачу. Есть порог «богатства», при котором только и может возникнуть рыночная экономика. До его достижения хозяйство надо вести по принципу семейного, натурального. Мы можем выйти на свободный рынок, лишь исключив огромную часть населения из числа потребителей. Часть народа, оказавшаяся снизу, при такой системе должна попросту вымереть. Нет, не с голода, а от несправедливости жизни. Люди могут пережить любой стресс — войну, стихийное бедствие, материальные лишения — при условии, что он конечен. Народ терпит реформу в надежде, что и она когда-нибудь завершится, но, если это путь в никуда, ждать нечего. Человек умирает следом за надеждой на перемены к лучшему».

Совершенно несостоятельны надежды приверженцев продолжения неолиберального курса на то, что западные страны станут инвестировать развитие нашей экономики, как только убедятся, что мы покончили с социализмом. Инвестиции в Россию если и пойдут, то строго выборочно — в отрасли, которые будут работать на Запад.

Член-корреспондент РАН Сергей Глазьев обозначил вариант развития страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе при сохранении статус-кво нынешней ультралиберальной политики и криминально-олигархической экономики: «Страна стабилизируется в качестве сырьевой периферии мирового рынка, где будут господствовать транснациональные корпорации. Наукоемкой промышленности практически не будет. В Россию будут инвестировать ровно столько, сколько нужно для поддержания добычи сырья» [10].

Очень похоже обрисовал стратегические планы (обычно не афишируемые) очень влиятельной части западной элиты в отношении нашей страны последний глава правительства Советского Союза Валентин Павлов в одном из интервью: «Никто из-за рубежа не собирается кормить 150 млн чел. Для выполнения функций, которые отводятся России, достаточно и трети жителей. А остальное население должно исчезнуть, и исчезнет, если мы будем идти по выбранному пути» [26].

О том, что это не досужие домыслы, можно судить по высказываниям некогда очень влиятельных лидеров Запада (а открыто высказаться они себе позволили, поскольку больше не связаны официальными должностями и неписаными правилами государственной дипломатии). Такого рода высказывание в свое время сделала бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, причем его охотно подхватили и повторяют западные политологи. По словам госпожи Тэтчер, с точки зрения экономической целесообразности России необходимо иметь не более 15 млн чел. [17]. Подразумевается, что это должны быть люди, которые обеспечивали бы ресурсами Запад — не более того. Т.е. эти люди не владели бы богатствами недр, не развивали бы науку, не разрабатывали новые технологии. Зачем? Западу не нужны лишние конкуренты [там же].

В завершение характеристики неолиберального проекта и для большей полноты картины приведем предметное и весомое, на наш взгляд, суждение С. Валянского и Д. Калюжного [4]: «Либерализм — это не более чем попытка развитых стран установления колониальных взаимоотношений с менее развитыми странами. Ни в США, ни в Англии — главных апологетах либерализма — нет свободного рынка. Так или иначе государство вмешивается в экономику и играет в ней не последнюю роль. Почему? Да потому, что чисто рыночные отношения — это неуправляемая стихия. Поэтому просто дикостью выглядит утверждение, будто сложная динамическая система с целым спектром возможных стационарных состояний, развиваясь хаотически, непременно попадет в одно из наперед заданных состояний и «удовлетворит потребности общества». Если бы так, в лотерею выигрывал бы каждый по три раза на дню.

Определить, в какую «точку» должна прийти экономика и каков должен быть путь, может только государство. Направлять экономику в нужном для страны направлении — вот основная его задача. Более того, если даже система и попадет случайно в нужную точку, удержаться в ней без помощи государства она не сможет.

Так что все разговоры о всесильной «невидимой руке» рынка, о его «самоорганизации» — просто из области ненаучной фантастики».

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 5

1. *Антонов М.* Капитализму в России не бывать! / М. Антонов. — М: Яуза, Эксмо, 2005. — 672 с.
2. *Батчиков С.Л.* Больной перед смертью потел / С.Л. Батчиков // Трибуна. — 2002. — 22 января. — С. 3.
3. *Бердяев Н.* Философия свободы / Н. Бердяев. — Харьков: Фолио; М.: издательство АСТ, 2002. — 736 с.
4. *Валянский С.* О Западе, который пыжился, пыжился, а Россия сама по себе / С. Валянский, Д. Калужный. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 541 с.
5. *Гайдар Е.Т.* Чтобы не было бедных / Е.Т. Гайдар // ЛГ. — 1993. — 3 января.
6. *Гайдар Е.Т.* Беседы с избирателями / Е.Т. Гайдар. — М.: Евразия, 1995.
7. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед / Е.Т. Гайдар // Сегодня. — 1996. — 23 октября.
8. *Гайдар Е.Т.* Аномалии экономического роста / Е.Т. Гайдар. — М.: Евразия, 1997.
9. *Глазьев С.* Экономика с Грефом пополам / С. Глазьев // Трибуна. — 2000. — 7 июня. — С. 3.
10. *Глазьев С.* Последний штурм олигархов / С. Глазьев // АиФ. — 2002. — № 42. — С. 3.
11. *Глазьев С.Ю.* Белая книга. Российские экономические реформы 1991–2001 гг. / С.Ю. Глазьев, С.Г. Кара-Мурза, С.А. Батчиков. — М., 2004.
12. Государство и олигархия: Доклад Совета по национальной стратегии / С. Белковский, И. Дискин, С. Марков и др. — 2003. — <http://www.sakharov.ru/filrs/oligarkh.htm>.

13. *Гундаров И.А.* Сага о смысле жизни / И.А. Гундаров // Трибуна. — 2000. — 9 августа.
14. *Девятков А.* Китайский прорыв и уроки для России / А. Девятков, М. Мартиросян. — М.: Вече, 2002. — 400 с.
15. Заявление Социал-демократической партии России / Спец. выпуск. // НГ. — 2003. — 16–18 июня. — С. 2–4.
16. *Зиновьев А.А.* Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 431 с.
17. *Ивашов Л.Г.* Россия: туз или шестерка? / Л.Г. Ивашов // Трибуна. — 2002. — 27 марта.
18. *Кагарлицкий Б.* Переход прогноза в диагноз / Б. Кагарлицкий // НГ. — 2000. — 12–15 октября.
19. *Кагарлицкий Б.* Тупик русского пути / Б. Кагарлицкий // НГ. — 2000. — 4–10 мая.
20. *Кара-Мурза С.* Запаса прочности у России осталось на 5 лет / С. Кара-Мурза // КП. — 2003. — 17 июня. — С. 12–13.
21. *Кара-Мурза С.Г.* Антисоветский проект / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 416 с.
22. *Коэн Стивен.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России: пер. с англ. / Стивен Коэн. — М.: АИРО–ХХ, 2001. — 304 с.
23. *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма / С. Меньшиков. — М.: Международные отношения, 2004.
24. *Немцов Б.* / Б. Немцов // КП. — 1997. — 29 июля.
25. *Норка С.* Грозит ли России возврат к олигархическому капитализму? / С. Норка // Трибуна. — 2001. — 22 июня. — С. 6.
26. *Павлов В.С.* К старому возврата больше нет / В.С. Павлов // Трибуна. — 2000. — 16 августа.
27. «Партийность» президента? // КП. — 2003. — 25 сентября. — С. 8.
28. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка / А.П. Паршев. — М.: Крымский мост–9д, «Форум», 2000.
29. *Петраков Н.* Направо пойдешь — олигархов найдешь / Н. Петраков // Трибуна. — 2001. — 28 декабря.
30. *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности. Вопросы управления сложными системами / И.В. Прангишвили. — М.: Наука, 2003.

31. Русь-тройка с минусом (академик Заславская дает оценку событиям, произошедшим за последние 20 лет) / Т. Заславская / НГ. — 2005. — 28–30 марта. — С. 21.
32. *Сапир Жак*. Российский крах / Ж. Сапир. — М., 1999.
33. *Солженицын А.* Россия в обвале / А. Солженицын. — М.: Русский путь, 1998.
34. *Солженицын А.* Чем нам оставлено дышать? / А. Солженицын // НГ. — 2000. — 11–14 мая.
35. *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945–1991) / А.П. Шевякин. — М.: Вече, 2003. — 464 с.
36. *Шляпентох В.Э.* От чего рушатся колоссы. Попытка объективного анализа / В.Э. Шляпентох // СОЦИС. — 2000. — № 2.

Глава 6

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

6.1. КАКАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРИГОДНА ДЛЯ РОССИИ?

Итак, неолиберальная (ультралиберальная) доктрина и механизм ее реализации в России показали свою полную несостоятельность. Поэтому в попытках ответить на сакраментальный российский вопрос «что делать?» очевидно, требуется начать прежде всего с радикального изменения идеологии реформ. По сути это означает, что нужны поиск и выбор альтернативы неолиберализму.

Как мы уже отмечали ранее, выбор стратегии развития должен, на наш взгляд, обязательно учитывать особенности российского общества: историко-культурные, этнодемографические, социально-психологические, ментальные и др.

Американский социолог В.Э. Шляпентох [23] отмечает, что российское общество многими исследователями рассматривается и оценивается с позиций системно-интеграционного подхода, т.е. как единая система, в которой все социальные, экономические и политические институты слаженно взаимодействуют на базе единой культуры и идеологии. Такой подход В. Шляпентох считает ошибочным, т.к. по его мнению, — это общество с неоднородной социальной структурой и правильное его понимание возможно только с позиций так называемого сегментного или партикуляристского подхода, применяемого к обществу, не интегрированному на глубинном уровне, а расчлененному на сегменты, каждый из которых имеет свою собственную культуру, свои системы ценностей и норм и т.д. Эти сегменты существуют, взаимодействуют в рамках одного государства, следовательно, социальная система по своему устройству напоминает экологическую систему, в которой ее элементы приспособляются к

поведению друг друга, но без интеграции на основе общих норм и ценностей.

В.Э. Шляпентох выделяет в российском обществе четыре слоя (социальных сегмента):

1) олигархический слой или рентоискатели. Феномен «поиска ренты», связанного неразрывно с коррупцией, встречается во всем мире, но в России он принял огромные масштабы;

2) авторитарный слой, или «рентодаватели» (т.е. бюрократия, госчиновники. — Я.Л.). При «сильном» укладе власти высший руководитель страны (лидер) способен контролировать бюрократию, при «слабом» — лидер находится в зависимости от бюрократии с соответствующими последствиями. Шляпентох считает, что для слабого российского авторитаризма (при сильном авторитаризме в провинции) характерно пренебрежение к институтам демократии, но особенно — разрастание сети рентодавателей, которые распределяют привилегии олигархам;

3) криминальный слой включает в себя организованную преступность и теневую экономику, на долю которой приходится от 30 до 40 % ВВП;

4) либеральный слой — та часть населения, которая верит в победу демократии и рыночной экономики (на наш взгляд, название и характеристика этого слоя наименее удачны и точны — Я.Л.). Ядро либерального слоя составляют демократические институты (парламент, независимый суд, свободные СМИ) и рыночные институты (частная собственность, конкуренция). По опросам большинство населения страны поддерживает демократические ценности. Но по своей роли и влиянию на жизнь общества либеральная Россия самая слабая.

По мнению В. Шляпентоха, в западных странах господствует либеральный сектор при существенной роли олигархии, а в современной России аномально велика роль олигархического и криминального слоев. Люди, которые осуществляют целиком свою деятельность и решают задачи исключительно в границах сегмента, составляют ядро этого сегмента. Деятельность прочих помимо основного для них сегмента может распространяться в большей или меньшей степени и на другие сегменты (многие одновременно действуют в легальной и теневой экономике).

В.Э. Шляпентох склонен согласиться с теми, кто считает, что либеральная, западная модель для России, по крайней мере, в

настоящее время не годится, и лучшее, на что можно рассчитывать, это просвещенный патриотический авторитаризм, который при минимальной роли либеральных институтов будет находиться в состоянии постоянной войны с олигархическим и криминальным укладами.

Один из наиболее крупных и компетентных специалистов по проблемам России, профессор Стивен Коэн (США) следующим образом оценивает идеологию российских реформ и роль деятелей Запада в ее формировании: «В отличие от модных экспертов, актуальных лишь в течение одного политического сезона, подлинными специалистами по России должны искать свои ответы на вопросы и, что не менее важно, не бояться задавать эти самые вопросы, даже если они звучат немодно... Начать здесь следует с истории... Если бы молодые транзитологи (специалисты по переходной экономике. — Я.Л.) и журналисты знали больше о том, что происходило в России до 1991 г., они бы поняли, что Россия, как подметил один российский реформатор, не может выскочить из своей истории, подобно тому, как мы не можем выпрыгнуть из своей кожи... Они были бы озабочены тем, что «шоковая терапия» и другие меры, осуществляемые на американские деньги, только усиливают некоторые из худших российских традиций. Наконец, они не стали бы так безумно отмечать альтернативные способы реформирования России, так называемый «третий путь», отличный и от ортодоксального советского коммунизма, и от догм американского крестового похода. Мало того, оглядываясь назад, они обязательно задались бы вопросом о более продуктивных и менее дорогостоящих возможностях, которые были упущены с распадом Советского Союза в 1991 г.» [12].

Стивен Коэн считает, что одна альтернатива из прошлого уже стоит в повестке сегодняшнего и завтрашнего дня посткоммунистической России: «Дело в том, что настойчивое желание американских крестоносцев видеть российскую экономику полностью приватизированной и функционирующей по законам «свободного рынка», противоречит российской традиции. И до, и после 1917 г., за исключением полувекового отрезка 1929–1986 гг., на который приходится господство аномальной сталинской командной системы, в России было то, что русские называют «смешанным укладом экономики. Он характеризуется *сосуществованием в условиях рынка двух секторов — государственного и част-*

ного. Государство при этом оказывает существенное влияние на рынок, но не управляет им (выделено мною. — Я.Л.). Сами русские, когда их спрашивали об этом, начиная с конца 80-х гг., неоднократно отдавали предпочтение именно «смешанной экономике» [там же].

В поисках национальной идеи и парадигмы развития (особенно когда становится ясно, что же для России не годится и даже противопоказано) весьма полезно обратиться к положительному опыту стран, сумевших добиться больших успехов как в развитии экономики, так и построении социального государства. При этом для нас особенно важно, чтобы этот успешный опыт базировался не на либеральной (тем более ультралиберальной) доктрине и в то же время отвечал критериям демократического общества (не следует, как это нередко делают либералы, ставить знак тождества между демократией и либерализмом).

Таким примером для России Борис Панкин, писатель и дипломат, считает шведскую социально-экономическую модель, так как, имея опыт работы послом в этой стране, хорошо знаком с «историей вопроса» [17, 18]. Говоря о шведском феномене, Б. Панкин напоминает, что в первые десятилетия XX в. Швеция находилась в положении, которое мало отличалось от современных наших реалий. В стране свирепствовали нищета, безработица, пьянство, от которого нация просто погибала (сейчас такое странно слышать, но это факт). Пришедшие к власти социал-демократы задались целью вытащить страну из ямы, где она оказалась. В 1932 г. премьер-министр Пер Альбин Ханссон объявил программой строительства Народного дома: «Мы не стремимся ввести диктатуру рабочего класса, не собираемся старое угнетение заменить новым. Мы стремимся к ликвидации классов (не о том ли мечтали и классики марксизма? — Я.Л.) и превращению Швеции в добрый дом для всех шведов» [там же]. С самого начала тактика развернутых реформ была щадящей для народа: никакие меры правительства не должны ухудшать жизнь населения (вот одно из основных различий между шведскими реформаторами и нашими «шоковыми терапевтами». — Я.Л.).

Главным принципом преобразований стало последовательное движение вперед от худшего к лучшему, а не так, как декларировали российские либерал-реформаторы: пусть нам сейчас будет хуже, зато потом станет лучше. Для того, чтобы даже наи-

менее обеспеченные люди могли реализовать право иметь все для достойного образа жизни, был введен прогрессивный подоходный налог, суть и цель которого — взять у богатых больше, у бедных меньше, а вернуть — в виде социальных благ в обратной пропорции — бедным больше, богатым меньше (это один из важных элементов механизма государственного перераспределения доходов, недопущения чрезмерного разрыва в уровнях жизни населения). Шаг за шагом социал-демократическое правительство брало под свою опеку среднее и высшее образование, систему дошкольных учреждений, здравоохранение, пенсионную систему, биржи труда, другие виды и формы социального страхования и поддержки нуждающихся, которые становились все разнообразнее и щедрей [17].

Борис Панкин говорит о том, что сегодня даже буржуазные партии западных стран придерживаются идеи социальной справедливости, и цитирует слова лидера одной из таких партий: «Если мы хотим, чтобы общество стало добрее и мягче, мы должны позаботиться о тех, кто разочарован и у кого нет мегафона в руках, чтобы заявить о себе» [18].

Вскрывая антисоциальную подоплеку российских либеральных реформ, Б. Панкин продолжает сравнения: «Почувствуйте разницу: наши реформаторы сразу бросились сокращать даже те куцые социальные блага и выплаты, которые существовали при советском строе. А создатели шведского Народного дома, споря с монетаристами, поступили наоборот: сделали ставку как раз на социальные услуги и выплаты. При том, что экономическая ситуация была не более отрадной, чем у нас».

Но, конечно, лучшей характеристикой государственной политики и любой реформы является ее результат, то, как она выдержала проверку временем. Одна из беднейших стран Европы на старте прошлого столетия, Швеция в течение двух-трех десятилетий превратилась в одну из самых преуспевающих в мире. С самым минимальным в мире разрывом между богатством и бедностью. Это продукт ученых умов, таких, как Джон Кейнс и Гуннар Мюрдаль, политиков, как Таге Эрландер и Улоф Пальме, самого влиятельного в мире рабочего движения и его социал-демократической партии [17].

А вот в дополнение сказанному о Швеции, еще одна красноречивая деталь, показывающая, как это социальное государ-

ство заботится о своем будущем, выбирая подходы к решению такой острой демографической проблемы как низкая рождаемость. В начале 2000-х гг. в предвыборной борьбе премьер-министр, социал-демократ предложил прибавлять по сотне крон к тем 950, которые получает в виде пособия семья после рождения ребенка. Его основным оппонент, лидер консерваторов, с той же целью поощрения рождаемости предложил уменьшать для таких семей сумму подлежащего налогообложению годового дохода на 15 тыс. крон [18].

Обобщенно характеризуя шведский феномен и обусловившую его парадигму развития, Б. Панкин дает такую дефиницию: «Гражданское общество в действии, работающее партнерство между трудом и капиталом, мощная всепроникающая система социальной защиты, опора на закон в большом и малом, разумный коллективизм, объявление безработицы врагом номер один — вот что такое шведская модель» [там же].

Какие же конкретные меры может и должно предпринять руководство страны для выхода из кризиса, если оно, конечно, признает сложившуюся при Ельцине и остающуюся поныне неизменной в своей основе модель социально-экономической системы пагубной для страны, ее будущего, а также не на словах, а на деле возьмет курс на построение социального государства.

Здесь мы обратимся к предложениям специалистов, взгляды которых близки к идеям шведских социал-демократов, создавших государство, занимающее сейчас самые передовые мировые позиции в развитии человеческого потенциала.

Внесение радикальных изменений в идеологию реформ, стратегию развития страны возможно лишь при достаточном финансовом обеспечении. В связи с этим одной из ключевых является проблема скудности российского бюджета. В результате носившей антинациональный характер приватизации самых эффективных и доходных частей госсобственности государство лишилось какой бы то ни было возможности нормально финансировать (а, следовательно, и развивать) образование, науку, оборонно-промышленный комплекс и т.д. «Но даже в сложившейся таким образом экономической системе, — считает С. Глазьев, — у нас под рукой есть колоссальные источники доходов, которыми государство не пользуется. Это и рентные доходы, и доходы от оборота алкоголя, и доходы ЦБ, других крупных госмонополий. У государства бук-

важно под руками валяются колоссальные средства, принадлежащие ему по праву, но которые оно не берет, поскольку обслуживает интересы крупного капитала. Государство выращивает олигархию, а олигархия управляет государством. Вот главная причина бюджетного кризиса» [4].

Самое удивительное то, что нетерпимая и постыдная ситуация с массовой бедностью и нищетой существует в стране при том, что, согласно данным ООН, по величине национального богатства Россия держит абсолютно первое место в мире. Национальное богатство состоит из трех компонентов: природных ресурсов (полезные ископаемые, леса и т.д.), средств воспроизводства (промышленные предприятия, коммуникации, трубопроводы и т.д.), человеческого капитала (рабочая и интеллектуальная сила). Доля национального богатства, приходящаяся на каждого россиянина, составляет 400 тыс. долл., на граждан США и Канады — по 326 тыс. долл., на европейца — 237 тыс. долл. Если же брать только природные ресурсы, то различия поражают: в России стоимость этих богатств — по 160 тыс. долл. на человека, в США — по 16 тыс. долл., в Западной Европе — по 6 тыс. долл. [13].

«Наш национальный бюджет стал работать, как насос, перекачивающий налоговые доходы в карманы финансовых спекулянтов. Вместо того чтобы быть инструментом развития, экономическая бюджетная политика ведет к сокращению спроса в экономике и оказывает на нее депрессивное воздействие. Экономисты выполняют заказ олигархии, которая не хочет нести социальной ответственности, не хочет платить налогов, боится социального государства и государственного регулирования экономики. На самом деле, согласно международной статистике, доля государства в расходах валового внутреннего продукта постоянно растет. Если в начале XX в. она была 15–20 %, то к концу столетия в Европе эта цифра достигла 50 %. Это не говорит о том, что государство занимается благотворительностью. Государство обеспечивает макроэкономическую стабильность, социальную стабильность, национальную безопасность, поддержание единого экономического пространства и развитие инфраструктуры. И, самое главное, государство стимулирует развитие экономики» [3, 4].

Профессор Стивен Коэн, ссылаясь на данные социологических исследований, приходит к выводу, что подавляющее боль-

шинство россиян отдают предпочтение смешанному типу экономики, который он характеризует следующим образом: «Свобода частного рыночного предпринимательства в соединении с характерными чертами советской системы, включая гарантию занятости, некоторое регулирование и дотирование потребительских цен, разветвленную систему социального обеспечения и государственную собственность на ряд жизненно важных отраслей хозяйства. Иными словами, большинству россиян милее идеалы европейской социал-демократии, нежели «условия» американского крестового похода (осуществляемого под знаменем воинствующего ультралиберализма. — Я.Л.). Попытка навязать им любой другой тип экономики, как это было сделано в 90-е гг., неизбежно будет иметь отрицательные последствия, прежде всего для демократии. Провал идеи «свободного рынка» в России, ставший очевидным к концу десятилетия, только упрочил общественные надежды на смешанную экономику». Сегодня это — программное положение почти всех значительных партий в России [12].

После вакханалии «дикой» приватизации 90-х гг. государство (в лице Путина) пока противится раздроблению и распродаже «Газпрома». Не спешит оно и с допуском частных групп в военную индустрию. Эти области президент и близкая к нему высшая государственная бюрократия старательно оставляют за собой, также как и алмазную индустрию, часть банковской сферы, железнодорожный транспорт и т.д. [16]. С. Меншиков считает, что если барьеры для окончательной приватизации этих сфер будут сломлены, то от модели смешанной экономики, которую многие видные экономисты считают оптимальной для поздней индустриальной и постиндустриальной эры, не останется и следа [там же].

Итак, принимая во внимание доводы, выдвигаемые самыми разными деятелями, которых объединяет неприятие неолиберальной (ультралиберальной) модели (нанесшей стране колоссальный ущерб), следует признать, что *чаяниям и потребностям российского общества лучше всего отвечает модель смешанной экономики и социально-экономической системы, в основе которой лежат социал-демократические принципы.*

В поисках путей и методов создания искомой модели экономики желательно сформулировать понятие «национальной эко-

номической доктрины» как научной или философской теории, руководящего теоретического или политического принципа.

По-видимому, для основы новой российской экономической доктрины подходит разработанная одним из основоположников современной западной школы экономики Джоном Мейнардом Кейнсом экономическая теория, получившая известность как кейнсианство. В основе последней лежит механизм государственного регулирования рыночной экономики, сочетающий три вида собственности: частную, коллективную и государственную. В свое время принципы и методы кейнсианства были положены президентом США Франклином Рузвельтом в основу своей политики «Нового курса», что позволило преодолеть глубокий кризис и в дальнейшем обеспечило мощный рост американской экономики.

Всемирно известные американские экономисты С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи отмечают, что экономические системы всех промышленно развитых стран являются смешанными, и в этих странах огромную роль в экономической жизни играет государство, регулирующее распределение ресурсов [21]. Что касается так называемой экономики свободного рынка, то в ней государство не играет никакой роли в распределении ресурсов (ультралиберализм). Указанные авторы называют это крайним случаем и считают данную модель нереалистичной (как и полностью командную экономику без рынков, нигде в чистом виде не существующую).

Весьма поучительным является то, что американцы, всячески навязывавшие российским реформаторам рецепты монетаризма, неограниченной экономической свободы, вовсе не стремятся им следовать у себя в стране, но зато используют кейнсианские методы. Гавриил Попов показывает, как это делает президент Дж. Буш, который, не просто сокращает налоги на малый бизнес (мера либерализма), а делает это только с условием, что сэкономленные при этом предпринимателем деньги идут на инвестиции [19].

Уже упоминавшиеся нами экономические меры шведских властей по стимулированию рождаемости также являются по существу кейнсианскими.

Элементы социал-демократической доктрины содержатся, как уже отмечал С. Коэн, в программных документах ряда российс-

ких партий — от левых (КПРФ) до либерально-демократических («Яблоко»).

В разработанной РДП «Яблоко» «Хартии новой демократической коалиции» в качестве основных целей обозначено построение в России демократического правового государства, цивилизованной современной рыночной экономики европейского типа, гражданского общества, справедливой системы социальной защиты [22].

Программными целями Социал-демократической партии России (СДПР) являются новый социальный контракт между человеком, обществом и государством, новое качество жизни, соответственно которым предлагается следующая структура политических приоритетов: человек, семья, здоровье и безопасность, образование и наука, культура и просвещение, среда обитания [7]. Социал-демократы требуют вернуть государство в социальную сферу выполнения им его социальных функций.

6.2. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Научным коллективом, возглавляемым академиком РАН Д.С. Львовым, проведено очень важное исследование с целью выявления каналов, по которым происходит основная «утечка» из казны общественного дохода [14]. Было показано, что главным каналом такой утечки является нынешняя налоговая система. Это утверждение исследователи обосновали сравнительными расчетами доли (вклада) одних и тех же факторов в нераспределенной чистой прибыли, с одной стороны, и в налоговых доходах — с другой. Установлено, что на долю ренты в нераспределенной чистой прибыли приходится около 75 % общего прироста совокупного дохода России. Вклад труда в 15 раз, а капитала — примерно в 4 раза меньше (рис. 6.1).

В структуре же налоговых доходов соотношение этих факторов совершенно другое, являясь в действительности «перевернутым» отображением структуры чистой прибыли. Главной составляющей налогооблагаемой базы в действующей системе налогов является отнюдь не рента и даже не капитал, а труд, точнее — фонд оплаты труда. Так осуществляется калькулирование издержек производства, так рассчитывается прибыль. От этой базы идут начисления на социальные нужды. В конечном счете от фонда

оплаты труда зависит и объем начисляемого НДС и т.д. В итоге на долю трудовой составляющей приходится не менее 70 % от общей величины налоговых доходов (рис. 6.2). Это означает, что вклад рентной составляющей в бюджетные поступления оказывается в 5,5 раза меньше, чем труда! Следовательно, **фактор производства, вносящий наименьший вклад в народнохозяйственную перераспределенную прибыль — труд — несет на себе основную тяжесть бюджетной нагрузки, обеспечивая таким образом львиную долю бюджетных, т.е. общенациональных расходов!**

Такое положение ненормально. Д.С. Львов призывает избавиться от искажающего влияния факторов производства, учитываемых в налоговой системе. Резкое завышение налоговой нагрузки на труд создает дополнительные предпосылки к сокращению рабочих мест, росту безработицы, примерно вдвое увеличивает затраты на производство и цены на отечественную продукцию, искусственно снижая тем самым ее конкурентоспособность. В рамках такой налоговой системы никогда не будет ощутимого роста накоплений. Поэтому нужно сократить обложение труда, снизить отчисления с прибыли, убрать НДС, снизить, а в последующем и вообще отказаться от отчисления предприятий на социальные нужды и т.д. Тогда наша продукция будет намного дешевле, появятся стимулы к созданию новых рабочих мест, резко возрастет конкурентность отечественных товаров [там же].

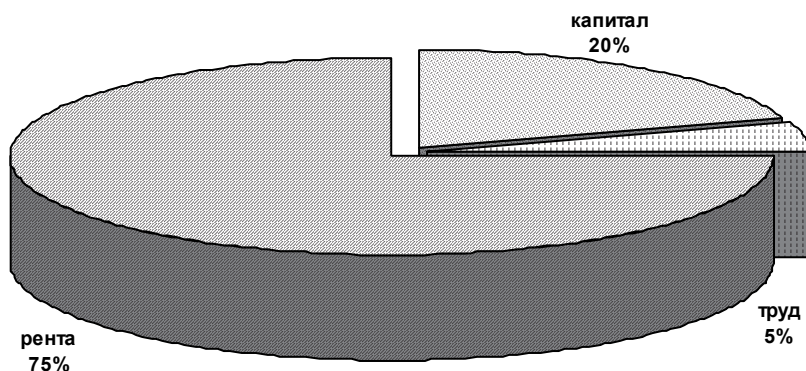

Рис. 6.1. Структура общего прироста совокупного дохода (чистой прибыли).

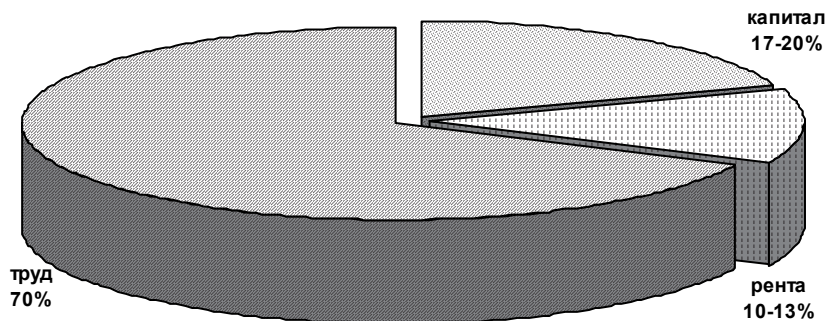

Рис. 6.2. Формирование доходов на основе действующей налоговой системы.

В связи с вышеизложенным, Д.С. Львов считает, что покрыть недостающую часть государственных расходов на общественные нужды и реально поднять благосостояние нашего народа можно за счет ренты от использования природных ресурсов, и наглядно обосновывает это следующим образом. Если из совокупного дохода России вычесть понесенные при этом затраты, получим общенациональную чистую прибыль. Из последней, как было показано выше, всего 5 % у нас создаются трудом, еще 20 % — капиталом, а остальные 70–75 % — это доходы от прямого природного пользования недрами. Т.е. это не результат приложения человеческих сил и ума. Это то, что даровано природой всему нашему обществу. И эти три четверти доходов страны должны принадлежать всему населению страны, а не только тому, кто добывает природные ресурсы. По оценкам Д.С. Львова, природная рента может принести в госказну 50–60 млрд долл. в год — практически второй бюджет страны [13].

Сказанное выше не прокоммунистические измышления, а объективная реальность в целом ряде развитых (капиталистических!) стран. В Норвегии, арабских странах у нефтяников изымается до 90 % сверхприбыли, в Англии — 95 % [5, 11]. При этом нефтяные компании получают нормальную прибыль, как и от других видов бизнеса.

Те же, упомянутые выше, страны дают, кстати, поучительный пример разумного распоряжения рентными доходами. В Норвегии эти доходы идут на специальный счет будущих поколений. На эти деньги там развивают другие отрасли, науку, медицину. Примерно то же самое — на Аляске, в Кувейте [13].

В случае введения у нас подобной практики, т.е. переноса основной тяжести бюджетной нагрузки на природную ренту, недостающий объем государственных расходов может быть обеспечен введением дополняющей рентные платежи системой налогов — на имущество, на сверхдоходы богатых граждан и т.п. При таком подходе все окажется на своих местах — налоги не будут «душить» производство, а рента станет на деле главным источником покрытия общественно значимых социальных потребностей [14].

Доказывая правомерность и необходимость для России вышеописанного подхода, Д.С. Львов особо подчеркивает следующее обстоятельство: «нас не должно смущать, что налогозамещающей системы рентных платежей нет на Западе. Она там и не могла появиться, поскольку право частной собственности на землю является «священной коровой» западного мира. Поэтому он оказался не способным разрешить глобальное противоречие между социальным миром человека и неравенством базовых условий его жизнедеятельности. Этого противоречия не замечают (или делают вид, что не замечают) наши реформаторы» [там же].

Еще один крупнейший источник пополнения государственного бюджета — пресечение незаконного вывоза капитала за рубеж. «Подавляющая часть вывозимых капиталов, по имеющимся оценкам, — это деньги, украденные у акционеров, украденные у государства в форме неуплаты. Деньги уходят за границу прежде всего не для того, чтобы их там выгодно вложить, а для того, чтобы их там «отмыть». В основном это капиталы нелегального происхождения. И все должны понимать, что вывоз капиталов есть следствие чудовищной криминализации российской экономики. «Отмытый» капитал в ряде случаев возвращается в Россию, но используется в основном в спекулятивных операциях для извлечения сверхприбылей» [3].

Оппоненты российских либерал-реформаторов считают, что нынешняя основа экономических реформ построена на догмах, навязанных Международным валютным фондом (МВФ). Смысл их прост: необходимо расчистить экономическое пространство России для свободного движения международного капитала. Сам же МВФ не ставит, и никогда не ставил своей задачей рост российской экономики [3, 4].

По мнению многих экономистов, требует своего законодательного решения проблема ценовой политики и регулирова-

ния цен, чтобы отладить механизм добросовестной ценовой конкуренции и позволить антимонопольным органам реально пресекать случаи сговора по искусственному завышению цен. Огромную важность этой проблемы С. Глазьев обрисовал на следующем примере: за десятилетие реформ цены на энергоносители в пять раз опередили рост цен на готовые промышленные изделия и в десять раз — на сельхозтовары. Отсюда и разорение отечественного АПК, производители просто-напросто остались без оборотных средств. Поэтому монополии надо обязательно контролировать [там же].

Сергей Глазьев называет наивными представления близких к президенту и правительству экономистов (Илларионова, Грефа), призывающих к сокращению государственных расходов, что якобы необходимо для поддержания темпов развития страны. Ведь эти деятели «почему-то никогда не касаются огромных государственных расходов на оплату многократно завышенных процентов по невозвращенным государством долговым обязательствам. В грефовой стратегии развития государства до 2010 г. приводились чудовищные цифры: на обслуживание долга планировалось направить до половины бюджетных поступлений. Одновременно предполагалось «обнулить» расходы на инвестиции, стимулирование экономического роста, повышение конкурентоспособности экономики, что по сути являлось ликвидацией социальных гарантий» [3].

С.Ю. Глазьев, эксперты Аналитического управления Аппарата Совета Федерации указывают на настоятельную необходимость развития экономики, основанной на применении методов научного прогнозирования и индикативного планирования: «Страна вот уже десять лет вообще живет без руля и ветрил: никаких целей и приоритетов, слышим только одно слово — рынок. Экономическая же политика потеряла всякий смысл. Содержательных целей не ставится, приоритеты не реализуются» [4]. Между тем индикативное планирование (процесс формирования системы параметров — индикаторов, достижение которых определяет меру государственного воздействия на социальные и экономические процессы) в развитых странах является средством реализации социально-экономической политики государства. В качестве индикаторов, обозначающих достижение важнейших макроэкономических целей государства (обеспече-

ние роста ВВП, снижение инфляции и безработицы, достижение равновесия платежного баланса), используются показатели, характеризующие динамику, структуру, эффективность экономики, занятость, уровень жизни народа [8]. Широко применяют индикативное планирование Япония, Китай, Франция. Индикативное планирование в современных условиях органично соединяет концепции экономической и промышленной политики государства, прогнозы функционирования экономики, государственные программы, объемы государственных капитальных вложений и на этой основе обеспечивает взаимосвязь государственных и региональных программ, а также регламентирует процессы управления госпредприятиями и регулирования рыночных структур [там же].

Мы полностью согласны с мнением, что **социальная ориентация экономики** — это не вопрос выбора, который власть может сделать или не сделать, а **жесткая необходимость** в любом обществе, где признаны такие следующие цели:

- подчинение производства и экономики в целом интересам развития людей;
- все возрастающее удовлетворение социальных потребностей путем реализации функций государства по перераспределению национального дохода через государственный бюджет;
- уменьшение социально-экономической дифференциации, гарантирование для каждого члена общества достаточного для достойной жизни минимума материальных благ при относительном и абсолютном возрастании доли среднего слоя [1, 8].

Еще одна важнейшая проблема — это коренное изменение отношения к роли труда в парадигме социально-экономического развития страны.

Д.С. Львов отмечает, что в процессе реформ у нас произошла либерализация и товаров, и услуг, за исключением одного очень важного фактора — труда [15]. Оценкой труда является заработная плата. Сегодня в нашей экономике образовалась диспропорция: низкая заработная плата наемного работника обменивается на продукцию и услуги, цены на которые за последние годы приближаются к мировым, а в отдельных случаях их пре-
взошли.

В последние годы в себестоимости продукции доля зарплат составляет всего 7–10 %, в то время как в большинстве стран

– 60–80 % [10]. Т.е. в развитых странах с нормальной рыночной экономикой самым дорогим является живой труд. В процессе же проведения российских реформ системы и формы заработной платы все в меньшей мере стали выполнять основные экономические функции: воспроизводственную и материального стимулирования. Экономика по сути лишилась одного из самых мощных инструментов повышения эффективности производства товаров и услуг. Такая политика, считают эксперты аппарата Совета Федерации, пример экономической ловушки, в которую попадает общество, сокращая социальные расходы, в том числе на оплату труда. «Экономика дешевого работника» ведет к деградации не только работника, но и самой экономики [8].

Указанная политика нанесла особенно большой урон государственным секторам хозяйства, в частности интеллектоемким (наука, образование, здравоохранение, машиностроение, химическая промышленность и др.), где уровень оплаты труда гораздо ниже, чем в частном секторе. Это привело к существенному снижению творческого и человеческого потенциала в целом, поскольку из госсектора, в том числе и из науки, стали уходить работники, как правило, со сменой профессии и на менее квалифицированную работу, что затрудняет их последующее возвращение, т.к. квалификация быстро утрачивается. Тем более профподготовка указанных лиц превратилась по сути в чистый убыток для государства.

Сотрудник Института проблем занятости РАН Е.В. Галаева считает необходимым упорядочить систему заработной платы, к которой должны вернуться и воспроизводственная и стимулирующая функция, чтобы лучшие умы привлечь к работе в народном хозяйстве [2]. Равный по сложности труд должен оплачиваться одинаково, независимо от сферы его приложения в государственном или частном секторе, в той или иной отрасли экономики. К этому стремятся и все западные страны. Так, в Америке заработная плата в госсекторе ниже, чем в частном секторе лишь на 8–10 % (а различные льготы и гарантии занятости, естественно, выше), в то время как в России различия очень велики [там же].

Недооценка труда, по мнению Д.С. Львова [15], является одним из серьезных факторов, мешающих развитию экономики. Главное сегодня – реформа доходов населения. Речь идет о суще-

ственном — не менее чем в два раза — повышении доли заработной платы в ВВП. Сегодня эта доля у нас примерно в 2–2,5 раза ниже, чем в развитых странах мира. Причем это еще и проблема спроса на товар. При низкой заработной плате о спросе не может идти речь, следовательно, не развивается производство.

Д.С. Львов поясняет, что существующее положение лишь отчасти (а не в основном, как многие считают) объясняется традиционным отставанием нашей страны от западных стран по производительности труда (кстати, в постсоветский период это отставание не только не сократилось, но даже увеличилось). На самом деле, считает экономист, причина нашего отставания не только в низкой производительности труда. Дело в том, что если по производительности труда мы отстаем от тех же США в 5–6 раз, то по уровню заработной платы — в 15 и более раз. На один доллар часовой заработной платы среднестатистический российский работник производит сегодня примерно в три раза больший объем душевого ВВП, чем аналогичный американский [там же]. Следовательно, суть проблемы как раз и состоит в том, что *наша заработная плата является низкой не вообще, а недопустимо низкой по отношению к нашей же производительности труда* (выделено мною. — Я.Л.) Еще в советское время был выдвинут тезис о том, что мы плохо живем потому, что плохо работаем. На самом деле *мы плохо работаем потому, что плохо живем*.

Уже было показано на примере Швеции, какой должна быть по-настоящему социально-ориентированная государственная политика. Но поразительно, что урок России в заботе о будущем нации, в проведении политики, нацеленной на всемерное сохранение и приумножение человеческого, интеллектуального потенциала преподает Вьетнам — эта разоренная многолетними войнами и еще недавно одна из самых бедных в мире страна. Выступая на страницах «Новой газеты» в статье с многозначительным названием «Догнать и перегнать Вьетнам» [6], профессор МГУ, вьетнамовед Д.В. Деопик свидетельствует, что парадигма вьетнамских реформ, в отличие России, основывается на рациональной ответственности власти за свою страну, в том числе за науку, образование, культуру. Как только в этой стране появились после преодоления разрухи какие-то деньги, первым делом стали поднимать зарплату ученым. Вьетнамские власти прекрасно понимали, что перспективы страны в повышении уровня

жизни зависят от того, будут ли у них наука и прослойка образованных людей. Говоря об изменениях, произошедших в этой стране, Д.В. Деопик вспоминает одного вьетнамца, некогда закончившего аспирантуру при МГУ, которому его московские коллеги подарили электрический утюг перед отъездом на родину. И вот, во время недавней поездки во Вьетнам Д.В. Деопик побывал в Ханое в гостях у этого вьетнамца, в его новом собственном четырехэтажном доме. И нет ничего удивительного в том, что этот вьетнамский ученый остался в университете, а не стал бизнесменом. К этому, для большей полноты картины, можно лишь добавить, что в настоящее время (2002) средняя зарплата вьетнамского профессора составляет 1 тыс. долл. (и это при крайне низких ценах на внутреннем рынке), а по уровню жизни населения Вьетнам обогнал нашу страну [там же].

Но вернемся к нашим реалиям. Встает вопрос, где взять ресурсы для проведения вышеобозначенной реформы доходов. Их Д.С. Львов и его единомышленники как раз и предлагают получить в результате коренного изменения нынешней налоговой системы в направлении замещения налогов рентными платежами, о чем достаточно подробно рассказано выше. Обойти эту проблему невозможно, так как других источников дохода для долгосрочных инвестиций в модернизацию экономики и обеспечение повышения уровня жизни, кроме как природная рента, нет. Вопрос стоит крайне жестко: либо государство возвращает себе сверхприбыли от эксплуатации природных богатств, либо они оседают за границей у олигархов.

В качестве примера возможной переориентации государственной парадигмы развития на принципы социально ориентированной политики можно привести предложения, с которыми в октябре 2003 г. выступали известные экономисты депутат Госдумы Сергей Глазьев и экс-глава Центробанка Виктор Геращенко по формированию финансового инструмента такой политики, каковым является бюджет страны. Тогда этими специалистами был обнародован альтернативный бюджет, разработанный при участии академиков Алферова, Кутафина, Львова, и который авторы называли «бюджетом уважающего себя государства» в отличие от одобренного накануне Думой правительственного бюджета (назван С. Глазьевым «бюджетом обанкротившегося го-

сударства», поскольку он не позволял выполнить ни один социальный закон — об обороне, образовании, науке и т.д.) [9].

Альтернативный бюджет предлагалось формировать за счет изъятия в доход государства природной ренты, а также налогообложения ранее сокрытых и незаконно вывезенных из страны доходов, повышения собираемости налогов и эффективности использования государственного имущества (всего того, что было нами охарактеризовано выше). За счет указанных источников доходы федерального бюджета могли быть тогда повышены, по расчетам авторов, на 500 млрд руб. по сравнению с правительственным вариантом. Это, по выражению авторов, «напряженный бюджет» без профицита, расходы в котором по сравнению с правительственным вариантом увеличиваются на более чем 600 млрд руб. При этом предлагалось увеличить расходы на финансирование: здравоохранения — на 27,5 млрд руб., науки — на 66,9 млрд руб., образования — на 89 млрд руб., культуры — на 25,7 млрд руб., на реализацию Федеральной программы «Дети России» — на 15,5 млрд руб., на финансирование детских пособий, льгот ветеранам и инвалидам — на 38,2 млрд руб. и т.д. Средние зарплаты врачей, учителей и других работников бюджетных организаций уже на тот момент времени могли быть увеличены до 8 тыс. руб. в месяц, минимальная заработная плата поднята до 1 тыс. руб., до этого же уровня увеличены размеры детских пособий, стипендии студентам, а также денежное довольствие солдатам.

Мнения сторонников создания социально-ориентированной рыночной экономики, усиления государственного регулирования экономических и социальных процессов (Д. Львов, С. Глазьев, Л. Абалкин, С. Меньшиков, Г. Ханин, Н. Рыжков, М. Делягин, Н. Римашевская и др.) сходятся в том, что для осуществления подобной программы (например, представленного выше механизма формирования доходов и расходов федерального бюджета) нужна серьезная политическая воля. Такая программа противоречит интересам олигархов, но соответствует интересам подавляющего большинства населения.

Какой же должна быть политико-экономическая парадигма, на основе которой может быть реально воплощена в жизнь национальная доктрина, нацеленная на построение подлинного социального государства, где главной целью и приоритетом является человеческое развитие. Обобщая мнения, концепции и

предложения, детально изложенные в настоящей главе, отметим, что единственно возможный путь восстановления и развития человеческого потенциала страны — подчинить этой задаче использование ее природно-ресурсного капитала, а также оставшейся в руках государства части воспроизводимого капитала (Львов Д.С.). При этом эффективность работы сырьевого и промышленного секторов экономики и правительственных действий по их реформированию должна определяться по вкладу этих секторов *в развитие здоровья и образования нации, в активную демографическую политику, во всестороннюю поддержку подрастающего поколения, развитие малого предпринимательства, сохранение потенциала природной среды*. В эти сферы необходимо направлять наибольшую часть доходов от хозяйственной эксплуатации природных ресурсов и основного капитала в госсобственности [14].

В основу политико-экономической парадигмы, нацеленной на реализацию вышеуказанных принципов, с полным основанием может быть положена разработанная специалистами Центрального экономико-математического института РАН (Д.С. Львов, В.Г. Гребенчиков, Е.В. Устюжанина, В.В. Зотов и др.) крупномасштабная институциональная программа, названная авторами «системой управления национальным имуществом» [там же]. Основными слагаемыми этой системы являются: закрепление за обществом прав титульного собственника национального имущества, система социального дивиденда, механизмы публичного управления общественными доходами, налогозамещающий механизм рентных платежей. Желаясь подробнее ознакомиться с системой управления национальным имуществом отсылаем к докладу академика Д.С. Львова [14]. Кратко охарактеризуем лишь важнейшую составную часть указанной системы — концепцию социального дивиденда. Суть концепции в том, чтобы механизм общественного расходования природной ренты ориентировался на институты социального гарантирования уровня и качества жизни, обеспечивающие мобилизацию соответствующих средств на ключевые социальные задачи долгосрочной перспективы. Социальный дивиденд авторы рассматривают как главный источник социально-стратегической компоненты общественных расходов, т.е. расходов, не только направленных на развитие человеческого потенциала, но и осущест-

ствляемых общественно-организованным способом. Это, прежде всего, сферы бесплатного здравоохранения и образования. Иначе говоря, действует принцип стратегической компоненты расходов на общественное благосостояние за счет природной ренты. Текущая их компонента — за счет личных доходов от наемного труда и предпринимательской деятельности.

По мнению С. Меньшикова [16], найти альтернативу инерционному маховику российского капитализма — значит изменить механизм, который заставляет его действовать таким образом. *По максимуму*, считает он, следовало бы разрушить его фундамент, характерные черты которого сформулированы в предыдущей главе, положить конец господству монополизма и олигархии, сделать государство самостоятельным, независимым и активным центром регулирования долговременных экономических процессов (на наш взгляд — это самый оптимальный и даже единственно правильный подход. — Я.Л.). Это не значит отказываться от рынка, так как он необходим для краткосрочного саморегулирования экономики..., но он не в состоянии корректировать крупные диспропорции и перекосы, если они зашли чересчур далеко. Без вмешательства государства сделать эти корректировки и обеспечить развитие экономики в целом по долговременной равновесной траектории, как правило, невозможно.

По минимуму можно попробовать достичь той же цели применительно к регулирующей роли государства, не пытаясь сломать господство монополизма и олигархии, а лишь ставя их в определенные рамки. «Но можно ли добиться одного, не сделав другого? — задается вопросом С. Меньшиков. — На практике даже вариант-минимум предполагает острую конфронтацию с силами, которые прямо или косвенно связаны с монополией и олигархами и защищают их интересы...» [там же].

Важен и характер преобразований, на которые настроена новая власть. *Максимум* означает возврат государству активов, незаконно присвоенных олигархическими группами (по нашему мнению, только этот вариант и может выправить ситуацию. — Я.Л.). *Минимум* означал бы реальную передачу государству эффективного контроля над природными недрами, т.е. права изъятия достаточно большой части природной ренты при оставлении добычи, обработки и сбыта минеральных ресурсов в частных руках, у тех же монополий и олигархов [там же].

Обобщая аналитические данные, оценки и предложения крупных экономистов, политиков, социологов и других специалистов, можно сказать, если Россия хочет развиваться как нормальная цивилизованная страна с благополучным большинством населения, она должна кардинально изменить сущность своей социально-экономической системы, заставив работать рыночный механизм в интересах всей страны, в интересах прогресса и благосостояния общества.

Академик И.В. Прангишвили [20] считает, что в советский период многие извращения и недостатки авторитарно-мобилизационного и авторитарно-бюрократического социализма скомпрометировали идею социализма, привели его в «исторический тупик» и дали возможность врагам этого строя на определенное время лишить его народной поддержки. Но на самом деле закономерной и наиболее приемлемой для России является модель нового, небюрократического, планово-рыночного, демократического, народного социализма. По нашему мнению, построенная шведскими социал-демократами модель социально-экономической системы как раз и представляет собой вариант планово-рыночного демократического социализма, который показал не только свою жизнеспособность, но и превосходство (по критериям общественного развития) над либеральными социально-экономическими моделями.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 6

1. Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века» / В.П. Казначеев, А.И. Акулов, А.А. Кисельников, И.Ф. Мингазов / 2-е изд. доп. и переработ. / Под общ. ред. акад. В.П. Казначеева. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. — 463 с.
2. *Галаева Е.В.* Развитие человеческого потенциала в России / Е.В. Галаева // Российские реформы: социальные аспекты. — М., 1988.
3. *Глазьев С.* Экономика с Грефом пополам / С. Глазьев // Трибуна. — 2000. — 7 июня. — С. 3.
4. *Глазьев С.* Особенности национального экономического чуда / С. Глазьев // Трибуна. — 2001. — 18 января.

5. *Глазьев С.* Аргентина: ограбление века / С. Глазьев // *Трибуна*. — 2002. — 13 марта. — С. 7.
6. Догнать и перегнать Вьетнам // *НГ*. — 2002. — 20–22 мая.
7. Заявление Социал-демократической партии России // *НГ*. — 2003. — Спец. выпуск. — 16–18 июня. — С. 2–4.
8. Здоровье нации как парадигма экономического и социального развития. Проблемы и ответственность бизнеса: Аналитический доклад / Совет Федерации Федерального собрания РФ. Оргкомитет Байкальского экономического форума. — Москва—Иркутск, 2002.
9. Каким должен быть бюджет? // *КП*. — 2003. — 18 октября. — С. 5.
10. *Калашников С.* Жить на такую зарплату нельзя / С. Калашников // *КП*. — 2000. — 1 апреля. — С. 6.
11. *Кара-Мурза С.* Запаса прочности у России осталось на 5 лет / С. Кара-Мурза // *КП*. — 2003. — 17 июня. — С. 12–13.
12. *Коэн Стивен.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России: пер. с англ. / Стивен Коэн. — М.: АИРО-XX, 2001. — 304 с.
13. *Львов Д.С.* Олигархи готовы платить мне \$5000 в месяц, чтобы я не соблазнял президента рентой / Д.С. Львов // *КП*. — 2002. — 17 сентября.
14. *Львов Д.С.* Научный доклад на заседании Президиума РАН 12.02.2002 г. / Д.С. Львов. — М.: ЦЭМИ, 2002.
15. *Львов Д.* Деньги — вперед! Антибрежнев и антимонетаризм: экономика не должна быть экономной / Д. Львов // *НГ*. — 2003. — 10–11 февраля. — С. 17.
16. *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма / С. Меньшиков. — М.: Международные отношения, 2004.
17. *Панкин Б.* Шведский дом и его обитатели / Б. Панкин. — М.: Воскресенье, 2003. — 352 с.
18. *Панкин Б.* Зажравшиеся: издалека и в упор (интервью) / Б. Панкин // *КП*. — 2003. — 16 апреля. — С. 8–9.
19. *Попов Г.* Как Кейнс обскакал Маркса / Г. Попов // *АиФ*. — 2003. — Октябрь. — № 40.
20. *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности. Вопросы управления сложными системами / И.В. Прангишвили. — М.: Наука, 2003.

21. *Фишер С.* Экономика: пер. с англ. / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. — М.: Дело, 1997. — 864 с.
22. Хартия новой демократической коалиции // www.hartia.ru (2003).
23. *Шляпентох В.Э.* Многослойное общество: «антисистемный взгляд» на современную Россию // <http://www.nir.ru/> (2002).

Глава 7

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ БУДУЩЕГО

7.1. ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В высшей степени красноречивые оценки происходящим в России процессам даны работающей на американское правительство разведывательно-аналитической корпорацией «РЭНД» в докладе «Заключение о степени упадка России. Тенденции. Последствия для США и военно-воздушных сил США». Приведем только две цитаты из доклада:

«Ухудшение демографической ситуации, здоровья людей и увеличение смертности среди мужчин ставят под сомнение способность России решать возникающие перед ней экономические проблемы и поддерживать боеспособность страны хотя бы на нынешнем уровне». «Деградация России прямо или косвенно затрагивает интересы США, поэтому следует предполагать ситуацию, когда к американским силам обратятся за помощью, и им придется оперировать на территории самой РФ или в прилегающих районах» [13].

К этому следует добавить, что оценки, которые дают эксперты и аналитики спецслужб, обычно весьма точны и в наименьшей степени искажаются из-за политических пристрастий и конъюнктурных влияний.

По мнению В.П. Казначеева с соавторами, «Нация теряет не только пассионарность, но и вообще теряет способность к напряженному творческому труду. О какой безопасности может идти речь, когда гигантские территории, по существу, обезлюживаются?» [11].

Острота ситуации и огромная значимость демографического фактора весьма наглядно выражены в полемичном выс-

казывании одного исламского националиста, участвовавшего в дискуссии, развернутой российской прессой: «идет этническое вторжение (в Россию) более сильных генетически, более пассионарных народов. В Израиле это называют «войной маток», демографической войной, где русские проигрывают. Не хотите размножаться, тогда исчезните. Отсутствие стремления к размножению — это слабость, а слабых природа не любит. Идет очередное великое переселение народов, варвары надвигаются на Рим, и никакая культура, сильные легионы, мощные крепости не спасут» [7].

А вот совсем уж «черное» пророчество еще одного участника той дискуссии: «Будьте реалистами: Россия, великая страна, прекращает свое существование. Может быть, на месте ее будет небольшой регион от Москвы до Урала, населенный 10–20 миллионами русскоговорящих и охраняемый ООН, но остальная часть страны будет поделена между соседями. Вспомните великие империи, все они закончили таким образом. Мне очень жаль, но страна обречена вместе со всей Европой» [там же].

Конечно, вопрос о том, какой народ более пассионарен или силен генетически, очень непрост, и такие хлесткие, но сугубо умозрительные оценки более чем спорны. Однако определенные основания для подобных взглядов и пессимистических заключений все же существуют, тем более что сходные опасения и предположения высказывают крупные ученые — отечественные и зарубежные.

В.П. Казначеев с соавторами [11] считают, что вовлеченное в эпохально-исторические события население России испытывает на себе этнографический социально-исторический стресс. По их мнению, это даже в некотором смысле хуже, чем война, так как этнографический социально-исторический стресс разрушает нацию изнутри, в то время как война разрушает нацию снаружи. Американский демограф М. Бернстед находит этому феномену аналоги в мировой истории: «Так же как и после стресса исчез Рим и римляне, так после революции и теперешнего состояния может исчезнуть российская нация!» (цит. по [11]).

Подводя итоги всему вышесказанному, представляется принципиально важным дать интегральную оценку идеологии и практике российского неолиберального проекта с позиций национальных интересов и национальной безопасности.

Как отмечает В.Л. Петров [33], с позиций геополитики следует различать жизненно важные, национальные (общенациональные) и государственные интересы. При этом под *жизненно важными интересами* понимается определенная совокупность социально-биологических параметров, потребностей, от обеспечения которых зависят само существование, а также возможность развития и жизнедеятельности народа, нации, общества, государства, личности адекватно их исторической роли и геополитической сущности. Вот в таком контексте именно ***благоприятные параметры общественного здоровья и демографического статуса в современных условиях являются главными жизненно важными интересами российского общества.***

Согласно «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (КНБ РФ) национальные интересы России — это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривластной, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства [27]. Интересы личности состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина. Интересы общества состоят в упрочении демократии, в создании правового социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России. Интересы государства состоят в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества [там же]. Здесь нужно обратить внимание на серьезнейшее, на наш взгляд, упущение, когда среди перечисляемых сфер приложения национальных интересов (и, соответственно, безопасности) не упомянуты демографическая сфера и общественное здоровье (можно, конечно, считать, что они отнесены к «другим сферам», но сам этот факт говорит о придании им второстепенного характера). Между тем именно демографический фактор, по свидетельству

многих политологов и других специалистов, выходит на одно из первых мест среди современных угроз и противоречий развития человеческой цивилизации [17, 24, 25]. А для России этот фактор уже стал самым приоритетным (только не все еще это осознали).

Интересы государства, нации требуют соответствующей системы мер по обеспечению их безопасности, защищенности от широкого спектра различных по своей природе внутренних и внешних угроз [4, 33].

По определению В.К. Сенчагова, «безопасность — это состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к самовывживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз» [38]. Применительно к народу, обществу родовым комплексным понятием является «национальная безопасность». Ее составляющие — оборонная, экономическая, ресурсная, демографическая, продовольственная, экологическая и другие виды безопасности.

По определению вице-президента РАЕН, контр-адмирала В.С. Пирумова под национальной безопасностью следует понимать защищенность жизненно важных интересов граждан, общества, государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе (политических, экономических, военных, экологических, психологических и т.д.) [34].

А.В. Гончаренко характеризует безопасность как одну из качественных характеристик конкретного исторического комплекса (социума), существующего в определенных пространственных, временных, географических условиях, составными элементами которого являются личность, общество и государство [12].

Исходя из этого и других вышеприведенных определений, следует признать, что в результате проведения либеральных экономических реформ в условиях развившегося при этом глубокого, охватывающего все области жизнедеятельности страны системного кризиса усилились существовавшие ранее и возникли новые опасности для коренных интересов личности, общества и государства, а степень защищенности этих интересов существенно снизилась.

Что касается кризиса в общественном здоровье и демографическом развитии, то наличие, серьезность и глубина после-

дного признаны и отражены в Концепции национальной безопасности РФ: «Последствиями глубокого социального кризиса являются резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни в стране, деформация демографического и социального состава общества, подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства, ослабление фундаментальной ячейки общества — семьи, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения» [27]. Следовательно, власти как будто видят и понимают антисоциальный, деструктивный характер воздействия социально-экономической политики 90-х гг., либеральных реформ на российское общество. Но видеть и официально заявлять — это одно, а принимать конкретные, и, самое главное, правильные и действенные решения и меры по преодолению кризиса — совсем другое.

Демографическая безопасность может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которого достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Следовательно, демографическая безопасность — это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса [37].

Внутренняя сторона демографической безопасности характеризуется такими явлениями и критериями, как «обезлюживание», вырождение, депопуляция, вымирание, демографический кризис, выживание, самосохранение, самодостаточное воспроизводство, демографическое развитие. Главную угрозу здесь представляет опасность вымирания вследствие стойкой и длительной депопуляции, определяемой характеристиками рождаемости и смертности. Основным критерием внешней стороны демографической безопасности является формирование таких совокупностей людских (трудовых, мобилизационных, переселенческих) ресурсов, которые должны соответствовать всему кругу геополитических интересов государства: заселенности территории, охране ее границ, поддержанию оборонного потенциала, обеспечению экономики собственными трудовыми ресурсами и др. [37].

Здесь стоит упомянуть о таком широко обсуждаемом и далеко не безопасном средстве демографической политики как замещающая миграция. Дело в том, что когда естественную убыль пытаются компенсировать, главным образом, иммиграцией, то это ведет не к сохранению этноса как такового, а к его видоизменению и превращению, в конечном счете, в совсем иную этногенетическую общность.

В главах 1, 2, 4 мы представили довольно подробную характеристику происходящих в России и Сибири за последние 15 лет процессов естественного движения и воспроизводства населения, свидетельствующую о выраженном снижении уровня демографической безопасности. Добавим к этому некоторые сравнительные данные в международном аспекте. На начало 2000-х гг. средняя ожидаемая продолжительность жизни в нашей стране составляла чуть больше 65 лет, т.е. была меньше, чем в главных европейских странах, на 12–14 лет [37]. Но и среди 50 азиатских стран Россия входит в худшую треть. Из восточных регионов России только в Западной Сибири средняя ожидаемая продолжительность жизни близка к ее среднему уровню по всей зарубежной Азии, тогда как в Восточной Сибири она ниже на 3–4 года, на Дальнем Востоке – на 1–2 года. В конце двадцатого столетия население России сокращалось ежегодно (1999–2000) на 6,5 человек в расчете на каждую тысячу жителей страны, тогда как в Белоруссии – на 4,9–4,1, Болгарии – на 4,7–5,1, Венгрии – на 4,8–3,8, не говоря уже об Италии, где естественная убыль составила – 0,7–0,8, и Швеции – 0,7–0,3 [там же].

Демографы отмечают, что в России в конце XX столетия сложился уникальный режим воспроизводства населения: европейская рождаемость и афро-азиатская смертность.

7.2. О ЗНАЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Чрезвычайно деструктивный характер и устойчивость социально-демографического кризиса, безусловно, свидетельствуют о подрыве, разрушении каких-то фундаментальных основ жизнедеятельности российского этноса. И такими основами, судя по всему, являются исторически сформировавшиеся этнокультураль-

ные свойства российской цивилизации, традиционного русского общества.

А.А. Зиновьев придает большое значение роли человеческого фактора (по-видимому, правильнее назвать его этническим или этнопсихологическим фактором. — Я.Л.) в становлении определенного типа организации общества. По мнению автора, социалистический тип организации общества для определенного человеческого материала и условий не менее естественен и адекватен, чем западный тип организации для других. Он утверждает, что одним из важнейших условий колоссального разрастания системы государственности в Российской империи и преобладания ее над прочими социальными силами был именно человеческий (этнический. — Я.Л.) фактор, и прежде всего — качества русского народа, подобно тому, как общество западного типа было бы невозможно с иным человеческим материалом, чем тот, какой поставляли народы западных стран [20].

На большую роль национальной психологии русских в организации и развитии русского общества указывали и другие исследователи. Из важнейших черт русского национального характера обычно выделяют три: коллективистскую традицию (коммунитарность), долготерпение и особое восприятие слова. Формирование этих черт происходило под многовековым влиянием природно-географических условий жизнедеятельности. В холодном климате России продолжительность вегетационного периода земледелия чуть больше 100 дней, тогда как в Западной Европе он в два с лишним раза больше. Необходимость проведения в сжатые сроки сельскохозяйственных работ из поколения в поколение вынуждала русских к общинной организации. Из-за того, что основная территория страны является зоной рискованного земледелия, хозяйствовать здесь невозможно без большого долготерпения [9].

Виктор Аксюциц дал следующую характеристику национальной психологии русского народа: «Более всего о характере народа свидетельствует его история, по поводу которой следует повторить очевидные факты, вовсе не очевидные для предвзятого общественного мнения. Русский народ выжил в суровых природных и геополитических условиях, освоил при этом наибольшие в истории пространства, сформировал самое большое в мире государство, не уничтожил и не поработил ни одного народа,

создал великую культуру. Очевидно, что такой народ обладает уникальными качествами.

Русскому человеку генетически передались противоречивые свойства славянского эпилептоидного типа (по определению Ксении Касьяновой). Эпилептоид в обычных ситуациях спокоен, терпелив и запаслив, но если его долго раздражать, он взрывоопасен. Он стремится действовать в собственном ритме и по собственному плану, последователен и упорен в достижении цели. Эпилептоидному характеру свойственны замедленные реакции, некоторая вязкость мышления и действий («русский мужик задним умом крепок»). В спокойных состояниях он склонен к легкой депрессии: вялости, апатии, плохим настроениям и пониженному тону деятельности, что давало основания говорить о «русской лени». Переключение на другой вид деятельности происходит с трудом, а собирание сил для этого — замедлено, ибо требуется время для привыкания к новым обстоятельствам, «раскачки». Но в результате русский человек мобилизовывался и давал адекватный ответ вызовам судьбы, проявляя волю, ум и смекалку в труднейшей борьбе за выживание. Поэтому русский долго запрягает, но быстро едет... Может быть, только народ с подобным эпилептоидным генотипом мог приспособиться к суровым и неустойчивым циклам Евразии» [1].

Не соглашаясь с последним выводом В. Аксючица, С. Валянский и Д. Калюжный считают, что наоборот, неустойчивая природа создала тут такой тип человека [8]. Особое значение для выживания, подчеркивают эти авторы, имеет культура. Трудности жизни компенсировались жизненным укладом: русский образ жизни является продолжением русского характера и наоборот. Но когда рушились традиции и связи с глубинными национальными ориентирами, русские начинали деградировать: потеря смысла жизни страшнее любых испытаний [там же].

Православное воспитание привило народу соборное жизнеощущение и ценностную мотивацию долга, отличающуюся от рационального мотива «пользы», присущего западной цивилизации. В отдельных регионах России сходное мироощущение достигнуто на основе мусульманского воспитания [там же].

Как у каждого человека, так и у каждого народа наряду с положительными чертами национального характера имеются и отрицательные свойства, которые также могут иметь немаловаж-

ное значение для эволюции этнической общности, ее устойчивости. Эти свойства создают нередко большие трудности в самоорганизации этноса, его защите от воздействия внешних и внутренних деструктивных факторов.

Такую важнейшую особенность русского национального характера как особое восприятие слова отметил выдающийся физиолог И.П. Павлов, который считал, что у русских «условные рефлексы координированы не с действием, а со словом» [9]. Павлов давал отрицательную оценку этой национальной особенности, так как она затрудняет возможность «воспринимать действительность как таковую».

Резко критическую оценку некоторым негативным особенностям национальной психологии русского народа дает А.А. Зиновьев [20], оговариваясь, что делает это как человек, принадлежащий к этому народу и страдающий за его судьбу (при этом он упоминает, что далеко не лестную характеристику русскому народу давали Пушкин, Лермонтов, Герцен, Чернышевский, Чаадаев, Гоголь и другие известные личности, которые не были врагами русского народа, наоборот, любили его до боли души и страдали, видя его таким). «Коммунизм имел успех в России, — отмечает Зиновьев, — в значительной мере благодаря национальному характеру русского народа, вследствие его слабой способности к самоорганизации и самодисциплине, склонности к коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, способности легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, склонности смотреть на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска» [там же].

Коммунизм придал отрицательным качествам русского народа в значительной мере конструктивный смысл, полагает А.А. Зиновьев. Благодаря коммунизму плохой человеческий материал мог функционировать более-менее терпимо, в сложившихся исторических условиях — ничуть не хуже того, какой мог бы быть оценен как хороший. Во всяком случае, считает автор, русский народ смог сохраниться как народ исторический лишь в качестве народа коммунистического. С любым другим строем он обречен на деградацию и гибель... [там же]. Но те же самые (отрицательные. — Я.Л.) качества русского народа стали, по мнению Зиновьева, одной из важнейших причин краха коммуни-

тического социального строя в России: «Такую массовую эпидемию антипатриотизма, самоуничтожения, пораженчества, холуйского низкопоклонства перед Западом, зависти к западным народам, подражания всему западному, особенно — порокам двурушничества и прямого предательства, какая началась после 1985 г., не допустил бы ни один европейский народ» [там же].

С. Валянский, Д. Калужный [8] напоминают, что между внешней и внутренней свободой существует большой разрыв. В России между внешней свободой, т.е. внешним правом и законом и «внутренним законом» нередко лежит огромная пропасть из-за традиционности русского сознания, которое не утратило веру в Высшую справедливость, Божий суд. И никакие реформы, никакое просвещение его так просто не отменяют, как бы ни напирали реформаторы на важность юридического права. Долготерпение русского народа проистекает не в последнюю очередь из его внутренней свободы. И это не покорность государству, а приятие государства как целого, как своего. Идеал целого ближе идеала раздробленности. Но наличие внутренней свободы не подразумевает упразднения внешней свободы [там же].

Михаил Антонов [2] по-своему характеризует национальную психологию и менталитет русских, в чем-то соглашаясь с другими авторами и дополняя их, а в чем-то полемизируя с ними: «Русских отличает от европейцев (равно как и от большинства других народов) не какой-то таинственный «коллективизм», а *отношение к собственности*: русский крестьянин фактически не владел землей на правах частного собственника, а обладал *правом аренды* земли у своей общины. Кроме того, мы иначе, чем на Западе, понимали предназначение человека. Если на Западе акцент делается на «таланте», то в России — на «призвании».

«Талант» — это возможности человека; «призвание» — его обязанность в этой жизни. На Западе принято все мерить правами («права человека»), а у русских — обязанностями. Отсюда вытекает и разное понимание свободы у тех и других. В западном понимании человек свободен, когда он свободен, не стеснен в своих законных действиях. В русском — когда он свободен реализовывать свое призвание. Если у русского человека абстрактная свобода выбора есть, а нет самой малости — возможности реализовать свое предназначение, то это в его понимании не свобода, а каторга. И, наоборот, заставьте нашего человека ходить

на любимую работу в цепях и под конвоем — он все равно будет счастлив... По русскому пониманию, человек свободен, когда он счастлив. А счастье — это не только «когда тебя понимают», но и когда ты видишь, как сбываются твои мечты, как расцветает страна, особенно если удалось приложить к этому руку...

Именно отсутствие частной собственности на землю породило все мировоззрение русского народа, космизм его мировидения. В то время как взор европейца упирался в границы его земельных владений, взор русского от пределов общины («мира») переходил прямо к миру Божьему, мирозданию. Отсюда — высочайшая духовность русской литературы, и космизм как стержневое направление русской философской мысли.

Русских, как фактический народ без собственности, отличает не коллективизм, а *мобильность* (которую при поверхностном взгляде можно принять за некое коллективное начало): русско-го легче поднять на какое-то общественно значимое дело, как бы лично его и не касающееся, тогда как у прочих народов грузом висит на ногах собственность

Русские смогли создать великую и самостоятельную цивилизацию, потому что им еще был присущ *государственный инстинкт*, т.е. открытость государственному импульсу (по научному — этатизм). И это наше качество приняли исследователи за мифический «коллективизм», якобы противостоящий «западному индивидуализму»...

Аморфная «сажа» и кристаллический «алмаз» — это как бы два основных состояния русского народа. Сгорел алмаз — получилась сажа, пачкающая все вокруг. «Русская мафия», коррупция, хаос в экономике — вот впечатления от «общества-сажи». Трудно увидеть что-то общее у *этих* русских с теми, кто создал великое государство и великую культуру. Но ведь великую Россию построили не инопланетяне и не «варяги» (как утверждала популярная в свое время «норманнская теория» о происхождении российской государственности от скандинавов)! И пока страна не зовет к подвигу, «частицы сажи» не могут объединиться, вести себя «цивилизованно», а «сажа» остается аморфной.

Но вот наступает какой-то таинственный момент — звучит труба, *государственный* зов, мобилизующий нацию на борьбу и подвиг. И чудо — аморфные частицы начинают вроде сами по себе выстраиваться... среда нагревается... пробегает искра — и

вместо невзрачной кучки «сажи» взору открывается сверкающий гранями «алмаз»! Но когда встает такая государственная задача, тогда действительно возникает «общее дело» и, как говорил Гоголь, «вся Россия — один человек!» Тут уже возникают и коллективизм, и общинность, и даже больше того — братство.

Это государственноческое мироощущение, на которое первыми обратили внимание теоретики евразийства, отличает русских от других славян. Русские, оставаясь славянами по языку и земледельцами по основному занятию, стали нацией первопроходцев, которые в кратчайший исторический срок прошли от Великого Устюга до берегов Тихого океана как бы «духовными кочевниками» («народом-всадником», как писал евразиец П.Н. Савицкий)...

Однако то, что русским присущ государственноческий инстинкт, не означает их полного слияния с государством. Напротив, как отмечает К. Касьянова [26], «государство изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть; обещания, данные государству, можно не выполнять», тем более что все время правления Романовых государство у нас было устроено по западноевропейскому образцу, и в нынешней постсоветской России установилось такое же. И евразийцы считали, что сфера государства — это сфера силы и принуждения, где менее всего уместно сентиментальное прекраснотушие, способное лишь породить анархию. Поэтому выдвинутый из недр народа правящий слой русских при выполнении властных функций неизбежно должен противопоставить себя народным массам, которые склонны к стихийным и разрушительным действиям. Русский человек не может продуктивно работать в условиях европейской демократии, ему необходима известная суровость общественной атмосферы. «Строг, но справедлив», — вот характеристика идеального правителя на Руси» [2].

«Русское государство — идеократическое, по природе тоталитарное, в котором каждый гражданин чувствует свою причастность к судьбе страны. Такой русский и есть «соборная личность». И как всякому человеку с имперским сознанием, русскому присуще мессианское понимание своего предназначения. Но русское мессианство в корне отлично от европейского. Если ев-

ропеец воспринимает как норму только свое миропонимание и всякое иное считает признаком дикости, подлежащей перевоспитанию или истреблению, то русские очень терпимы к своеобразию разных национальных культур. Зато русская непримиримость в идейных вопросах вызывает неприятие у европейцев, считающих «искусство компромисса» главным искусством жизни (отсюда и их помешательство на «правах человека» и правах меньшинств, в особенности сексуальных, которые там могут вскоре стать большинством)[там же].

В. Аксютин следующим образом подводит итог всему, сказанному выше: «Все характерные свойства русского народа говорят о том, что он не способен органично вписаться в современную потребительскую цивилизацию и массовую культуру. Ибо русский человек не может всецело вдохновиться идеалами обогащения и потребления, являющимися двигателем современной цивилизации (западного типа. — Я.Л.). Русские приговорены суровыми условиями северо-востока Евразии отставать в безумной потребительской гонке современности. У нас объективно заданы меньший по отношению к западным странам прибавочный продукт и в то же время большие затраты национальных сил на самосохранение. Именно поэтому сельское хозяйство в нашей сельскохозяйственной стране не может быть рентабельным и всегда будет нуждаться в государственной поддержке. Поэтому же и наша промышленность заведомо менее рентабельна, чем западная.

В определении национальных приоритетов ведущую роль традиционно для России должно сыграть государство: борьба за выживание в труднейших условиях требовала мобилизации и концентрации всех ресурсов в руках мощной государственности. Поэтому русский народ — государственный, он всегда воспринимал власть сакрально: от власти ждали не столько благосостояния, сколько спасения и в суровейших условиях жизни, и от внешних угроз» [1].

«Все попытки «оживить» русскую жизнь без ее «огосударствления», как показала история, тщетны, и индивидуализм у нас не приживется. И только начав срочное восстановление всеобъемлющей государственной машины, можно вытащить наше общество на высокий энергетический уровень, возродить его «пассионарность». Не вертикаль власти, замыкающаяся в чиновни-

чем кругу, а государственная машина, опирающаяся на народ, нужна сегодня России» [2].

Разрушительная сила российских неолиберальных реформ состоит, по-видимому, в попытке до конца искоренить традиционное русское общество и насадить вместо него тот тип общества, который сформировался на Западе на основе протестантской этики и «либеральных ценностей». В странах Запада этот тип общества, называемого там «гражданским», возник в результате уничтожения «традиционного общества» в ходе трех революций: религиозной, промышленной и социально-политической. Историки определили, что при этом было уничтожено, например, в Германии три четверти населения [8]. Согласно понятиям такого гражданского общества западного типа, его естественное состояние — это война всех против всех, правда, возведенная в рамки закона и называемая «конкуренцией». В российском же традиционном обществе, так же как и в семье, такого понятия не существовало. На Западе народ — это сообщество индивидов, объединенных в «гражданское общество», где цель каждого получить прибыль. Те, кто вне такого общества, — не народ. С. Валянский, Д. Калюжный высказывают такую парадоксальную мысль, что, с точки зрения Запада, в России никогда не существовало народа, так как здесь не было гражданского общества [там же].

Свою точку зрения о роли факторов национального менталитета, характера, самосознания народа в развитии российского кризиса высказал историк Валерий Соловей в статье «Почему вымираем?» [39]: «Разительная и драматическая непохожесть русских на европейские народы заключается не в отсутствии у нас правовой культуры, слабости рыночной экономики и демократических институтов. Со всей очевидностью выяснилось, что русские в большинстве своем не могут жить без служения большой идее, без осознания своей вселенской миссии, без ощущения вторичности материальных благ по сравнению с надмирными идеалами. Возник колоссальный внутренний конфликт между официально одобряемыми и публично поощряемыми ценностями успеха, материального преуспевания и фундаментальными основами русской души. Это та самая битва, полем боя которой служат сердца людей. Победа либерализма в ней ведет к расщеплению, шизофренизации индивидуального и на-

ционального сознания, которому пытаются навязать чужие и неорганичные ему смыслы, цели и ценности. (Дело не в том, плох сам по себе либерализм или хорош; просто русские — народ, который принципиально находится вне либерализма). Выдержать такой фундаментальный внутренний разлад и тем более противостоять ему мало кому под силу. Если нет воли к борьбе и сил к противостоянию, тогда свою волю диктует смерть».

В этом же контексте показательны высказывания философа и публициста А. Дугина о корнях традиционной неприязни русских к американцам, которая, по его мнению, заключается в принципиальных различиях и даже несовместимой ментальности этих народов: «В самом глубоком смысле антиамериканизм является кратким резюме русской национальной истории — церковной, государственной, культурной, творческой, социальной, царистской и советской. США созидались заведомо как эксперимент по искусственной культивации рафинированных либеральных ценностей европейской цивилизации, освобожденных от давления традиций. США довели его до логического предела... В США сегодня воплотилось наглядно все то, чего упрямо сторонилась Русь веками. Это индивидуализм, бытовой (субъективный) материализм, нарциссизм, эгоизм, лицемерие, фальсификация свобод. Смысл истории России состоял в отторжении этого комплекса, в преодолении его. Либерализм был неприемлемым и для монархистов, и для большевиков, и для эсеров, и для интеллигенции Серебряного века, и для православных традиционалистов в равной степени. США — это либерализм в его окончательном оформлении. Если отторжение либерализма составляло в течение веков русскую идентичность, значит быть русским сегодня тождественно быть антиамериканцем... Консервативные круги России не любят Америку, потому что транслируемая ею глобалистская культура безнравственна и порочна... Левые отвергают США, потому что это цитадель мирового капитализма. Это как наследие советского воспитания, так и вполне современный вывод о качестве капиталистической системы, с которой мы столкнулись не в учебниках и турпоездках, а в повседневности. Тот, кто потерял в либеральных реформах все, тот, кому плохо и трудно сегодня живется, справедливо возлагает вину на заокеанских промоутеров этого безобразия» [18].

Самосознание российского народа, формировавшееся столетиями, испытывает внутренний протест и неприятие фанатической убежденности неоллиберальных идеологов в том, что социальное неравенство является неременным условием экономического и социального прогресса. Профессор социологии Мичиганского университета В.Э. Шляпентох довольно точно охарактеризовал эту сторону философии и практики российского неоллиберализма, играющую немаловажную роль в кризисе национальной психологии [46]: «Российские либералы, которые возглавили страну, и средства массовой информации в 90-е гг. просто-напросто выбросили из своего лексикона слова «справедливость» и «равенство». Они не встречаются ни в выступлениях президента и его окружения, ни в статьях тех, кто восхваляет режим... Представители власти, ведущие журналисты, преуспевающие бизнесмены ведут роскошную жизнь напоказ и, естественно, не обнаруживают сочувствия «униженным и оскорбленным». Нынешняя российская элита далека от того, чтобы брать пример со скромных советских партаппаратчиков, скрывавших свой уровень потребления, или государственных деятелей Запада. Такое публичное пренебрежительное отношение к равенству и справедливости со стороны тех, кто причисляет себя к русской интеллигенции, удивительно. Со времен А. Радищева, пожалуй, не было писателей, воспевающих богатство и роскошь. Достаточно упомянуть Н. Гоголя, И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, не говоря уже об А. Островском или М. Горьком. Егор Гайдар в бытность премьер-министром напутствовал внезапно потерявших все свои сбережения граждан словами: «Каждый, кто хочет, может заработать деньги». А. Чубайс, будучи в 1997 г. по сути дела вторым человеком в государстве, на упреки в тяжелом положении многих россиян бросил фразу: «Чтобы всем жилось весело, тепло и хорошо — так не бывает». Не менее знаменито и его замечание о «несчастных ста тысячах долларов» (речь шла о гонораре за ненаписанную книгу, вряд ли обещавшую стать бестселлером). Никто из либералов не высказал четко и определенно своего отношения к приватизации, которая по всем меркам была глубоко несправедливой (и это — самое мягкое определение. — Я.Л.).

Примечательно, что и в теоретических размышлениях о судьбах российского общества ни один либерал, будь то Е. Гайдар

или А. Яковлев, начиная с 1991 г. даже косвенно не поднимал проблему равенства и справедливости. Демонстративная враждебность к равенству опирается, как кажется русским либералам, на незыблемые теоретические принципы либерального капитализма. Они воспевают неравенство, поскольку убеждены в том, что это — обязательное условие экономического прогресса и существования демократического общества. «Презрительное отношение к равенству, — считает В. Шляпентох, — можно хоть как-то оправдать в странах, где жизненный уровень настолько высок, что в состоянии обеспечить более или менее достойное существование той части общества, которая не преуспела. Другое дело — нынешняя Россия. Здесь все более углубляющееся безграничное неравенство наблюдается на фоне неимоверно снизившегося за последние десять лет уровня жизни огромного числа людей».

Известный социолог В.А. Ядов считает очевидным, что идеологией, способной консолидировать современное российское общество, не может стать идея рыночной экономики (рынок не цель, но лишь средство), а также то, что идея прав человека не нашла опоры в массах [48]. Российское общество, по мнению автора, потенциально способно консолидироваться на основе идеологии социальной справедливости.

Понятие справедливости рассматривается либерал-реформаторами как некий анахронизм, пережиток социалистического прошлого и даже высмеивается ими. «Но справедливость, — говорит писатель Михаил Веллер, — это не уравниловка. Справедливость — это инстинкт коллективного выживания народа, спроецированный на плоскость морально-этических отношений. Где нет справедливости, там народ выжить не может. Справедливость — это часть системообразующего инстинкта, который заставляет людей собираться вместе и создавать государство. Если вы исключаете понятие справедливости из устройства вашего государства, то оно будет существовать только силой оружия» [10].

По мнению С. Белковского [5], «гигантский разрыв между образом постсоветской России и русскими архетипами (массового сознания — Я.Л.) привел к возникновению национального маниакально-депрессивного психоза. По нашему мнению, правильнее говорить об этнической или этносоциальной депрессии, т.е. духовно-эмоциональном состоянии этноса, противопо-

ложном состоянии, обозначенному Л.Н. Гумилевым как этническая доминанта [15]. «Никакое национальное развитие с народом, переживающим кризис идентичности, невозможно, — считает С. Белковский. — Этот кризис должен быть преодолен в рамках доктрины единой судьбы. Механизм преодоления — реализация национального проекта, который позволит российской нации пройти стадию первичной идентификации» [5].

И.А. Гундаров, Б.Т. Величковский, С. Белковский и другие авторы сходятся в том, что причиной возникновения системного (в т.ч. демографического) кризиса в России явилась неолиберальная модель реформ, причем в наихудшем из вариантов ее реализации. Социальная цена реформ оказалась непомерной. По словам И.А. Гундарова, «глобальный вывод один: катастрофа везде — экономическая, демографическая, нравственно-духовная...».

Учитывая все вышеизложенное, немало серьезных исследователей считают неприемлемой для России неолиберальную модель, и, так или иначе, солидаризируются с мнением, что планово-рыночный демократический социализм со смешанной формой собственности больше соответствует духу, традициям и менталитету нашего народа [29].

7.3. ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

При проведении различного рода реформ и преобразований очень важно понимать, каким образом и в каком направлении реформы влияют на формирование основных цивилизационных, экономических, социальных, культуральных характеристик общества. Архитекторы реформ, органы власти должны тщательнейшим образом оценивать правильность своих планов, действий и результатов по тому как изменяются — в лучшую или худшую сторону — эти характеристики.

Важнейшим показателем продвижения общества в сторону социального равенства или неравенства служит экономическая структура общества. Вначале посмотрим, какой была экономическая структура советского общества. В советское время неравномерность распределения личных доходов систематически со-

крашлась. За два десятилетия, предшествовавшие распаду Советского Союза (1970–1991), разрыв между средним доходом высшей и низшей квинтилей значительно сократился – с 4,7 до 2,6 раза [31]. В то время существовала неоспоримая сильная тенденция к выравниванию доходов между различными отраслями экономики и регионами страны, сформировался многочисленный средний класс (в Российской Федерации распределение доходов было более равномерным, чем, например, в Прибалтике и Средней Азии). Коэффициент Джини, показывающий степень концентрации доходов, был в России одним из наиболее низких в мире – 0,26 (существенно ниже, чем в социал-реформистских странах Западной Европы, таких как Швеция, не говоря уже о ведущих капиталистических странах и тем более государствах «третьего мира» с их неизмеримо большим разрывом между богатыми и бедными) [там же].

Система выравнивания распределения доходов была сломлена в первые же годы перехода России к капитализму. Уже в 1994 г. коэффициент Джини достиг своего предельно высшего значения (0,409) и после этого изменялся очень мало. Потребительский рынок четко распался на типичные для капиталистической страны элитный и обычный секторы [там же].

Произошло то, о чем мы уже упоминали в предыдущих главах: неолиберальные реформы привели к резкой поляризации доходов населения и росту экономического неравенства в российском обществе. А как выглядит Россия по данному признаку среди стран мирового сообщества? Центром по исследованию неравенства при Техасском университете США оценена по методике ООН степень неравенства доходов в 156 странах, в результате чего страны были распределены по шести группам. В группу с наиболее низким неравенством попали КНР, Куба, Чехия, Швеция, Румыния, Дания и ряд других стран. Россия вошла в четвертую группу вместе с Чили, Зимбабве, Филиппинами, Боливией, Южной Африкой и др. Примечательно, что по степени неравенства капиталистическая Россия значительно превзошла практически все индустриальные страны мира [49].

Считается, что в развитых обществах, где отсутствуют большие противоречия в распределении доходов, подавляющее большинство населения образует так называемый средний класс.

При этом, экономическая структура населения (распределение по уровню среднедушевых доходов или располагаемых ресурсов) выглядит примерно так, как это показано на графике (рис. 7.1), причем в данном распределении мода (максимальная частота наблюдаемого признака) практически совпадает с медианой (средним значением вариации данного признака), т.е. в данном случае кривая распределения является унимодальной, а распределение — нормальным. Преобладающий средний класс служит не только гарантом стабильности общества, но также является основным потребителем производимых в стране товаров. Цены на товары широкого потребления (в том числе первой необходимости) устанавливаются в области максимума («горб» на графике) и устраивают подавляющее большинство граждан. Функцией государства при этом является регулирование доходов и потребления по краям «горба» — как слева (социальная поддержка неимущих), так и справа (ограничение доходов сверхбогатых и перераспределение этих доходов в пользу бедных), что приводит к снижению социальной напряженности в обществе. Таким же образом действует государственное ограничение цен на товары первой необходимости и тарифы естественных монополий.

Совершенно отлична от приведенной выше экономическая структура российского общества, образовавшаяся в результате неолиберальных реформ. Нами построена по данным работы [41] диаграмма распределения населения России по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов в 1998 г. (рис. 7.2). На диаграмме очень хорошо видно, что распределение резко отличается от нормального: частотный максимум (мода) сдвинут к левому краю, т.е. к зоне минимальных значений признака. Следовательно, в российском обществе имеется большой слой малоимущих и бедных и небольшая группа высокообеспеченных и богатых; средний класс настолько мал, что ни о какой заметной роли его говорить не приходится.

Еще одна особенность экономической структуры российского общества была обнаружена профессором Д.С. Чернавским с соавторами [44]. Это — бимодальный характер кривой распределения населения по уровню среднедушевых доходов, что, в какой-то мере, можно увидеть и на нашем графике. Т.е. получается, что в стране существует как бы два «средних» класса: свой у бедных и свой у средне- и высокообеспеченных.

Рис. 7.1. Классическая экономическая структура развитого общества с доминирующим средним классом (распределение населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов, %).

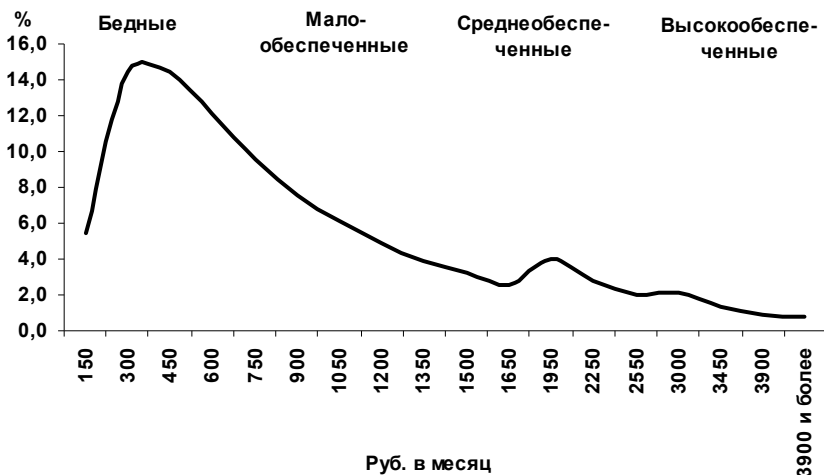

Рис. 7.2. Экономическая структура российского общества (распределение населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов, %), 1998 г.

Профессор Калифорнийского университета Акос Рона-Тас в статье «Послекоммунистическая трансформация и отсутствующий средний класс» писал: «Средний класс, находящийся в меньшинстве, — это абсурд. В демократических странах средний класс — это и есть собственно нация. Типичный член общества — это и есть член среднего класса. Средний класс — это не все граждане, но большинство и представляет то, чем может стать каждый. Российский средний класс, не составляя большинства, подчеркивает растущую пропасть между имущими и неимущими. Показное потреб-

ление его членов, главным образом импортных товаров, мало чем помогает отечественной экономике. Он противостоит большинству нищего населения страны» (цит. по [31]).

С. Меньшиков следующим образом оценивает ситуацию: «Если российский средний класс (вместе с немногочисленной богатой верхушкой) насчитывает только 20 % населения страны, то это действительно небольшое меньшинство, которому противостоят 30 % людей, живущих за чертой бедности, и еще половина населения, занимающая промежуточное положение между самыми бедными и средним классом, т.е. те, кого западные социологи относят к «нижнему классу». В эту группу входит подавляющее большинство людей труда — обычных рабочих и служащих, чей месячный доход на душу населения колеблется на уровне между 60 и 150 долл. (1800—4500 руб. по курсу 2002 г.). Именно их доходами и определяется в конечном счете динамика личного потребления в России» [31].

Знакомясь с рассмотренными нами проблемами, нельзя не обратить внимание на то, что очень большое число ученых, специалистов в самых разных сферах жизни дают крайне отрицательные оценки всей социально-экономической политике российских властей. В то же время обосновывается и предлагается множество альтернативных вариантов развития. К сожалению, складывается впечатление, что власть глуха к критике своего курса, а также совершенно невосприимчива к призывам и предложениям по изменению этого курса.

Ультралиберальная политика, проводившаяся режимом Ельцина, остается практически неизменной в своей основе и после его ухода с поста главы государства. Администрация В. Путина, признавшего наличие острейших проблем: крупномасштабной бедности, демографического кризиса, тотальной коррупции, низких темпов экономического развития и др. — не тронула при этом ни одного краеугольного камня в одиозной социально-экономической системе, скроенной по лекалам неолибералов.

Сторонники перехода к принципиально новой доктрине, нацеленной на всемерное развитие человеческого потенциала, использующей механизм социально ориентированной, регулируемой государством многоукладной рыночной экономики, сходятся в том, что для осуществления подобной программы нужна серьезная политическая воля правящей элиты. Мощный воле-

вой импульс, безусловно, необходим, потому что указанная программа хотя и отвечает интересам подавляющего большинства населения, но противоречит интересам олигархического слоя, обладающего огромными финансовыми ресурсами и мощным разрушительным механизмом коррупционного воздействия.

Г.А. Явлинский считает, что произошедшее в результате российских реформ рождение локально устойчивой социально-экономической системы-мутанта, объективно нацеленной на демодернизацию всей государственной конструкции, создает огромную опасность необратимой деградации общества. Демодернизация, по мнению этого политика, ведет к вымыванию творчески активного слоя нации, способного задуматься над вектором движения страны и противостоять ему [47].

С. Валянский и Д. Калюжный дают следующую характеристику социально-экономической системе, сложившейся в России в рамках неолиберального проекта: «Не менее 70 % производимого валового продукта контролируется двумя-тремя десятками бизнес-структур, решения в которых принимаются несколькими сотнями лиц, составляющими деловую и административную элиту России». Эта система создала сообщество, так или иначе извлекающее за счет существующего порядка высокие доходы и, следовательно, заинтересованное в его сохранении и включающее в себя практически всю нынешнюю российскую «элику».

Кто входит в нее?

Практически весь крупный бизнес, не прозрачный, вкладывающий огромные средства в так называемый «теневой бюджет», выплачиваемый исполнительной и представительной власти в обмен на управленческие решения, приносящие ему в сотни раз больше.

Представители исполнительной власти, получающие мзду за выгодные крупному бизнесу экономические и политические решения.

Представители законодательной власти — «профессиональные политики», принимающие законы в интересах все тех же групп.

Верхушка правоохранительных органов, контролирующая силовой аппарат, прикрывающая бизнес от криминала, но часто не гнушающаяся роли вымогателей.

Руководители средств массовой информации, которые, с одной стороны, обеспечивают системе в целом идеологическое

прикрытие, а с другой — играют на противоречиях внутри самой элиты, извлекая из этого немалую выгоду.

Естественно, что коррупция стала необходимым элементом хозяйственной деятельности, органической частью системы.

А вот теперь подумайте, будут ли члены этой группы, даже осознавая пагубность и временность такой системы, стремиться к ее разрушению, невозможному без прямого или косвенного ущерба для них самих...

Причем следует помнить, что благосостояние олигархической когорты обеспечено инфраструктурным и технологическим заделом советского периода. Это вложения, сделанные в свое время в общенациональную транспортную сеть, электроэнергетику, разведку природных ресурсов, в систему НИОКР и прочее. В 90-е гг., когда когорта «эффективных собственников» присвоила себе право получать доходы от созданных трудом и средствами всего народа предприятий, вложения в эти отрасли сильно сократились. Эффект недостаточного финансирования начинает ощущаться уже сегодня, но в полной мере проявится в ближайшие пять–десять лет» [8].

«У этого псевдогосударства отсутствует стратегический курс в области национальной безопасности, включая безопасность личности, общества и даже самого государства. Ускоряется износ национальной инфраструктуры, идет деградация интеллектуального и технологического потенциала нации, разрушение системы его воспроизводства. Отсутствует национальная стратегия, способная концентрировать национальные ресурсы для прорыва на траекторию динамичного развития России. Нет мобилирующих национальных ориентиров, размыты нравственные критерии, сужена социальная перспектива для большинства населения...» [там же].

Здесь все же необходимо сказать о совершенно особой роли первого лица в государстве, что предопределено историческими традициями, менталитетом общества, особенностью реальной власти в России. Г.А. Явлинский считает, что при всех пороках конструкции власти и властной элиты «глава государства несет, тем не менее, потенциальную угрозу для элиты и ее режима». Это обстоятельство объясняется тем, что «Президент РФ, работающий в Кремле, неизбежно начинает, во-первых, понимать, что у нас в стране происходит, а во-вторых, ощущать себя государственным дея-

телем — такая особенность у этих стен и у этой должности» (эта логика, видимо, не безупречна, поскольку подобная метаморфоза ни в каком виде не произошла с Б. Ельциным. — Я.Л.). «В результате, — продолжает Явлинский, — появляется носитель общегосударственных интересов и ценностей, может быть, единственный во всей властвующей политической элите» [47].

Согласно характерным особенностям национальной психологии русских широкие народные массы традиционно уповают на мудрость, прозорливость первого лица государства, понимание им проблем общества и знание того, как эти проблемы решить. Эти упования не смог поколебать даже печальный пример первого российского президента. Все это налагает на главного чиновника страны колоссальную ответственность и обуславливает огромную цену его решений и действий.

«Когда мы голосовали за Путина, за неизвестного Путина, — говорил известный политолог Александр Бовин, — мы голосовали за надежду. В чем-то надежды оправдались. Во многом — нет... Конечно, президент не может знать все и вся. Но он может окружить себя людьми, которые умнее его и знают больше. Есть ли вокруг нашего президента такая команда? У меня такое ощущение, что нет» [6].

Как полагает Александр Зиновьев, миссия Путина состоит лишь в том, чтобы легитимировать ельцинизм, узаконить переворот, совершенный в начале 90-х гг. [19]. «После того как в марте 2000 г. большинство избирателей поддержали на выборах кандидатуру Путина, — считает А. Зиновьев, — у него был великолепный шанс — доверие собственного населения, отсутствие обязательств перед Западом. Путин не был креатурой Вашингтона, там после его прихода в Кремль царило некое напряжение, томительное ожидание. В этот момент новый глава государства мог попытаться спасти страну, объявив беззаконием и мародерством приватизацию начала 90-х гг., национализировав всю финансовую систему и совершив перевод в государственную собственность всех энергетических ресурсов России. Кстати и на Западе были готовы к такому повороту событий. Но Путин ничего делать не стал, заявив, что итоги приватизации пересмотру не подлежат» [там же]. Обосновывая безусловную необходимость именно таких, перечисленных им политических решений и действий верховной власти, для которых нужны и сильная воля и

мужество противостоять набравшим силу олигархо-бюрократическим кланам, А. Зиновьев говорит, что «утрата государственной независимости, потеря контроля над стратегическими отраслями сравнимы по тяжести с последствиями войны» [там же].

Подобные мнения и оценки высказывают и другие видные деятели, специалисты. Вот как расценивает послеельцинские реалии политолог Александр Ципко: «Многие полагали, в том числе и я, что президентство Путина превратится в череду общенациональных дел, что за восстановлением федеральной власти в Чечне последует общенациональная борьба с преступностью и коррупцией, захват государством центральных высот в добывающих отраслях производства, возвращение народу природной ренты, изгнание назойливых олигархов из кремлевских палат. Народ ждал от Путина не только победы с большой буквы, но и восстановления порядка и справедливости.. На самом деле «семья», которая контролирует правительство, а через него реальное управление экономикой, обладает куда большей властью, чем действующий президент. Вообще нельзя быть хозяином в стране, где основные активы национальных компаний выведены за рубеж, а на инвестиции иностранных сохранился голод [43].

Все указывает на то, что рассчитывать на радикальное изменение действующей верховной властью социально-политического курса и переход к подлинно национальной доктрине развития не приходится. О том, что ждет страну в этом случае, кратко, но определенно спрогнозировал Александр Бовин: «Вялотекущий кризис. Демографическая катастрофа, утечка умов и дальнейшая деградация России» [6].

И.А. Гундаров отмечает, что заблуждения лидеров могут дорого стоить обществу, поэтому, чтобы минимизировать болезненность неизбежных ошибок, необходима система контроля, прогнозирования и профилактики негативных последствий управленческой деятельности [16]. Из-за отсутствия такого контроля за государственной властью, считает автор, в реформируемой России оказались грубо нарушенными положения седьмой статьи Конституции, что доказывается трагичными социально-демографическими процессами.

Государство не является правовым и демократическим, если в нем не предусматривается соблюдение норм ответственности

органов власти всех уровней перед своими гражданами за обеспечение достойных условий жизни. Следовательно, обществу нужны какие-то ориентиры, критерии по оценке деятельности власти, показывающие, насколько успешно последняя справляется с этой главной своей функцией и обязанностью.

По мнению И.А. Гундарова, для защиты конституционных основ России в части седьмой статьи необходим соответствующий правовой механизм, в котором должны быть перечислены наиболее важные социальные параметры, подлежащие ежегодному контролю. Это те «красные флажки», за которые государство не имеет право заступать [16]. Введение ответственности за последствия осуществляемой политики, по мысли автора, заставит бюрократический аппарат действовать преемственно, исходя из интересов общества. Такой механизм обратной связи позволит гражданскому обществу осуществлять реальное самоуправление через коррекцию ошибочных политических решений.

Мы считаем, что социальные критерии оценки деятельности власти должны фигурировать в каких-то концептуальных государственных или межгосударственных документах (например, подобных Европейской социальной хартии). В круг указанных критериев (как целевых ориентиров на этапах развития общества) обязательно должны быть включены минимально необходимые и последовательно улучшаемые в соответствии с мировыми стандартами важнейшие медико- и социально-демографические показатели, выступающие в качестве индикаторов уровня общественного здоровья и социального благополучия. В числе таких критериев мы предлагаем использовать показатели:

- ◆ средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении и в возрасте 15, 35, 45 и 65 лет;
- ◆ смертности: младенческой, в возрасте до 65 лет, в трудоспособном возрасте;
- ◆ распространенности заболеваний туберкулезом, болезней, передаваемых половым путем, случаев алкоголизма, наркотической зависимости;
- ◆ заболеваемости беременных, рожениц и родильниц;
- ◆ индексов здоровья новорожденных, детей дошкольного и школьного возраста, подростков;
- ◆ индексов развития человеческого потенциала;
- ◆ уровней общей и подростковой преступности;

- ◆ доли населения с доходом на уровне и ниже прожиточного минимума;
- ◆ степени социального диспаритета (различий в уровнях доходов наиболее и наименее обеспеченных слоев населения).

7.4. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Мы уже упоминали широко бытующее в научных и политических кругах мнение о том, что сложнейшую работу по преодолению кризиса и выхода на путь устойчивого развития необходимо начинать с выработки четкой и определенной национальной идеи и национальной доктрины.

На важность для сплочения и развития общества идей и духовных ценностей указывали многие исследователи. Академик Георгий Арбатов, долгие годы возглавлявший Институт США и Канады, считает, что «реформы 90-х не имели успеха, поскольку в них отсутствовала концепция, идея. Все делалось по принципу: чем дальше от советского образца, тем лучше. Это был не экономический, а эмоциональный подход. В итоге мы умудрились построить капитализм, но не современный, социально-ориентированный, а полудикий, напоминающий тот, что был в конце XIX в. [3].

И.Р. Шафаревич отмечал, что «далеко не столь редким является случай, когда нация или социальная группа вымирает не вследствие экономических причин или истребления врагами, но потому, что уничтожаются духовные условия ее существования» [45].

По мнению Г. Чайлда, «идеология, как бы она ни была далека от очевидных биологических потребностей, практически оказывается биологически полезной, т.е. благоприятствует выживанию вида. Без этого духовного вооружения не только общества приобретают тенденцию к распаду, но и составляющие их индивидуумы перестают держаться за жизнь («What happened in History», цит. по [45]).

О колоссальной значимости этой проблемы говорит то обстоятельство, что произошедшие в России в 90-е гг. события как раз являются важнейшим примером провала попытки политиков, экономистов и других деятелей Запада навязать российскому обществу неприемлемую для него доктрину, когда никакая

другая некоммунистическая альтернатива «даже не рассматривалась» (Wayne Merry в JRL, Sept. 24. 1999; Jane Perlez в NYT, Sept. 1. 1999, цит. по [28]).

Факт гибельности, чужеродности навязанной доктрины признало немало трезвомыслящих и компетентных деятелей Запада. Известный британский журналист Дж. Ллойд так сформулировал свои «крамольные» вопросы в 1999 г.: «Действительно ли президент, которого мы на Западе поддерживали, чествовали, славили, оказался хуже коммунистов, которых мы помогли ему победить? Действительно ли рыночные реформы, которые мы продвигали и помогали оплачивать, были настолько непродуктивны, что с нашей помощью было создано государство-монстр типа Франкенштейна?...» (John Lloyd, «Who Lost Russia?», NYT Magazine, Aug. 15, 1999, цит. по [28]). Стивен Коэн пишет, что сам автор этих строк, обладавший безупречным статусом в высоких политических и финансовых кругах, ушел от ответа. Но если в его вопросах убрать вопросительные знаки, то это будет звучать как эпитафия американскому крестовому походу [28].

Позорным эпизодом в истории академического россиеведения называет С. Коэн тот факт, что ученые Запада сумели подвести историческую и юридическую базу под *главную лжеидею американского крестового похода — о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа* [там же] (выделено мною — Я.Л.).

Академик Геннадий Осипов считает, что приемлемость, прогрессивность парадигмы развития реформ, должна обязательно «тестироваться» человеком [32]. Он предлагает протестировать сегодняшние реформы таким образом и ответить на простой вопрос: в результате прошедших за последние годы преобразований человек эволюционировал или деградировал? Ответ, по мнению Г. Осипова, очевиден. *А любые реформы, ведущие к деградации человека и общества, реакционны* (выделено мною. — Я.Л.).

Так, все же, какой должна быть национальная доктрина развития России?

Мы уже многократно говорили о пагубности неолиберальной (ультралиберальной) доктрины. Но поскольку она по-прежнему лежит в основе социально-экономической политики, осуществляемой российским руководством, приведем отмеченные В.П. Казначеевым с соавторами [24] изъяны этой доктрины (наи-

более последовательно изложенной Гайдаром), делающие последнюю непригодной для страны в ее современной ситуации. Наиболее очевидные из них таковы:

- социальная цена реформаторских экспериментов даже не обсуждается, а она уже давно превысила все разумные пределы;
- не дается ответа на такие ключевые вопросы: что делать с 3/4 отечественных предприятий, которым при сформированных правилах «рыночной экономики» суждено разориться и что делать с десятками миллионов семей, не имеющих иных источников существования; что делать с целыми регионами (Север, Дальний Восток, депрессивные зоны, моногорода и др.), когда из-за отсутствия средств будет отключено тепло, электричество, начнутся техногенные катастрофы;
- почему до сих пор руководство страны не решило поставленные задачи (не победило преступность и инфляцию, а многократно усилило их) и как слабое государство будет их решать;
- наконец, ничего не говорится о внешних обстоятельствах, как будто Россия не является объектом внешних угроз и территориальных претензий, не говоря уже об экономической экспансии различных государств.

Таким образом, нужны другие подходы к определению генеральных принципов и путей развития России.

Вице-президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Леонид Ивашов убежден, что у такой большой страны как Россия обязательно должна быть геополитическая идея, которая есть у большинства крупных стран [20]. Из-за отсутствия таковой Россия не знает, чем она хочет стать. То ли великой державой, которая воплотит в себе единение государства и общества с общедуховной ориентацией. То ли ее устроит, если она скатится на роль региональной державы, и не более того. А раз нет геополитической идеи, считает Л. Ивашов, значит, нет и идеи национальной. Последняя же рождается только тогда, когда государство начинает осознавать свое местоположение в современном геополитическом мироустройстве.

По мнению академика РАН В.П. Казначеева, «геополитика в XXI веке — это не только сохранение политического и военного авторитета, экономического потенциала, территориальной целостности, а, прежде всего, сохранение нации: ее здоровья, интеллекта и репродуктивного благополучия. Если этого не бу-

дет, то нация исчезнет, как таковая, и все ее прошлые достижения: территория, вооруженные силы, промышленные объекты — все это будет пущено на продажу с молотка. «Обезлюживание» России по существу выгодно крупнейшим корпорациям мира с тем, чтобы провести такую политику до конца. Сегодня мы уже подходим к этой грани» [23].

«Россия оказалась в геополитической ловушке, — считает В.П. Казначеев. — Для нас демографическая «бедность» сейчас страшнее бедности экономической. Основные природные ресурсы страны находятся на территории от Уральского хребта до океана, а живут здесь двадцать семь миллионов человек. Не надо забывать, что с Юга на Россию внимательно смотрят три миллиарда человек. И то, что нас всего сто сорок семь миллионов, их вряд ли огорчает... Армии, ракеты, границы — все это по-прежнему имеет значение, но постепенно картина меняется. *Будущее для нас уже измеряется не в баррелях нефти или в мегатоннах ядерных боеголовок, а в количестве беременных женщин на один квадратный километр* (выделено мною. — Я.Л.). России необходимо всерьез задуматься о перспективах геополитического выживания и решать эту проблему целостно» [24].

Владимир Рубанов, член президиума Совета по внешней и оборонной политике, действительный член Международной Академии информатизации и Академии социальных наук, говоря о национальной безопасности (которая обязательно должна быть в основе национальной доктрины) приводит пример США, где это понятие имеет широкое толкование и включает в себя защиту образа жизни (!) населения и территории [36]. Очень важно то, подчеркивает Рубанов, какими средствами будут решаться проблемы демографии, здоровья, образования российского населения... Угроза распада российской государственности — в извилинах сбитых с толку простых людей, занятых единственно важной для них проблемой собственного выживания, в неспособности политической и духовной элиты общества найти достойные ответы на вызовы времени. Модная же сегодня в политических кругах идеология «экономоцентризма» вряд ли способна преодолеть *кризис национальной идентичности*, который В. Рубанов считает одной из главных внутренних проблем безопасности страны (помимо ее экономической слабости).

В. Рубанов говорит также о том, что создаваемые политической элитой нормативно-правовые основы государства не должны вступать в противоречие с менталитетом, моралью, историческими тенденциями и предпочтениями народа. «Новая власть оказалась в «ножницах» между общественной нравственностью и законностью. Урок для политиков и бизнесменов на будущее: *законы, противоречащие представлениям общества о справедливости, не дадут желаемой политической стабильности и могут угрожать национальной безопасности*» [там же].

Об утрате российским этносом общенациональных идеалов, целей и перспектив развития свидетельствуют несомненные признаки социальной апатии, нигилизма, усталости (возможно психологического надлома). Михаил Горбачев высказался по этому поводу следующим образом: «Загадка для меня: то в одной стране, то в другой миллионы идут защищать свои права. То — диспетчеры в Европе, то пожарные в Америке. То — мусорщики, то — учителя. Они выходят — власть слышит. У нас — молчат люди. Молчит пресса. Так же молчали, когда упраздняли Советский Союз... Люди не выходят! Я думаю, отсутствует гражданское общество, хотя в Конституции все права его есть. В результате приходится думать: сверхтерпение, которое не находит законного выхода» [14].

По-видимому, все же правильнее говорить не о сверхтерпении, а именно об апатии, недоверии к власти предадержавшим всех уровней, неверии в возможность на что-то повлиять, что-то изменить в существующем порядке вещей.

Выдающийся этнолог, историк Лев Гумилев считал, что проявляемые народом в сложные моменты его истории апатия и безволие являются характерными признаками утраты *этнической доминанты*, которая организует пассионарность этноса и направляет его к жизненно важной цели [15].

Академик Г.В. Осипов убежден, что не было в прошлом и не может быть в будущем долговечной и жизнеспособной системы управления социально-политическими и экономическими процессами, которая не тестируется категориями национальной доктрины положительно [32]. Национальная доктрина должна соответствовать, по мнению Осипова, уровню цивилизации этноса, его геополитическому местоположению, экономическому потенциалу. Автор солидаризуется с отечественными и зарубежными специалистами, считающими, что *способствовать реформированию*

России можно только при поддержке идей и интересов, выражающих менталитет народа и самобытность страны, а не отдельных политических деятелей (выделено мною. — Я.Л.).

Подводя итог рассмотренным в настоящей книге наиболее острым и значимым проблемам развития страны, исходя из жизненно важных интересов общества и выражая мнение крупнейших деятелей науки и культуры (А.И. Солженицын и др.), можно утверждать, что ***Национальной идеей России на современном этапе должно стать сбережение и приумножение народа.***

В таком случае парадигма развития страны (и национальная доктрина) должна быть ориентирована не на свободный рынок, открытую экономику, «либеральные» ценности и т.п., а ставить в качестве главных приоритетов и целей этносоциальные, культурные и геополитические интересы нации: народосбережение, общественное здоровье и развитие человеческого потенциала.

Исходя из результатов наших и других исследований, экспертных оценок представляется, что в решении проблемы повышения потенциала воспроизводства населения существуют следующие возможности (резервы) подсистем обеспечения и направлений деятельности (соответственно такими же должны быть вклады этих подсистем):

- 1) повышение уровня и качества жизни (75–80 %);
- 2) медицинские технологии (12–16 %);
- 3) другие подсистемы (10–15 %).

Главное значение для восстановления потенциала воспроизводства населения имеет повышение уровня и качества жизни. Средством достижения этой цели является социальная политика — совокупность политических установок, принципов, решений и действий, направленных на обеспечение оптимального для данного общества функционирования и развития населения.

При этом главными направлениями деятельности являются:

- повышение уровня доходов основной массы населения;
- уменьшение доли бедного населения (с 30–35 % до 10–12 %);
- уменьшение поляризации населения по жизненному уровню (соотношение размеров дохода верхней и нижней децильных групп не должно быть больше, чем 5 : 1 или 6 : 1);
- сокращение безработицы (с 8–12 % до 1–2 % трудоспособного населения);

■ устранение деформации всей социальной сферы: пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, жилищно-коммунальной сферы, социального обслуживания.

В рамках особой социально-экономической и социально-демографической политики в регионах Сибири (принципы которой обозначены выше) важнейшую роль должна играть *семейная демографическая политика*, поскольку наибольшее значение для преодоления депопуляции имеют репродуктивные установки семьи и «нормы детности».

По данным социологических опросов [22], важнейшими причинами, мешающими осуществлению репродуктивных планов женщин, являются:

- 1) неприемлемые материальные условия — 48 %;
- 2) неуверенность в завтрашнем дне — 45 %;
- 3) неподходящие жилищные условия — 33 %;
- 4) отсутствие поддержки властей — 24 %;
- 5) плохое состояние здоровья — 19 %.

Мы считаем (как и многие социологи, демографы), что в России основными принципами семейной демографической политики должны стать:

- ✕ стимулирование рождаемости;
- ✕ обеспечение гарантий доходов;
- ✕ преодоление бедности;
- ✕ регулирование рынка труда в интересах семей;
- ✕ политика в отношении женщин («гендерный консенсус» и т.д.);
- ✕ укрепление семьи.

Наиболее радикальный и национально ориентированный путь противостояния депопуляции (но и самый трудный) — *преодоление кризиса семьи и малодетности*, увеличение числа семей с тремя–четырьмя детьми. При этом важнейшей задачей в культурно-просветительской области является перестройка и резкое усиление деятельности СМИ (особенно телевидения, кинематографии), учреждений культуры, образовательно-воспитательных учреждений, служб планирования семьи по пропаганде семейной жизни с несколькими детьми как приоритетной жизненной ценности. Семья и дети должны стать престижными атрибутами жизненного успеха.

В современных условиях рождение детей немедленно приводит к ухудшению экономического положения подавляющего

большинства семей. Это совершенно недопустимо. Преодолеть малодетность можно только с помощью очень мощной и целенаправленной деятельности по экономической поддержке молодых семей, стимулированию их репродуктивной функции.

Представляется, что в настоящее время необходимы следующие неотложные меры по стимулированию рождаемости:

- установить единовременные выплаты на новорожденного — до 30 тыс. руб. за первого ребенка (увеличивать за 2, 3, 4-го ребенка);

- установить размер детского пособия до 3 тыс. руб./мес. (в дальнейшем, при инфляции, — индексировать) для бедных и малообеспеченных семей (исключая социопатические семьи), выплачиваемого до достижения ребенком 7-летнего возраста;

- ввести систему льготных жилищных кредитов молодым семьям с детьми и погашения их по мере роста числа рождаемых детей (за 1-го погашать 30 %, за 2-го — 60 %, за 3-го — 100 %). При рождении 4-го ребенка предоставлять жилье большей площади + автомобиль;

- ввести систему опекунов над брошенными детьми и детьми из социопатических семей;

- для организационного обеспечения этих мер необходимо создать *службу фамилистической экспертизы*, которая должна вести тщательное сопровождение и строгий контроль всей деятельности, осуществляемой в рамках семейной политики и стимулирования рождаемости, с учетом социопатических, миграционных и других аспектов;

- создать фонд будущих поколений. На счет каждого новорожденного класть порядка 300 тыс. руб. (10 тыс. \$ или €) до достижения совершеннолетия (до этого использовать в виде беспроцентных или малопроцентных кредитов на строительство жилья молодым семьям).

Мы считаем, что в первую очередь (и немедленно) указанные меры необходимо ввести в Сибири, на Дальнем Востоке, в северо-западных областях России (Псковской, Новгородской, Тверской, Ленинградской). Восточная Сибирь, особенно Байкальский регион, должна стать зоной, где экономические, социальные стимулы и льготы в отношении воспроизводства населения следует реализовать по максимуму и в наиболее полном виде.

Преодоление кризиса в общественном здоровье и социально-демографическом развитии является залогом выживания народа России в XXI в. Последнее возможно только на основе сбалансированности социально-экономических, экологических и демографических процессов, объединения усилий всех государственных, муниципальных и общественных институтов на территориях, главными критериями деятельности которых должны стать показатели здоровья населения: средняя продолжительность предстоящей жизни, младенческая смертность, воспроизводство населения.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 7

1. *Аксюциц В.* Апология русского характера / В. Аксюциц // НГ. — 2000. — 27 июня.
2. *Антонов М.* Капитализму в России не бывать! / М. Антонов. — М: Яуза, Эксмо, 2005. — 672 с.
3. *Арбатов Г.А.* Похож ли Путин на Рузвельта? / Г.А. Арбатов // КП. — 2003. — 5 ноября. — С. 8–9.
4. Белая книга российских спецслужб. — М.: Обозреватель, 1996. — 300 с.
5. *Белковский С.* России пора распрощаться с внешним управляющим / С. Белковский. — www.kp.ru. — 20.01.2004.
6. *Бовин А.* Через 50 лет Китай обойдет Америку / А. Бовин // НГ. — 2003. — 10–13 мая. — № 34. — С. 6.
7. Будут ли русские чтить Коран и есть рис палочками? // КП. — 2003. — 24 июля.
8. *Валянский С.* О Западе, который пыжился, пыжился, а Россия сама по себе / С. Валянский, Д. Калужный. — М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. — 541 с.
9. *Величковский Б.Т.* Реформы и здоровье населения страны (пути преодоления негативных последствий) / Б.Т. Величковский. — М., 2001. — 36 с.
10. *Веллер М.* Если не украл, то — дурак? / М. Веллер // АиФ. — 2005, октябрь. — №41. — С. 3.
11. Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века» / В.П. Казначеев, А.И. Акулов, А.А. Кисельников, И.Ф. Мингазов / 2-е изд., переработ. и доп., под общ. ред. акад. В.П. Казначеева. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. — 463 с.

12. *Гончаренко А.В.* Социальные аспекты безопасности России / А.В. Гончаренко // Экология человека. — 2000. — № 1. — С. 30–32.
13. Возможен ли в России военный переворот? // КП. — 2003. — 12 апреля. — С. 12–13.
14. *Горбачев М.* / М. Горбачев // НГ. — спецвыпуск (вкладка). — 2003. — 16–18 июня. — С. 1.
15. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. — М.: Изд-во АСТ, 2001. — 560 с.
16. *Гундаров И.А.* Отечеству можно причинить зло, желая добра. Общество должно получить механизм конституционного контроля над властью / И.А. Гундаров. — www.ng/politics/2000-09-13/3-zlo/html.
17. *Данилов-Данильян В.И.* Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 416 с.
18. *Дугин А.* Быть русским — значит быть антиамериканцем, или почему мы не любим Штаты / А. Дугин // КП. — 2003. — 26 марта.
19. *Зиновьев А.* После Ирака Америка ударит по Китаю? // КП. — 2003. — 11 марта.
20. *Зиновьев А.А.* Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 431 с.
21. *Ивашов Л.Г.* Россия: туз или шестерка? / Л.Г. Ивашов // Трибуна. — 2002. — 27 марта.
22. *Ильишев А.М.* Стратегия включения репродуктивного труда в производство / А.М. Ильишев, И.В. Лаврентьева // Социол. исслед. — 2003. — № 3. — С. 58–66.
23. *Казначеев В.П.* Проблемы геополитики и выживания в XXI веке / В.П. Казначеев // Здоровье для всех: Информ. бюллетень обществ. объединений в области здоровья населения. — 2000. — № 1 (12). — С. 8–11.
24. *Казначеев В.П.* Мы должны срочно понять, куда исчезает наше население / В.П. Казначеев // Век. — 2001. — № 50.
25. *Капица С.П.* Модель роста населения Земли / С.П. Капица // Успехи физич. наук. — 1995. — Т. 26, № 3. — С. 111–128.
26. *Касьянова К.* О русском национальном характере / К. Касьянова. — М., 1994.
27. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 17.12.1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10.01.2000 г. № 24).

28. *Коэн Стивен*. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России: пер. с англ. / Стивен Коэн. — М.: АИРО—XX, 2001. — 304 с.
29. *Круашвили Б.П.* Историческая логика сталинизма / Б.П. Круашвили. — М.: Былина, 1996.
30. *Львов Д.С.* Научный доклад на заседании Президиума РАН 12.02.2002 г. / Д.С. Львов. — М.: ЦЭМИ, 2002.
31. *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма / С. Меньшиков. — М.: Международные отношения, 2004.
32. *Осипов Г.* У последней черты / Г. Осипов // Трибуна. — 1999. — 20 августа.
33. *Петров В.Л.* Геополитика России (Возрождение или гибель?) / В.Л. Петров. — М.: Вече, 2003. — 464 с.
34. *Пирумов В.С.* Бандиты, запасайтесь памперсами / В.С. Пирумов // Трибуна. — 1999. — 27 октября. — С. 3.
35. *Попов Г.* Как Кейнс обскакал Маркса / Г. Попов // АиФ. — 2003. — октябрь. — № 40.
36. *Рубанов В.* Откель грозить нам будут? / В. Рубанов // НГ. — 2000. — 3–6 августа. — С. 5.
37. *Рыбаковский Л.Л.* Прикладная демография (работы 2001–2003 гг.) / Л.Л. Рыбаковский. — М., 2003.
38. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие / В.К. Сенчагов. — М., 2002.
39. *Соловей В.* Почему вымираем? / В. Соловей // Век. — 2002. — № 26.
40. *Степашин С.* Заочной амнистии не будет / С. Степашин // АиФ. — 2004. — № 49.
41. *Феминизация бедности в России. Сборник докладов, подготовленных для Всемирного Банка.* — М.: Издательство «Весь Мир». — 2000.
42. *Фишер С.* Экономика: пер. с англ. / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. — М.: Дело, 1997. — 864 с.
43. *Ципко А.* Нельзя дважды вступить в одну реку / А. Ципко // КП. — 2002. — 12 июля. — С. 6.
44. *Чернавский Д.С.* Динамическая модель закрытого общества (институциональные ловушки и кризисы) / Д.С. Чернавский, Н.И. Старков, А.В. Щербаков // Препринт. ФИАН. — 1999. — № 36.

45. *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории / И.Р. Шафаревич / Сочинения в 3 т. — М.: «Феникс», 1994. — Т. 1. — С. 73—138.

46. *Шляпентох В.Э.* Равенство и справедливость в России и США / В.Э. Шляпентох. — www.nir.ru (2001).

47. *Явлинский Г.А.* Демодернизация: униженные люди не создадут экономику XXI века / Г.А. Явлинский // НГ. — 2002. — 11—13 ноября.

48. *Ядов В.А.* Россия в мировом пространстве / В.А. Ядов // Социол. исслед. — 1996. — № 3. — С. 27—29.

49. *Galbraith James K.* A perfect crime in the age of globalization / James K. Galbraith. — Daedalus. — Winter 2002. — P. 18—19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой книги сделана попытка всесторонне осветить многоаспектный характер, интенсивность и направленность происходящих в стране в последние полтора десятилетия изменений в таких важнейших сферах жизнедеятельности как общественное здоровье и социально-демографическое развитие, разобраться в главных причинах этих изменений, определить возможные пути (альтернативы) дальнейшей трансформации российского общества.

Исходя из предмета социальной экологии и некоторых базовых понятий кибернетики мы считаем наиболее правильным оценивать жизнедеятельность общества с функционально-системных позиций, исследуя способность человеческой популяции удовлетворять основным требованиям, необходимым для ее выживания и развития. Т.е. популяцию, этнос следует в этом ракурсе рассматривать как некий целостный биосоциальный организм (социально-биологическую или социодемографическую систему) с присущими ему структурными и функциональными свойствами (подробнее об этих свойствах человеческой популяции см. в нашей работе [3]).

Согласно теории открытых систем (к которым принадлежат и живые системы, в том числе человеческие популяции) лишь те системы могут обеспечить свою стабильность и защиту от внешних воздействий, которые постоянно развиваются, увеличивая свою мощь. Только при таком условии в изменяющейся (движущейся) системе может обеспечиваться сохранение саморегуляции. В данном аспекте важнейшими свойствами живой системы является ее способность к воспроизводству, адаптации и регулированию потока энергии. Если обратиться к медико-демографическим категориям, то об указанных свойствах популяции, этноса можно судить по репродуктивному потенциалу (активности), психофизических резервах, уровню здоровья, жизненному и трудовому потенциалах.

Материалы, обобщенные в настоящей книге и сделанные на их основе оценки однозначно указывают на то, что на протяжении всего периода проведения неолиберальных экономических реформ вплоть до настоящего времени (1992–2006) состояние общественного здоровья, особенно населения трудоспособного возраста, а также соматического, психического, репродуктивного и поведенческого статуса значительной части детей, подростков, молодежи отражает высокую степень жизненного неблагополучия. Можно констатировать, что медико-демографические отклонения и диспропорции, отдельные признаки которых еще в 70–80-е гг. отмечали некоторые исследователи, в 90-е гг. многократно усилились. Произошло резкое снижение уровня здоровья, ухудшение физических, психофизиологических характеристик населения, показателей воспроизводства. Все это, безусловно, негативно сказывается на формировании трудового и оборонного потенциалов, создает, и еще больше будет создавать в будущем значительные трудности в реализации программ экономического и социального развития.

Оценивая эти процессы и явления с системно-функциональных позиций, можно сказать, что в рассматриваемой социально-биологической системе сначала прекратилось увеличение, а затем стало происходить непрерывное снижение мощности, что можно расценивать как расстройство саморегуляции, остановку в развитии и постепенное нарастание признаков медико-демографической деградации — количественной (депопуляция) и качественной (снижение жизненного и репродуктивного потенциалов, психофизических резервов).

Длительное существование общества в условиях медико-демографического кризиса опасно, ибо чем дальше заходит процесс деградации общественного здоровья, тем труднее оно восстанавливается, даже при создании благоприятных условий жизни [6]. Продолжительное сохранение рождаемости и смертности на современных уровнях может сделать процесс количественной инволюции (депопуляции) необратимым. По самым оптимистичным прогнозам экспертов ООН, к середине XXI в. численность населения России составит чуть более 121 млн чел., и страна с 7 места в мире по численности населения переместится на 14. По среднему варианту прогноза население страны снизится до 104,3 млн чел. Для Сибири, которая по южному периметру гра-

ничит со странами с многочисленным и быстрорастущим населением, процесс депопуляции опасен вдвойне.

В марте 2004 г. газета «Ведомости» опубликовала статью Михаила Ходорковского «Кризис либерализма в России» (написанную в заключении), которую многие не без оснований восприняли как знаковое событие. Еще бы! М. Ходорковский, который является виднейшим представителем неолиберальной элиты, дал неожиданную для олигарха оценку «реформам» и социально-экономической политике ельцинского периода, но больше всего — самой сущности российских либерал-реформаторов, которая оказалась для них шокирующе реалистичной. Вкратце суть признаний М. Ходорковского состояла в следующем: «Русские либералы действовали вопреки жизненно важным интересам народа. Обманув 90 % россиян, они смертельно боятся говорить правду. Они игнорировали негативные (катастрофические) последствия проводившейся приватизации. Никто в 90-е гг. так и не занялся реформами образования, здравоохранения, жилищно-коммунальной сферы, адресной поддержкой малоимущих и неимущих. Социальная стабильность, социальный мир были российскими либералами проигнорированы. Они обросли «Мерседесами», виллами, ночными клубами, золотыми кредитными картами, с демонстративным цинизмом даже не пытаются скрывать безразличия к безгласному населению»...

Конечно, даже при такой неожиданной объективности, проявленной Ходорковским, он остается истинным представителем своего олигархического клана. Поэтому наивно рассчитывать, что он откажется от идеологии неолиберализма, или признает ее непригодной для России, а также скажет всю правду о реформах ельцинского режима. А она, эта правда, состоит в том, что деятельность власть имущих либерал-реформаторов, создавших в 90-е гг. социально-экономическую систему-монстра, нанесла (и продолжает наносить) колоссальный, неслыханный ущерб России и ее народу. Все это должно получить справедливую оценку и повлечь за собой соответствующие выводы и решения на государственном уровне.

Вышесказанное — отнюдь не преувеличение. Ведь именно в результате деятельности радикал-либералов возникли острейшие проблемы и беды российского общества и главные из них — падение уровня жизни (массовая бедность) и вымирание насе-

ления. Резюмируя проведенный демографами анализ человеческих потерь в России вследствие смертности на протяжении XX в., «Независимая газета» отмечала: «Оказалось, что по мощи ежегодного уничтожения человеческого потенциала российские реформы в два раза превышают силу сталинского режима, сопоставимы с Первой мировой войной и уступают лишь интенсивности потерь в период гитлеровского нашествия» [5]. О.А. Арин так прокомментировал эту информацию: «Отсюда следует, что нынешний режим демократов в десятки раз оказался тоталитарнее «тоталитарного» сталинского режима» [1] (только режим, все-таки не демократов, а неолибералов. — Я.Л.). Надо сказать, что за шесть лет президентства В. Путина ситуация со смертностью нисколько не улучшилась.

А имеются ли какие-нибудь достижения в преодолении бедности, что российский президент также обозначил в качестве важнейшего государственного приоритета. Об этом можно судить по результатам исследований, проведенных в конце 2004 г. социологическим центром, возглавляемым известным социологом Юрием Левадой [АиФ. — 2004. — № 51]. Данные опроса населения в разных регионах страны показали, что лишь 1 % опрошенных способны осуществлять любые покупки — вплоть до квартиры, дачи, драгоценностей. Еще около 10 % респондентов заявили, что могут без труда приобрести новый холодильник, мебель и тому подобное. Около 31 % граждан могут нормально питаться и одеваться, но им трудно собрать деньги на крупную покупку. Большинство опрошенных (41 %) в состоянии прокормить себя и семью, но купить одежду или обувь — для них уже большая проблема. Наконец, 18 % опрошенных сообщили, что едва сводят концы с концами, им часто не хватает денег даже на еду. Эти данные свидетельствуют о том, что показатели уровня бедности и социального диспаритета существенно не изменились по сравнению с показателями 3–7-летней давности. И еще эти материалы показывают, что бедные (в том числе нищие) и малообеспеченные составляют в совокупности до 60 % населения страны. При выяснении мнений населения о наиболее беспокоящих его проблемах 83 % опрошенных указали, что людям не хватает, прежде всего, материального благополучия; 67 % боятся завтрашнего дня (страх безработицы и экономической катастрофы); 86 % граждан опасаются терактов.

Согласно данным социальной и санитарной статистики, социологических исследований, никаких реальных подвижек в преодолении демографического и социально-экономического кризиса до сих пор не просматривается. Это может свидетельствовать лишь о том, что остаются неизменными и продолжают действовать мощные (ключевые) кризисные факторы, возникшие в результате неолиберальных реформ. Без радикальных мер власти по преодолению этих факторов последние будут тяжелыми веригами постоянно давить на всю социально-экономическую систему, не давая ей и обществу динамично и успешно развиваться. Об этих факторах и путях их преодоления достаточно подробно сказано в 5-й и 6-й главах настоящей книги.

Добавим к этому еще лишь несколько штрихов, показывающих ущербность и антинациональный характер российского олигархического капитализма. Наглядным примером здесь может служить даже самая благополучная и преуспевающая вотчина олигархов — нефтяная отрасль. Нефтяные магнаты всегда представляли себя как героев-тружеников, которые-де возродили отрасль после коммунистического разорения и сейчас демонстрируют невиданные темпы роста. Но в действительности, отмечает С. Меньшиков [4], нефтяная отрасль достигла высшей точки расцвета именно при советской власти. В 1990 г. в стране было добыто 516 млн т нефти. Разорение наступило при Ельцине: к 1995 г. добыча упала до 307 млн т, т.е. на 41 %. В это время олигархи и скупили отрасль за бесценок. Целых пять лет (до 1999 г. включительно) добыча нефти оставалась на этом низком уровне и стала расти только с 2000 г., когда резко повысились экспортные цены и олигархи, по выражению Меньшикова, впервые почувствовали сладкий запах ренты. В 2002 г. добыча составила 380 млн т, что говорит о неплохих темпах, но отнюдь не невиданных. Рекордные же темпы приходились как раз на советское время, когда в 70-х гг. за одно десятилетие добыча выросла почти вдвое. Выходит, что в руках государства нефтяная отрасль работала много эффективнее, чем в частном владении олигархов [там же].

По свидетельству председателя совета Союза нефтегазопромышленников России Ю. Шафраника, по сравнению с 1990 г. эффективность российских нефтяных компаний упала в два раза [8]. Этот автор так характеризует ситуацию: «При существу-

щем монополизме у компаний нет никакого желания технологически развиваться; легче пускать простаивающие скважины, осваивать мелкие месторождения вокруг обустроенных районов... За десять лет нефтяные и газовые компании так и не начали ни одного крупного проекта — все дополнительные движения происходят в уже существующих нефтяных провинциях».

С. Меньшиков в своем исследовании показал, что компания ЮКОС тратила на биржевые операции (покупку ценных бумаг с целью перепродажи) в два-три, а то и в пять раз больше, чем на вложения в новое оборудование. На геологическую разведку расходуется вдесятеро, а то и меньше средств, чем на административные нужды... [4]. «Техническая вооруженность нефтяных компаний не становится принципиально лучше, в строй не вступают новые месторождения, так как на их разведку деньги не выделяются. Нефтяные концерны практически продолжают сосать советскую соску, при случае громко и бесстыдно ругая большевиков за разорение отрасли. Но не будь советской власти и построенной ею могучей нефтяной индустрии, причем построенной на приобских болотах, куда ни один частник не сунул бы нос со своими капиталами, продолжал бы Михаил Ходорковский торговать импортными телевизорами и наживаться на валютных спекуляциях или, как Борис Березовский, собирать дань с экспорта «Лад». Прав Юрий Шафраник: ничего нового олигархи для отрасли не сделали, разве что придумали новые способы ухода от налогов» [там же].

В последние годы олигархия и неолиберальная власть продолжают вести дело к приватизации практически всей экономики и к максимальному свертыванию государственного сектора... Но практика капиталистического хозяйничанья в России отнюдь не доказала каких-либо его явных преимуществ по сравнению с государственным управлением в советское время. Если в современной России государственные предприятия и управляются плохо, то причины этого заключены не в форме собственности, а в недостаточном финансировании, чиновничьем пренебрежении или намеренной (как у Чубайса и ему подобных) «подготовке» предприятий к банкротству с целью их передачи под частный контроль [там же].

Здесь же хотелось бы упомянуть еще одно событие конца 2004 г., которое, в свете вышесказанного, могло стать куда более

значимым, чем письмо М. Ходорковского, и даже послужить основой судьбоносных для страны решений и действий власти. В 2004 г. Счетной палатой РФ был подготовлен доклад, в котором подведен итог 10-летнего процесса прошедшей в России приватизации. И хотя настоящий документ так и не был представлен для рассмотрения законодательной власти (хотя определенные ожидания в этом плане были), в прессе появились высказывания по поводу итогов приватизации и того, что в связи с этим нужно делать.

Высказался по данному поводу и Сергей Степашин — председатель Счетной палаты РФ [7]. С. Степашин является высокопоставленным чиновником и креатурой президента, поэтому его высказывания и оценки облечены в мягкую форму и довольно осторожны, но даже при этом они весьма многозначительны. Приведем кратко суть его высказываний. С. Степашин констатировал, что многие цели приватизации достигнуты не были. Сегодня практически все эксперты сходятся в том, что «ваучерная» модель приватизации оказалась неэффективной, а то и просто ошибочной. Развеялись многие мифы, связанные с приватизацией. Смена форм собственности автоматически не привела к повышению экономической эффективности предприятий, не вызвала роста производительности труда, не породила в массовом порядке эффективных частных собственников. Законодательная база не позволяла серьезно противодействовать новым формам экономической преступности. С. Степашин считает, что, поскольку с правовой точки зрения, действует общее правило презумпции законности нормативных актов, в рамках которых проводилась приватизация, то именно поэтому пересмотр итогов приватизации недопустим (вот где находится гордиев узел, не разрубив который, власть не добьется реальных успехов. — Я.Л.). Такую аргументацию Степашина следует признать крайне сомнительной, ибо о какой законности в начале 1990-х гг. можно говорить вообще, когда даже президент неоднократно нарушал закон, а Конституционный суд признавал его действия неконституционными (см. главу 3).

«Вместе с тем, — отметил С. Степашин, — вывод о легитимности приватизации не означает объявления «заочной амнистии» лицам, грубо нарушившим действовавшее на тот момент законодательство. Речь может идти как о безусловном возвраще-

нии государству незаконно приватизированного имущества, так и о разного рода компенсационных возмещениях. Например, за недооцененную собственность, за невыполненные инвестиционные условия сделок и пр. Сравнив экономику России с больным человеком, С. Степашин охарактеризовал доклад Счетной палаты как своего рода диагноз состояния этого больного. А вот что с больным теперь делать — должны решить врачи: президент, парламент, правительство.

Итак, дело оставалось за малым: власти обязаны расценить материалы доклада как руководство к действию и принять адекватные решения, т.е. решения, в наибольшей степени отвечающие национальным интересам. Но, как мы все знаем, ничего подобного не случилось.

В своей книге «Великий последний шанс» Михаил Веллер охарактеризовал вышеизложенную проблему предельно кратко и ясно: «Нельзя пересматривать итоги приватизации» — означает в переводе на разговорный русский: кто что украл — давайте всем оставим краденое. Я повторяю: отобрать не то, что люди создали — а то назад забрать — назад забрать! — что воры себе присвоили!» [2].

Всем понятно, что в существующей на данный момент системе власти все зависит от президента. И здесь многое определяют идеологические взгляды, установки президента. Последнее обстоятельство не внушает особого оптимизма. Вспомним статью М. Ходорковского, где тот утверждает, что В. Путин «либеральнее 70 % населения страны» и, с точки зрения провозглашаемой идеологии и на фоне национально-патриотически ориентированных политиков (которых Ходорковский рисует в негативном свете), президент представляется ему либералом № 1.

Свое мнение и мнение многих авторитетных специалистов о российских неолибералах и губительности их политики для страны мы высказывали на страницах настоящей книги, поэтому не будем повторяться. Как бы то ни было, но и в первом путинском правительстве (Касьянова) и во втором (Фрадкова) занимают ключевые посты ярко выраженные неолибералы (Греф Г., Кудрин А., в эту же плеяду входил и бывший долгое время помощником президента Илларионов А.), определяющие финансово-экономическую политику, а также М. Зурабов, А. Фурсенко, определяющие во многом социальную политику.

Сейчас уже очевидно, что широко рекламировавшаяся еще в 2000 г. экономическая программа Грефа не достигает поставленных целей (мягко говоря). Недаром он вынужден был однажды признать, что поставленная президентом задача удвоения ВВП к 2010 г. вряд ли может быть решена. И это при невероятно выгодной для России мировой конъюнктуре цен на нефть, о которой четыре—пять лет назад никто и мечтать не смел. В страну льются огромные потоки нефтедолларов, но никаких признаков *реального* подъема экономики не видно, не говоря уже о социальной сфере. Замыслы, концепции и действия министерств, возглавляемых Фурсенко и Зурабовым, по «реформированию» систем образования, здравоохранения, науки направлены по существу на дальнейший демонтаж социального государства и еще более масштабное уничтожение человеческого капитала, что вызывает огромную тревогу у работников указанных отраслей и широкой общественности.

Все свидетельствует как о неспособности правительства и его консультантов вывести страну из кризиса, так и о неверной (негодной) парадигме социально-экономического развития, которая в своих основах существенно не изменилась с ельцинских времен (а ведь практически все эксперты, по свидетельству С. Степашина, считают ее ошибочной).

Михаил Веллер дал беспощадно точную характеристику современным российским реалиям: «Вся политико-экономическая система сегодняшней (лето 2005) России запрограммирована не на созидание нового, а на расхищение старого... Поймите. Если в государстве не воруют только те, кто лишены такой возможности — бесправные внизу, а чем выше, тем больше так или иначе воруют, укрывают, расхищают, делят, пият, дают и берут практически все — то дело не в людях, а в системе, в которую они сложились. Сегодняшняя фаза нашего социума, сегодняшнее направление его эволюции — отбирает исключительно такие мнения и поступки, силою и направлением которых социум продолжает деградировать и гибнуть... Поэтому <такое> государство не может быть реформировано — оно может быть уничтожено, разобрано, демонтировано — и на его месте создано другое. С другими принципами. Иначе структурированное. На иное нацеленное [2].

Ведущими экспертами в области здравоохранения — авторами одного из ежегодных докладов Европейской комиссии ВОЗ

— указывалось, что огромные различия в состоянии здоровья как населения разных стран, так и разных его групп в отдельных странах обусловлены экономической политикой государств и, в первую очередь, определяемыми ею социально-экономическими условиями [10]. В связи с этим в настоящее время установлены научные понятия здоровой и нездоровой экономической политики. Лауреат Нобелевской премии в области экономики А. Сен приводит в качестве примера нездоровой экономической политики российскую [9]. По мнению автора, ухудшение здоровья нации, сверхсмертность, особенно мужчин в трудоспособном возрасте, ставит под сомнение возможность достижения темпов экономического роста, необходимых для возвращения России в число развитых стран.

Именно об этом же сказал, с присущей ему прямоотой и эмоциональностью, М. Веллер: «Если народ обнищал — это ошибочная, вредная, уродливая форма рынка. За пятнадцать лет можно понять — это не случайность, не кратковременность, это закономерный аспект такой вот рыночной политики...

Если политик и экономист равнодушен к страданиям людей вследствие его реформ, отрицает очевидное наличие этих страданий и обвиняет в них сам народ за его неумение приспособиться к таким реформам — то после отсидки положенного срока на зоне с конфискацией имущества такой «экспериментатор» не должен иметь работу за пределами кабинета или лаборатории.

Ты видишь — плачут? Ты видишь — голодные? Ты видишь — в упадке страна, и дух ее, и интеллект ее, и надежды ее? Так меняй срочно ту политику, которая привела к этому результату!» [2].

Все вышесказанное говорит об огромности и сложности задач, стоящих перед страной и ее руководством. Это, напомним, построение многоукладной планово-рыночной и социально-ориентированной экономики, правового государства, ликвидация вопиющего социального неравенства и бедности, подъем уровня жизни, укрепление общественного здоровья, обеспечение благоприятных условий для социально-демографического развития. Причем главным критерием правильности и приемлемости проводимой властями социально-экономической политики являются показатели медико-демографического статуса: рождаемость, смертность, продолжительность жизни, заболеваемость, другие характеристики здоровья населения.

ЛИТЕРАТУРА К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

1. *Арин О.А.* Мир без России / О.А. Арин. — М., 2002.
2. *Веллер М.* Великий последний шанс / М. Веллер. — М.: Издательство АСТ — СПб: Пароль, 2006. — 463 с.
3. *Лещенко Я.А.* Мониторинг здоровья населения: Теоретико-методологические аспекты / Я.А. Лещенко. — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. — 207 с.
4. *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма / С. Меньшиков. — М.: Международные отношения, 2004.
5. Обзоры СМИ России, 02.07.97. — Интернет.
6. *Прохоров Б.Б.* Прогноз качества здоровья населения России / Б.Б. Прохоров // Проблемы прогнозирования. — 1995. — № 5. — С. 119–133.
7. *Степашин С.* Заочной амнистии не будет / С. Степашин // *АиФ*. — 2004. — № 49.
8. *Шафраник Ю.* 10 лет впустую. Нефтяная промышленность отмечает «тяжелый юбилей» / Ю. Шафраник // Страна. Ru. — 2003. — 5 сентября.
9. *Sen A.* Health in Development / A. Sen // WHO bull. — 1999. — Vol. 77, N 8.
10. The European Health Report 2002. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2002.

ПОСТСКРИПТУМ

Когда второе издание настоящей книги было практически готово к печати, президент России В. Путин выступил в мае 2006 г. с ежегодным (седьмым) посланием Федеральному собранию. Послание получило большой резонанс в обществе, и не случайно. Глава государства обратился к самой главной и самой острой проблеме современной России — демографической. Президент именно так и сказал: «А теперь о главном. Что у нас главное?... Речь пойдет о любви, о женщинах, о детях. О семье. И о самой острой проблеме современной России — о демографии».

До этого о демографическом кризисе В. Путин говорил только в самом первом своем послании (в 2000 г.). Но знаменательным стало именно это выступление В. Путина, потому что в нем впервые предложен комплекс конкретных мер по преодолению кризиса воспроизводства населения. Обозначены три приоритетные направления преодоления демографического кризиса: 1) снижение смертности; 2) эффективная миграционная политика; 3) повышение рождаемости.

И все же, при всей важности и актуальности части послания, посвященной демографической проблеме, она вызвала (прежде всего, у специалистов) вопросы и даже определенные сомнения.

По нашему мнению, тяжелейший демографический кризис является одним из основных проявлений глубокого системного кризиса, обусловленного политикой неolibеральных реформ ельцинского периода, в результате которых создана неприемлемая (неадекватная) для российского общества модель социально-экономической системы. Это положение всесторонне обосновано в настоящей книге. Но если кризис является системным, то и меры по его преодолению должны иметь системный характер. Кроме того, страна, как было показано выше, по своим природно-географическим, демографическим, экономическим и другим условиям является в высшей степени неоднородной. В

силу этой неоднородности отдельные регионы в разной степени подвержены всевозможным геополитическим угрозам, в том числе демографическим, военным и т.д. Данная особенность, на наш взгляд, обязательно должна учитываться при разработке мер по преодолению демографического кризиса. К сожалению, эти фундаментальные факторы и обстоятельства в послании не обозначены.

Наиболее проработанными выглядят в послании меры по повышению рождаемости: увеличение размера пособий по уходу за ребенком до полутора лет; компенсация затрат на детское дошкольное воспитание; материальное стимулирование устройства на воспитание в семьях сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; увеличение стоимости родовых сертификатов; создание сети современных перинатальных центров; предоставление женщинам, родившим второго ребенка, базового материнского капитала.

При оценке этих мер обращает на себя внимание то, что они касаются первого и второго ребенка и не касаются третьего и четвертого, в то время как, по расчетам демографов, выйти на уровень хотя бы простого воспроизводства населения, не говоря уж о расширенном, можно только при существенном увеличении рождаемости детей третьей и четвертой очередностей. Здесь-то и необходимо проводить дифференциацию мер по стимулированию рождаемости с учетом территориальных, этнических и других неоднородностей, а также с учетом степени демографического неблагополучия и подверженности регионов геополитическим, этнодемографическим угрозам (и, соответственно, значимости этих регионов для сохранения целостности страны). В главе 7 приведено наше предложение о первоочередном введении мер по стимулированию рождаемости в Сибири, на Дальнем Востоке, в северо-западных областях России (Псковской, Новгородской, Тверской, Ленинградской). Причем, в этих регионах меры могут (и, по-видимому, должны) быть более широкими, чем те, что приведены в послании В. Путина. Например, пособие по уходу за ребенком выплачивать не до полутора, а до семи лет. Полностью погашать кредиты на жилье молодым семьям при рождении третьего ребенка, а при рождении четвертого — предоставлять жилье большей площади.

Если не отдать приоритет в демографической политике вышеуказанным демографически депрессивным и геополитически важным регионам, то оттуда будет продолжаться отток населения, будет возникать «демографический вакуум», острая нехватка трудовых ресурсов, что, в свою очередь, породит усиление экономической депрессии и прочих кризисных явлений. Общим же итогом перечисленных процессов станет нарастание угрозы отторжения регионов Сибири и Дальнего Востока от России.

В части совершенствования миграционной политики в послании президента совершенно верно обозначен приоритет — привлечение из-за рубежа наших соотечественников (по-видимому, это должны быть не только этнические русские, но и другие бывшие граждане СССР, воспринявшие русскую культуру и хорошо знающие русский язык. — Я.Л.), а также стимулировать приток в страну квалифицированных специалистов, людей образованных и законопослушных. К сожалению, до последнего времени миграционная политика, в т.ч. миграционное законодательство, всему этому никак не способствовали. Остается надеяться, что теперь ситуация изменится к лучшему.

Что же касается такой острейшей демографической проблемы как чрезвычайно высокая смертность населения (особенно смертность населения трудоспособного возраста), то она не получила в послании сколько-нибудь адекватного отражения. Упомянута необходимость противодействия двум второстепенным факторам смертности — дорожному травматизму, распространению суррогатной алкогольной продукции, а также улучшения выявления, профилактики и лечения сердечно-сосудистых и других заболеваний. Обойдены вниманием главные аспекты и причины сверхсмертности россиян. И это очень большое упущение и недостаток послания.

Конечно, можно найти объяснение столь малому вниманию проблеме смертности в президентском послании. Ведь в противном случае необходимо искать истоки такого положения, и тогда пришлось бы, в конце концов, назвать главную причину этой беды — нездоровую экономическую (социально-экономическую) политику и определяемые ею социально-экономические условия, о чем говорили нобелевский лауреат А. Сен и международные эксперты в области здравоохранения, а также многие отече-

ственные авторы (см. выше). Если же посмотреть еще глубже, то придется признать провал неолиберального проекта в России, его бесперспективность с позиций выхода из системного кризиса (в т.ч. демографического) и построения социального государства.

К сожалению, в социально-экономической политике властей, практике исполнения государством основных базовых функций никаких существенных изменений не происходит, т.е. по-прежнему доминируют неолиберальные (и антисоциальные) принципы и подходы. Поэтому невозможно себе представить, чтобы насквозь коррумпированные структуры олигархо-бюрократического государства сами по себе вдруг стали в один прекрасный момент осуществлять свою деятельность строго в рамках закона и руководствоваться при этом национальными интересами. Дееспособность такого государства находится на низком уровне, поскольку у него отсутствуют продуманные стратегическая цель и парадигма в сфере национальной безопасности, включая безопасность личности и общества. Ускоряется износ всей хозяйственной инфраструктуры, продолжается деградация технологического, интеллектуального (научного), демографического потенциалов. В крайне плохом состоянии находятся воспроизводство и здоровье населения. Нет вдохновляющих и консолидирующих общество ориентиров, расшатаны нравственные устои, сужена социальная перспектива для большинства граждан.

Здесь следует вновь повторить, что консолидировать общество, укрепить его силы и поднять моральный дух возможно только на основе отвечающей жизненно важным интересам национальной идеи. Национальная идея — это главный смысл существования и направление приложения усилий нации (общества) на определенном этапе развития в зависимости от характера и масштабов существующих угроз и вызовов. Последние определяют национальную задачу. А она в данный момент такова: выжить, подняться, найти выход из нетерпимой ситуации, возродиться в качестве великой державы. Только при этом главном условии могут быть решены и любые другие первостепенные задачи: преодоление депопуляции, сбережение и приумножение народа, повышение уровня жизни, сохранение целостности страны, ее этнокультурного облика и др. В таком контексте национальная задача носит надличностный характер, т.е.

общественное, безусловно, ставится выше личного (право нации выше права личности).

Из сказанного следует принципиальное положение: обозначенная выше национальная идея несовместима с либерализмом, поскольку согласно либеральной идеологии право индивидуума выше права общества. То есть, формирование и реализация национальной идеи возрождения в современной России возможны только при условии отказа от неолиберализма.

Следовательно, и сегодня категорическим императивом остается выработка мобилизующей национальной стратегии, способной придать российскому обществу и государству мощный энергетический импульс и вывести его на путь динамичного развития.

Научное издание

Лещенко Ярослав Александрович

КРИЗИС В ОБЩЕСТВЕННОМ ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ГЛАВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Редактор Булкна В.В.
Корректор Булкина С.В.
Оригинал-макет Булкина С.В.
Обложка, иллюстрации Фалеев К.А.

ԱՄՍՍՍՍՍՍՍ և ԱՄՍՍՍՍ 12.07.2006. ԱՄՍՍՍՍ ԱՄՍՍՍՍՍՍ. ԱՄՍՍՍՍ 60ս84¹/₁₆.
 ԱՄՍՍՍՍՍՍՍ Times. ԱՄՍ. ԱՄՍ. Վ. 16
 ԱՄՍՍՍՍ 300 ԱՄՍ. ԱՄՍՍՍ և 123-06.

ԱՐԼԵՈՆ ԱՐԼԵՈՆԻ ԱՐԼԵՈՆԻ
ԱՐԼԵՈՆԻ, ԱՐԼԵՈՆԻ ԱՐԼԵՈՆԻ, 1. ԱՐԼԵՈՆԻ. (395-2) 29-03-37.
E-mail: arleon@rol.ru

Лещенко
Ярослав Александрович

Доктор медицинских наук, заведующий лабораторией системных исследований общественного здоровья НИИ медицины труда и экологии человека Научного центра медицинской экологии Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН (г. Ангарск).

Сфера научных интересов: общественное здоровье, социальная экология, медико-демографические процессы, медицинская социология.

Исследует закономерности изменений общественного здоровья, происходящих в процессе эволюции и трансформации антропоэкологических систем. При этом большое внимание уделяет анализу проблем качества жизни на популяционном и субпопуляционном уровнях, особенно оценке роли социально-экологических, экономических, государственно-политических, медико-социальных и других факторов в формировании роста и потерь жизненного, трудового, репродуктивного потенциалов населения.

Является автором более 170 научных публикаций, в том числе 6 монографий.